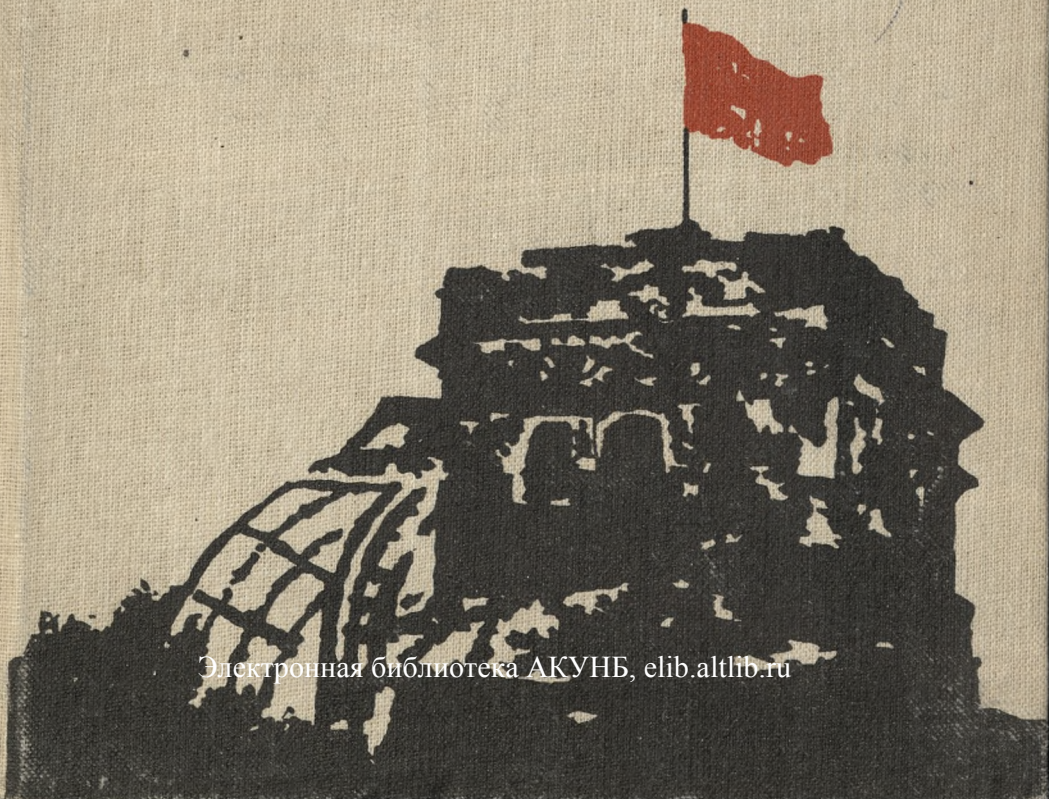


63.3кр
К591 Р.
1223139

Н. Д. КОЗИН

ГВАРДЕЙЦЫ В БОЯХ



Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ГВАРДЕЙЦЫ В БОЯХ

Н. Д. КОЗИН

1223139

9(С)27
К 591 КР

Н. Д. Козин,
Герой Советского Союза

ГВАРДЕЙЦЫ В БОЯХ

*ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1985

Электронная библиотека АКУНБ, elibr.altlib.ru

9 (с) 27
К 59
ББК 63.3(2)722

*Рецензент Ю. В. Плотников,
полковник, кандидат исторических наук*

1223139



Козин Н. Д.

К 59 Гвардейцы в боях. — 2-е изд., переработ. и доп. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985. — 272 с. ил.

Автор Герой Советского Союза, генерал-майор в отставке, рассказывает о боевом пути подразделений, частей и соединений, которыми он командовал в годы Великой Отечественной войны.

Издается к 40-летию Победы над фашистской Германией.

Рассчитана на массового читателя.

К 0505030202—18
М(138)—85—2 85

9 (с) 27
ББК 63.3(2)722

© Алтайское книжное издательство, 1985

ВОИН И ГРАЖДАНИН

Об авторе этой книги

Вряд ли Дмитрий Андреевич Козин, сибирский крестьянин, подозревал о существовавшем некогда в Древней Греции царе Несторе, когда декабрьским днем 1902 года поп окрестил его новорожденного сына этим именем. Не знал он, что древнегреческий царь участвовал в Троянской войне, что во всех трудных случаях жизни герои греческого эпоса обращались к своему царю за советом и что в литературную традицию образ Нестора вошел как тип житейски умудренного человека. Возможно, слышал Дмитрий Андреевич о русском летописце Несторе, оставившем после себя, как считают исследователи, великолепный памятник древнерусской литературы «Повесть временных лет». И уж, конечно, не мог представить отец, что сын его будет участником такой же знаменитой, как Троянская, но еще более кровавой и жестокой войны, и станет ее героем. И напишет книгу, вобравшую не только его личный человеческий опыт, но и опыт поколения, которое потрясло мир своими небывалыми историческими деяниями. И что станет его Нестор человеком, чье мудрое сердце и советы помогут окружающим его людям находить верную дорогу в жизни.

Не знал всего этого 82 года назад Дмитрий Андреевич Козин. Но наверняка предполагал, что повторит сын тяжелую судьбу и его, и деда. В долгом германском плену, выбираясь из угольной шахты на свет божий, думал он о России и о тяжелой доле оставленного там сына-сироты.

Семнадцатый год яркой межой разделил жизнь Нестора на черную и светлую части. И хотя легкой жизнь по-прежнему не была, но тяжести ее переносились уже с предчувствием неминуемого близкого счастья. Да и сама борьба за него уже была счастьем.

Да, Нестор воспитывался сиротой, но никогда не был одиноким человеком. Можно только поражаться тому, сколько имен и фамилий сохранила память Нестора Дмитриевича к сегодняшнему дню. Это люди, обучавшие его, бойца переменного состава Красной Армии, а затем курсанта пехотной школы. Это бойцы, которых обучал он, будучи командиром отделения, а затем взвода, роты. А сколько прошло перед ним людей за 1418 дней войны: рядовых, офицеров, генералов и маршалов! И многих из них он вспоминает добром. При том, что он помнит названия военных операций и населенных пунктов, номера частей и военных приказов, даты и бесчисленные эпизоды войны, все же доброе воспоминание о людях остается главным достоинством его памяти.

Маршал Жуков, с которым Нестора Дмитриевича связывали самые теплые отношения до последних дней жизни Георгия Константиновича, говаривал: «Что ни пекло, там и Козин». Действительно: и под Москвой, и под Сталинградом, и на Курской дуге батальон, полк, дивизия Н. Д. Козина сражались на самых опас-

ных участках. Первой его дивизия ворвалась и в Берлин. Да, он был «настоящим сибирским самородком, тактиком», как охарактеризовал его военные способности Г. К. Жуков. Но он был на войне и человеком, хорошо знающим душу, физические возможности подчиненных ему людей. И когда он спрашивал бойцов: «Когда последний раз в бане были?», те в ответ на такую заботу не могли воевать плохо. Военное искусство Н. Д. Козина и мужество людей помогли выиграть дивизии много боев, в том числе в первом сражении на Курской дуге. «Духом разбил», — отвечал потом Нестор Дмитриевич, объясняя победу.

Слушаешь Нестора Дмитриевича и не перестаешь с сожалением думать о том, как все-таки жаль, что не довелось этому «сибирскому самородку» по-настоящему поучиться. Не только ради маршальских погон, а ради того, чтобы как можно полнее раскрылись его способности. Он мог бы и не стать военным, но так сложилась судьба. И мы говорим ей «спасибо», что был и есть сейчас среди нас генерал Козин. По армейскому рангу Н. Д. Козин в отставке. А по житейскому счету Нестор Дмитриевич по-прежнему на действительной службе. Всем жителям края хорошо знакома его мощная, в генеральском кителе с орденскими планками и Золотой Звездой фигура, его тихий голос, которым он рассказывает молодежи о своей жизни и который становится громким, когда командующий играми «Зарница» или «Орленок» Н. Д. Козин отдает приказ юнармейцам.

Имя Н. Д. Козина ассоциируется не только с его древнегреческим и древнерусским тезками. В имени Нестор слышится и другое: «не стареющий».

Н. Д. Козин является Почетным гражданином г. Барнаула. Всей своей жизнью, общественной деятельностью он оправдывает это высокое звание.

В. Лищинский



Детство и юность

Сколько лет ни пройдет с тех пор, как человек уедет из родных краев, где потом он ни живет, а отчего дома, своей деревни он никогда не забудет. С годами память все чаще уводит на родину, наверное, оттого, что первые детские впечатления настолько непосредственны и сильны, что на всю жизнь остаются с человеком. Много, конечно, забывается, но главное, самое важное и значительное, помнится.

...Уже после Великой Отечественной войны мне несколько раз довелось побывать в своей родной деревне Бурково-Новопокровское, что в Татарском районе Новосибирской области. Как все там изменилось! Но и теперь отыскиваются следы босоногого детства. Вот здесь, на этой улице, не без основания называвшейся Криулино, стояла наша хатенка, пятая от угла, принадлежавшая бабушке Екатерине. Дед по отцовской линии, Андрей, умер еще до моего рождения. По соседству жили Заикины, Боборыкины, напротив, через дорогу, — Фомины, Максименко, Леонтий и Павел Байдуковы (родные дяди прославленного летчика, Героя Советского Союза Г. Ф. Байдукова).

Домов этих уже нет, деревня сильно поубавилась, сейчас здесь отделение совхоза.

В двадцать втором году мой отец Дмитрий Андреевич отделился и поселился на другой улице — сначала на Собачьей Заимке, а потом на Новой Зеленой, более чистой и удобной, с хорошими огородами. Время снесло и этот домик на Новой Зеленой. Его и домиком можно было назвать лишь с большой натяжкой. Это была крохотная, в два окошка, низенькая хибарка. Но все равно она казалась нам самым лучшим домом на свете.

В деревне, а она была тогда большой, насчитывала до трехсот дворов — две улицы назывались Зелеными, но из зелени на них буйно росла лишь трава. Деревня всем ветрам-метелям была открыта зимой и летом, выглядела скучноватой, обнаженной. Большую часть ее жителей составляли переселенцы из Харьковской, Пензенской, Тамбовской и других западных областей страны, перебравшиеся в Сибирь во второй половине прошлого века в поисках свободных земель, вольной жизни. Но тогда «воля» везде бы-

ла одна, каждый кусок хлеба давался тяжким трудом. Видно, по этой причине селянам было не до деревьев, не до красоты деревни. Все время, от зари до зари, уходило на работу на пашне и в огородах. А вся «механизация» — лошаденка, соха да мотыга.

Единственной отрадой и развлечением для нас, детворы, было довольно большое озеро (к сожалению, теперь высохшее), начинавшееся сразу от крайних огородов. У него частенько сидели мы на утренней зорьке и вечерами с удочками. А еще мы любили охоту на зайцев, тетеревов, куропаток и уток.

...Родился я 19 декабря 1902 года, среди детей в семье был третьим по счету, после Степана и Аксиньи. Через два года появилась еще одна сестренка — Тоня. Родители мои жили, как я уже говорил, в хатенке бабушки Екатерины. Дом в мою пору был наполнен, как улей: семья состояла из двенадцати душ — самой бабушки, ее двух сыновей — оба Дмитриии, дочерей Федосьи, Евдокии и Елены с сыном Михаилом, моей матери Домны Алексеевны и нас, четверых ее детей. А настоящих работников — мужиков — один мой отец.

Было трудно, однако бабушка, отец, мать старались не падать духом, к нам относились ласково, заботливо.

— Погоди, мама, — говорила моя мать, — вот вырастет наша орда, тогда будет кому трудиться.

Но матери не суждено было увидеть своих детей и внуков счастливыми: в 1906 году, когда мне не было и четырех лет, она умерла. И хотя я был еще мал, остро почувствовал эту утрату.

В те годы горе посетило не только наш дом, оно было частым гостем почти всех бедняцких и многих середняцких хозяйств. Все это я потом узнал из рассказов отца. Только что закончилась разорительная для народов России русско-японская война. Затем один за другим последовали неурожайные годы. А что может быть для бедняцких семей страшнее голода! А тут еще в наших краях вспыхнула эпидемия сибирской язвы и ящура. Это вызвало сильный падеж скота, во многих деревнях большинство семей, в том числе и наша, лишились последней коровенки. А какую помощь можно было ожидать крестьянину от царского правительства! Никто на помощь и не надеялся. Каждый рассчитывал только на себя.

Жизнь шла своим чередом.

Маму нам заменила бабушка Екатерина, которая стала еще более ласковой, внимательной, заботливой. Мы ее

очень любили. Я и младшая сестренка Тоня называли ее мамой. Было ей в то время около пятидесяти лет. Невеликого роста, спокойная, с добрыми, задумчивыми темно-серыми глазами.

— Когда-нибудь легче будет жить, — часто говорила она.

Надежды на лучшую жизнь у бабушки были связаны с верой в бога, который, дескать, «все видит на земле, всех нас знает и обо всех думает, одних карает за грехи, а праведникам помогает». И когда мы пытались говорить о несправедливости к нам Николая-чудотворца, о котором больше всего рассказывала бабушка, она строго отвечала:

— Значит, мы недостойны его милости, видно, много грешим.

Но я все больше разубеждался в божеской сверхсиле. В возрасте 12 лет пришлось побывать в сельской лавке местного купца Тимофея Сидорова. Боже мой, чего там только не было: конфеты всякие, пряники, орехи, сахар — детские голодные глаза все увидели. Мне казалось, что в этой лавке все есть.

Дома спросил:

— Бабушка, а Сидоровых бог сделал богатыми?

Но бабушка, будто не слыша, продолжала суетиться у печки. Я продолжал допытываться. Бабушка молчала. Видно, и в ее чуткой душе было уже накоплено немало сомнений, видно, и она чувствовала, что мир устроен несправедливо. Поставила на стол чашку с горячей картошкой в «мундире».

— Ешьте, пока не остыла, и благодарите всевышнего. У многих и этого нет... А Сидоровы... Бог им судья. Нужно расти честными, трудолюбивыми. — И бабушка тяжело вздохнула.

Когда мне исполнилось восемь лет, я пошел в школу. Сейчас трудно описать, с каким волнующим нетерпением ожидал я этого дня — очень уж хотелось учиться! Ведь многие мои друзья, что были постарше, — Кузьма Максименко, Павел и Елена Байдуковы, Назар Зайкин и другие — уже учились. Однако радость моя продолжалась недолго. В конце сентября наступили первые утренние заморозки. Был я слаб, а ни путной одежки, ни обуви у меня не было. Я заболел брюшным тифом и проболел почти два месяца. Год для учебы пропал.

На следующий год опять пошел в школу. Через месяц, заметив мое прилежание, учительница Глафира Петровна Кошкарева перевела меня во второй класс. Я стал учиться

еще старательнее, особенно мне давалась арифметика. Всегда с благодарностью вспоминаю свою учительницу, за короткий срок привившую мне страсть к книгам.

И опять несчастье. В конце октября заболел возвратным брюшным тифом. Болел, как потом рассказывали отец и бабушка, долго и тяжело, на мое выздоровление уже не надеялись. В конце 1963 года я встретился с другом детства, он рассказывал: «В деревне все считали, что твой второй случай болезни — это конец. Хорошо помню, как твой отец пригласил Ивана Шахова делать гробик, а бабушка Екатерина суежилась и беспокоилась из-за отсутствия необходимого количества свечей. А в деревне как было? Тут же собрались старухи, крестились.

— Господи, да ведь он уже больше двух месяцев мучается и нас всех измучил. Слава богу, кажись, теперь отмутились. — И бабушка Екатерина перекрестилась. — Царствие ему небесное. Жалко мальчонку, смысленый был, да, видно, богу так угодно.

Старуха Маланья Максименко тут же нашла объяснение «господней воли»:

— Дак после смерти матери отчего он болеет? Видно, шибко скучает по матери. Знамо, видит господь бог, чтобы Нестерка так не убивался, всевышний дает возможность им видеться. Вот радость-то будет обоим!

Но, Нестор, твое счастье, не пришлось старушкам помянуть за упокой души усопшего раба божьего».

В конце декабря 1911 года я начал поправляться, встал на ноги.

1912 год также оказался для нашей семьи горестным: от укуса тарантула умер мой старший брат Степан. Не успела затихнуть боль утраты — новый удар: в 1914 году началась первая мировая война, и моего отца Дмитрия Андреевича, как и многих других из нашей деревни, забрали на фронт. Провоевал он, однако, недолго. Второй стрелковый корпус 2-й армии генерала Самсонова, в котором находился отец, был разбит в Восточной Пруссии. Отец раненым попал к немцам в плен. Неоднократные попытки побега успеха не имели.

Вернулся отец домой уже в 1920 году. Все эти тяжкие годы мы в полную меру бедствовали, учиться дальше мне, конечно, не пришлось, со школой расстался. С тринадцати лет стал в семье и пахарем, и сеятелем, и жнецом. А в деревнях, порожденные войной, орудовали всякого рода спекулянты, воры, конокрады. Помню, в нашей деревне этим славились братья Александр и Константин Галкины. Они

ничем не гнушались. Однажды ночью увели с нашего двора последнюю лошадь, и мне, чтобы как-то помочь семье, пришлось идти в пастухи, а позднее наниматься разнорабочим, а затем и грузчиком на железную дорогу.

Но вот с фронтов стали приходиться раненые: Федор Заикин, Григорий Иванович Курочкин, Алексей Науменко, Макар Кондратьевич Саханин, Лука Илющенко, Григорий Тимошенко и его брат Трофим, Осип Захарович Боборыкин и другие. Они стали кое-что прояснять, рассказывая односельчанам, о чем толкуют солдаты в окопах.

— Надо царя, всех буржуев, помещиков и их прихвостней гнать в шею, — говорили они. — Народ должен быть хозяином, землю крестьянам надо отдать.

Многие слушали и пугались: как это, мол, царя батюшку того... Но наиболее смелые поддерживали фронтовиков: «А что? Хуже не будет, куда еще хуже быть!»

Слушая эти разговоры, я вспоминал рассказы бабушки о том, как они на родине, в Пензенской губернии, пять дней в неделю гнули спину на барской земле, и только шестой день оставался для них.

— Так какой нам резон воевать, защищать чьи-то интересы! — опираясь на костыли, говорил Макар Саханин. — Судите сами: одно наше Бурково послало на эту войну не менее пятисот человек. А что изменилось? Сколько из них головы свои сложили? А зачем? Анисима Самойловича Тимошенко нет, его брата Федора нет, Дениса Никитовича Науменко, Кирилла Федоровича нет и многих других тоже нет. А из оставшихся в живых — половина калеки, вот как я. Выходит, зря мы кровь проливали...

Мне, конечно, тогда еще трудно было все это осмыслить, но я все же понимал, что назревает что-то значительное. И вскоре оно произошло — сначала февральская, а потом и Октябрьская революция, которая и дала народу власть.



Начало службы

В 1922 году я впервые непосредственно соприкоснулся с военной службой, и это предопределило всю мою дальнейшую жизнь, мой путь. В 1922—1923 годах я призывался на двухмесячные лагерные сборы в 35-й стрелковый полк 12-й территориальной стрелковой дивизии для прохождения курса красноармейца переменного состава.

Сейчас на службу в армию призывается молодежь, как правило, грамотная, не то что в наше время. Поэтому в те годы очень серьезное внимание обращалось не только на обучение призывников военному делу, но и на их общеобразовательную подготовку.

Много минуло лет с тех пор, а и сейчас помнится тот мой первый военно-учебный лагерь.

Как ни трудно было выдерживать нагрузку дневных учений и вечерних занятий, все-таки никто не унывал, хотя и чувствовали иной раз неимоверную усталость.

Все было интересно. Особенно загорались наши глаза и возрастало желание служить в армии, когда в минуты отдыха политработники, командиры рассказывали нам о зарождении рабоче-крестьянской Красной Армии, о ее боевых славных делах, о легендарных подвигах прославленных полководцев М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, В. И. Чапаева и других. В эти минуты мне, как и другим, очень хотелось быть в чем-то похожим на героев гражданской войны.

Я и теперь помню дни, когда в нашей деревне стоял кавалерийский эскадрон, прошедший немалый путь в борьбе с Колчаком. Не раз приходилось слушать рассказы этих кавалеристов о боях с беляками. Откровенно, мы завидовали им, гордились их мужеством и отвагой. Не знаю, как для кого из моих товарищей, а для меня это первое знакомство явилось, можно сказать, началом приобщения к военному делу.

Нелегко было, и все же сборы я, как и другие, закончил успешно. На следующем лагерном сборе в красноармейской семье я уже не чувствовал себя так робко. Более активно принимал участие в полковых спортивно-стрелковых соревнованиях. И не только участвовал, а и добивался хороших результатов.

Должен сказать, что лагерные сборы красноармейцев переменного состава были для меня первым серьезным эквивалентом перед всей дальнейшей солдатской службой.

В 1924 году меня зачислили курсантом полковой школы. Так началось осуществление мечты, которая родилась в ходе лагерных сборов — посвятить себя военной службе. С того времени я ни разу не пожалел о выборе этой профессии.

Первое время скучал по деревне, по дому. Вспоминал близкие сердцу березовые колки и рощи, где не раз приходилось бродить на охоте, ходить за ягодами и грибами.

Первого сентября начальник полковой школы товарищ Семенов коротко, но четко изложил программу и поставил перед нами задачи на учебный год.

Политрук школы Дубовицкий, командиры взводов вели большую политико-воспитательную работу среди курсантов. Особенно хочется сказать о своем командире пулеметного взвода Александре Игнатьевиче Казарцеве, под чьим непосредственным руководством я обучался и воспитывался. Родом он из села Тальменки Алтайского края. Он был немногим старше нас, курсантов, но успел к тому времени повоевать против белогвардейских банд в горах Алтая и Забайкалье. (В годы Великой Отечественной войны А. И. Казарцев командовал дивизией, корпусом, удостоен звания Героя Советского Союза.)

Казарцев всегда был подтянут, опрятен, жизнерадостен, он являлся для нас, курсантов школы, образцом советского командира, и мы старались ему подражать. Одновременно он готовился в Военную академию имени М. В. Фрунзе, которую окончил в 1936 году.

Курсантская жизнь была нелегкой. Однако о трудностях не думали, не замечали их потому, что не оставалось у нас времени на это. Весь день занятия по военным дисциплинам, а вечером общеобразовательная подготовка. К концу дня голова пухла, была тяжелой — трудно было бывшему пастуху-батраку привыкнуть учиться. Считал за правило не повторять слово в слово сказанное преподавателем, а понять и запомнить основное и выразить своими словами.

И понятно, что бывали дни, когда так уставал, что едва-едва добирался до постели. А утром по сигналу «подъем» опять на ногах. И так было каждый день. Много времени отдавали спортзалу и военно-прикладной гимнастике. Да и кому из нас было не понятно, что спорт воспитывает ловкость, силу, волю, смелость и выносливость — все то, без чего солдат не солдат. Тогда стояла перед нами одна

задача — овладеть знаниями, учиться мастерству борьбы с возможным противником.

И вот осень 1925 года, программа полковой школы пройдена. Но кто, как ее освоил? Впереди экзамены, они и покажут. Наконец и экзамены позади. Всем сдавшим успешно, в том числе и мне, приказом по полку объявлена благодарность.

Начальник школы товарищ Семенов зачитал приказ о присвоении нам звания командира отделения Советской Армии. Первое воинское звание!

Разъехалась наша курсантская семья. Меня оставили в школе командиром отделения с исполнением обязанностей помощника командира взвода.

Пулеметный взвод А. И. Казарцева по боевой и политической подготовке занимал ведущее место в школе. Это было приятно сознавать, но и прибавляло нам забот.

Командующий Западно-Сибирским военным округом Н. Н. Петин в соответствии с приказом Народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова издал приказ о соревновании на лучшее станково-пулеметное отделение (расчет) РККА.

В программу соревнований входило: 5-километровый пробег по пересеченной местности на лыжах со стрельбой по трем замаскированным целям на расстоянии от 300 до 700 метров с рассеиванием по фронту и переносом огня в глубину в ограниченное время.

К этим соревнованиям мне и приказано было готовить свое отделение в составе Владимирова, Иванова, Грязнова, Дюкова, Грачева. На полковых и дивизионных соревнованиях мы заняли первое место. Собрал нас командир полка, поблагодарил и сказал:

— Успехов вы кое-каких добились, верно. Но это только начало. Именно первые результаты вас обязывают к большему. Посудите, разве не почетно защищать честь дивизии на окружных соревнованиях?

Для победы на окружных соревнованиях одного желания, даже самого горячего, конечно, было мало. «Тренировка, тренировка и еще раз тренировка плюс упорство — вот что необходимо, чтобы одержать победу», — думал я.

Тревоги, волнения, переживания — все это было. И вот соревнования в Новосибирске, куда прибыли и другие пулеметные расчеты-победители. Упуская подробности, скажу лишь, что и здесь мы заняли первое место. Командующий округом Н. Н. Петин вручил нам групповой приз, каждому Почетную грамоту, а мне и карманные часы.

Наконец, последний, заключительный этап — всеармейские соревнования. Надеюсь, читатель поймет, как мы себя чувствовали, готовясь к соревнованиям, которые должны были проходить в Ленинградском военном округе. Ведь мы представляли весь Сибирский военный округ. Сумеем ли достойно защитить честь сибиряков? «Самое главное — меньше паники, растерянности, — напутствовал нас Н. Н. Петин. — Это в каждом деле важно, а в таком соревновании — тем более. Старайтесь во всем соблюдать воинский порядок, быть примером для других. Вы не просто пулеметный расчет 35-го стрелкового полка, а зеркало, в котором отражается лицо нашего округа».

Поэтому, когда вернулись из Новосибирска в Татарск, усилили тренировки и делали не пять километров, а 7—8, по более пересеченной местности, стреляли в самых сложных условиях при любой погоде. Тренировались много и упорно, так что, несмотря на усиленное питание, мы теряли в весе. 6 марта прибыли в Ленинград.

Встретили и разместили нас, как и команды других округов, хорошо. 13 марта вывезли на Финский залив. Место старта и финиша красочно оформлено: флаги, портреты членов правительства Советского Союза, лозунги, призывающие на лучшие показатели в соревновании, армейские оркестры, которые отправляли и встречали команды. Сверх ожидания пришло большое количество зрителей!

И вот соревнования начались. Результаты команд тут же объявляли по радио... Вызывают на старт команду Сибирского военного округа, то есть нас. И тут слышим голоса:

— Вот они возьмут первое место! За сибиряками будет первое место! Ур-ра-а, сибиряки!

Такую уверенность, такие эмоции вызвали, очевидно, наши высокорослые фигуры: действительно, только я да Грязнов имели рост 176 сантиметров, а остальные более 180 сантиметров.

Тогда стояла на редкость солнечная, ясная, теплая погода. Температура 3—5 градусов тепла, что для нас, сибиряков, было нехвата, это ставило нас в невыгодные условия, тем более, что выступали мы в валенках, последними, когда лыжня была уже разбита, местами залита водой. Но жребий есть жребий. А во-вторых, для всех команд, кроме Московского и Ленинградского округов, маршрут пробега был секретом. Короче, в итоге мы заняли третье место и получили групповой приз, а каждый член команды — серебряный жетон «Третье место в РККА».

Вскоре после соревнований меня вызвал командир полка полковник М. Капустин и сказал: «Решили вас, товарищ Козин, послать на учебу в Омское пехотное училище имени М. В. Фрунзе. Как вы посмотрите на это?» Признаться, для меня это предложение было так неожиданно, что я просто растерялся и не знал, как поступить и что сказать: ведь одно дело желание учиться, другое — выдержу ли вступительные экзамены? Образование-то требовалось не ниже 7 классов. Справившись с волнением, высказал свои опасения.

— Это дело вполне поправимое. Освободим вас от всех занятий, прикрепим полкового учителя и будете готовиться по программе поступления.

До сих пор удивляюсь своей счастливой судьбе. Когда было предложено Омское училище, хотя и с опаской, но я дал согласие. Видимо, во мне, как и во многих других парнях того времени, жило стремление к военной учебе. И сейчас, 60 лет спустя, я ни о чем не жалею. Работа командира Советской Армии — воспитывать, учить и водить людей в бой во имя Родины и побеждать врага с наименьшими потерями — это большая радость.

Начальник полковой школы Чернышев просил командира полка оставить меня старшиной полковой школы. Но, к моему счастью, командир полка не изменил своего решения. Во второй половине августа я выехал в Омск.

Как освоил программу учебы среднего комсостава — писать не буду. Скажу только одно. После первого года учебы приказом начальника училища я был назначен помощником курсового командира взвода и выполнял эти обязанности до выпуска в октябре 1929 года.

После окончания Омского училища сразу же был назначен командиром пулеметного взвода в 11-й полк 4-й стрелковой имени Германского пролетариата дивизии в Белорусский военный округ.

Еще на первом, а тем более на старшем курсе училища, я, пожалуй, как и другие, пытался нарисовать картину знакомства и мер воспитания будущих подчиненных. Вот ты, молодой командир взвода, затянутый ремнями, стоишь перед строем взвода, знакомишься, говоришь о себе. Затем вскоре постигаешь загадки их характеров (ведь немало ж нам дал трехгодичный курс!).

Но в жизни все оказалось не так прямолинейно. Вспоминаю, командир 8-й роты Кривцов представил меня взводу... Я скорее ощутил, чем увидел, цепкие взгляды красноармейцев: как он, мол, стоящий командир или так себе?..

Затем было знакомство со списком личного состава, с карточками поощрений и взысканий, но что за ними, какие характеры?

Вспомнились училищные наставники — командир батальона Богайчук, командир роты Рудь. «Вам, — любили они говорить строевым командирам, — всегда будет трудно. Особенно трудным станет начало». Как-то на политзанятиях мое внимание привлек красноармеец Стародубцев. Едва я закончил изложение темы и спросил, нет ли каких неясностей, Стародубцев поднял руку. «Любознательный паренек, это хорошо», — отметил про себя. Его вопрос, как мне показалось, был скорее проверкой знаний молодого командира. Но уроки училища еще были свежи в памяти.

Однажды шел огневой урок. Под открытым небом упражнялись в разборке и сборке станкового пулемета «максим». Правда, погода была неважная: холодный ветер заставлял ежиться даже закаленных. Стылый металл обжигал пальцы рук. Командиру отделения Жданову, руководившему тренировкой, никак не удавалось расшевелить людей. Один из пулеметчиков говорит: «Так ведь холодно. Разве тут до нормативов?» Подхожу к ним: «Холодно, говорите? А ну, дайте-ка мне замок, а вам, товарищ Новиков, — секундомер». Новиков с явным удовлетворением нажал на кнопку: мол, давай-давай, товарищ командир, попробуй опередить стрелку секундомера. В сущности, в какой-то степени стоял вопрос о моем авторитете. Не сумей я сейчас показать свою сноровку, знания, чего будут стоить призывы о необходимости настойчиво совершенствовать боевую подготовку!.. Щелкнула кнопка секундомера и тут же раздалась возгласы: «Ого!..» Я понял, что мне удалось сократить норматив. Так же первым приходилось ложиться для стрельбы из пулемета, винтовки, выполнять нормативы на брусках, турнике и в других видах боевой подготовки.

Неволью вспомнил требования командиров взводов Казарцева и Лаптева. И самому захотелось учить так, как они учили нас.

И воспрянули пулеметчики духом, вспыхнул огонек соревнования. Первым объявился Стародубцев. Боец был самолюбивым, «с характером». Раньше он нарушал дисциплину, считал, что его строго наказывали напрасно, и за тайл обиду на своих командиров. Как-то он выполнил на «отлично» второе упражнение по стрельбе из станкового пулемета, за что ему перед строем роты была объявлена

благодарность. С этого времени красноармеец Стародубцев забыл обиду прошлого.

Вскоре наметились успехи в боевой и политической подготовке, взвод занял ведущее место в полку, в дивизии.

В 1932 году мне присвоили внеочередное звание и взяли в штаб дивизии с исполнением обязанностей коменданта пограничного гарнизона полевых войск. Гарнизон состоял из двух дивизий — нашей 4-й стрелковой имени Германского пролетариата и 4-й кавалерийской имени К. Е. Ворошилова, командиром которой был Г. К. Жуков.

Панская Польша вела себя очень задиристо, часты были нарушения границы. Начальник гарнизона комдив Степанов, а затем сменивший его комдив Антонов требовали: «Вам, товарищ комендант, караульную службу и дежурные подразделения гарнизона необходимо держать в большой бдительности и полной готовности».

Начальник штаба дивизии Николай Емельянович Аргунов, докладывая однажды начальнику гарнизона о нарушении границы, заявил: «Больше, чем сделано по линии комендантской службы, сделать было нельзя». За добросовестное выполнение обязанностей по комендантской службе и за методические уроки по огневой подготовке из стрелкового вида оружия, командиром дивизии я был награжден двухствольным охотничьим ружьем.

В 1934 году почти через всю страну я отправился к новому месту службы — командиром роты в Сибирский военный округ, город Красноярск. Числился командиром роты, исполнял обязанности помощника начальника штаба соединения и коменданта города. 1936 год — помощник начальника штаба стрелкового полка; 1937 — командир учебного батальона запасного полка; 1939 — командир батальона курсов усовершенствования офицеров запаса Сибирского военного округа. После выпуска офицеров — командир 3-го батальона 586-го стрелкового полка 107-й дивизии.

Я знал и любил свою сибирскую природу, богатую лесами, озерами, реками, радовался, что вновь попал в эти живописные места.

А тут и весна наступила в 1935 году ранняя, дружная и почти — как всегда на просторах Красноярского края — неожиданная. Скворцы, утки, гуси местами кричали — особенно на правом берегу Енисея, в устье реки Есауловки и Додоново — громко и возбужденно. Везде чувствовалась радостная атмосфера весеннего обновления жизни.

Мне, так же, как и многим другим любителям охоты, радостно было быть в поле, на реках, озерах и любоваться природой. Образ вечерних и утренних зорь не оставлял меня долго в покое. Столько лет прошло с тех пор, а зори весенней охоты на правом берегу Енисея продолжают жить с необычайной силой во мне. Можно ли забыть разноголосое пение птиц, благоухающие цветами и медом утра, полные бодрой свежести... Так было и в последнюю осень 1940 и весну 1941 года на реках и озерах, Алтайского края.

После Победы, в 1945—1946 году, мне приходилось с маршалом Г. К. Жуковым охотиться в Германии, в районе Бидрицы. Однако я не испытывал того удовлетворения, которое ощущал на своей родной земле.

А теперь вернемся вновь в те предвоенные, проникнутые тревожными ожиданиями, годы.

Откровенно говоря, в своей служебной деятельности я видел необходимость самой тщательной подготовки личного состава — взвода, роты, батальона. С 3-м батальоном 586-го полка я вступил в бой 16 июля 1941 года под Ельней, и этот батальон заслуженно носил имя богатырей-сибиряков Великой Отечественной войны.

В стенах полковой школы и Омского училища, как и многие другие, попусту времени не терял. С одинаковым упорством постигал теорию и практику, особенно научился мастерски стрелять из всех видов стрелкового оружия.

Омское училище вооружило и другим — умением с любовью работать с людьми. Этому же учил своих подчиненных. Еще на стажировке в учебных лагерях Сибирского военного округа я понял, как это не просто. Мне тогда стало ясно, что всего не сделаешь в одиночку. Поэтому с прибытием в Белорусский военный округ пришлось обстоятельно заняться сколачиванием актива из комсомольцев и беспартийных своей роты. Итог этой работы оказался отрядным, она приносила свои плоды как в мирное время, так и потом, на войне.

Под Ельней 24 августа 1941 года я принял 85-й стрелковый полк 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии. Вскоре полк стал 2-м гвардейским, открыл счет гвардейских полков Советской Армии и был награжден орденом Красного Знамени.

В апреле 1942 года принял 8-ю моторизованную войск НКВД дивизию, которая 27 ноября 1942 года была переименована в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию и в конце войны именовалась: Рижская, Берлинская орденное Ленина, Суворова, Кутузова второй степени. Дивизия

1223139

17

получила знамя Монгольской Народной Республики и знамя-вымпел за соединение 26 января 1943 года с 13-й гвардейской дивизией генерала Родимцева и с 284-й стрелковой дивизией полковника Батюка на Мамаевом кургане.

Партийные, комсомольские организации, боевой актив — какая это надежная опора командиру! Необходимо всегда помнить, казалось бы, простую истину: вовремя сказать слово похвалы, просто лишь упомянуть чью-то фамилию в ряду лучших — как это окрыляет человека и воздействует на других.

Никогда нам, командирам, не следует забывать ни в мирное время и тем более в бою, что бок о бок с тобой несут нелегкую солдатскую службу юноши, привыкшие с молодым комсомольским задором воспринимать каждую новую весть, тянуться, как растение к солнцу, за теми, кто идет впереди.

Но сам всюду не успеешь, особенно в бою. Считаю — командир должен преуспеть в другом — вдохнуть в людей веру в собственные силы, убедить их в том, что они способны быть мастерами военного дела, а мастер в бою всегда победит. Созданный и нацеленный вами актив — всегда на своем месте и подхватит вашу мысль.

Бывает и так. В первых числах февраля 1941 года, только батальон с ночных тактических учений прибыл в городок, тут же звонком дежурного я был вызван в штаб полка.

— Заходите, заходите, — услышал голос комиссара полка Балакирева.

— Товарищ Козин, — неприязненно начал он, — кто вам дал право при температуре ниже 20 градусов выходить на ночные тактические учения, да еще на лыжах?

Вошел начальник штаба полка.

— Товарищ комиссар, случилось что-нибудь серьезное? — спросил майор Метте.

— Хваленый командир батальона, видимо, забыл, что ему вверили батальон не для исследований и проведения тактических занятий при минус 27 градусов, да еще ночью. Надо работать в соответствии с требованиями устава и приказов. Вы меня, капитан, поняли?

— Мне кажется, что вы в этом мало заинтересованы.

— В чем я не заинтересован?

— В том, чтобы я вас понял.

— Вы нарушили приказ командующего. В результате, по докладу старшего врача Казанцева, боец имеет обморожение второй степени двух пальцев левой ноги. Вот

впишем вам служебное несоответствие, тогда поймете, кто больше заинтересован...

— Для этого надо иметь, основания, — услышался голос вошедшего командира полка полковника И. М. Некрасова. — Прежде чем говорить о показателях, боевой подготовке, мне нужно знать мнение командира батальона. Я слушаю вас, товарищ Козин.

Мне стало понятно, что командир полка только прибыл, но ему известны результаты учений, которые проходили в сложной тактической обстановке и при неположной температуре.

— Товарищ полковник! Учение это позволило мне разработать более рациональный метод скоростных передвижений на лыжах ночью и отработать задачи в темпе современного боя. А что боец обморозил два пальца, так это дает право судить о непригодности носовых лыжных брезентовых креплений и требовать замены их ремненными. Считаю, что в наших условиях личный состав необходимо готовить действовать при минус 20-ти и ниже градусов. Это оправдывает себя в будущем.

Комиссар полка А. В. Балакирев не все понял, а командир полка полковник И. М. Некрасов считал, что командир батальона прав: вложить в сложное обучение столько задора в таких условиях не каждому дано.

На этом был закончен наш разговор.



Боевое крещение

Утро 22 июня 1941 года выдалось солнечное, тихое. День выходной. Но лагерь 107-й стрелковой дивизии, расположенный в сосновом бору, ожил рано: намечались открытие лагерного сбора и подведение итогов учебной тревоги. Для нас всех это был большой волнующий праздник. Бойцы, сержанты, командиры приводили себя в порядок: чистились, гладились, подшивали подворотнички, готовились к торжеству.

Вскоре шумно стало и на стадионах: спортсмены после физкультурного парада собирались помериться силами.

Из города прибыли гости — представители партийных, советских и профсоюзных организаций, родные, знакомые, ко многим приехали девушки.

Играла музыка. У всех было торжественно-приподнятое настроение. Все шло пока своим чередом.

Но... ни празднования лагерного сбора, ни разбора учебной тревоги не состоялось. Весть о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну распространилась с молниеносной быстротой. В подразделениях начались собрания и митинги. Мы получили указание немедленно отправиться на зимние квартиры и готовиться к отправке на фронт.

В нашем 586-м полку митинг был коротким. Каждый выступавший командир, красноармеец говорил сжато и предельно четко: не быть Родине под пятой фашизма!

Председатель горисполкома, провожая бойцов, сказал: «Мы выражаем уверенность, что вы будете громить захватчиков по-русски, не посрамите чести родного Алтайского края! А мы тут будем делать все, чтобы быстрее одолеть врага».

27 июня наш 3-й батальон получил приказ следовать на станцию для погрузки в эшелон. Каждый из нас понимал, что война — не увеселительная прогулка, но считал для себя высокой честью быть посланным в числе первых на фронт.

За полтора часа до выступления батальона ко мне буквально врывается один из бойцов 9-й стрелковой роты лейтенанта Михаила Васильевича Занки Коледов и просит:

— Товарищ капитан, возьмите меня с собой. Рота от-

правляется на фронт, я не могу оставаться здесь один. Возьмите, прошу.

Спрашиваю:

— Откуда вам известно, что вас оставляют?

— Товарищ капитан, я нахожусь в санчасти полка, старший врач капитан медслужбы Казанцев не разрешает мне выписываться...

Я справился у лечащего врача. Тот заявил:

— Боец болен, у него температура, с эшелонам ему ехать нельзя.

Коледов не унимался, настойчиво требовал отправки:

— Товарищ капитан, я здоров! Возьмите!

— Вы поймите, дорогой, что едете на фронт, а не в гости.

— В гости я бы не просился так.

— Хорошо, — говорю бойцу, — идите. Мы тут решим.

На всякий случай будьте готовы.

Вызываю лейтенанта Заику.

— Примерный боец, очень хороший наводчик, надо его взять, товарищ капитан, — говорит он.

Когда уже шла погрузка, Коледов встретился мне.

— Ну как, товарищ больной?

— Все в порядке. Чувствую себя хорошо.

Да, с такими бойцами можно было отправляться на защиту Отечества. Тот, кто не боится войны, кто готов ради свободы своего народа пожертвовать собой, — тот настоящий боец, с ним можно уверенно идти в бой. А эти ребята знали, куда отправляются, хотя, может быть, и не знали в полной мере, с каким коварным и опытным врагом им придется иметь дело. Но они понимали, что враг силен: уже почти все государства Центральной, Юго-Восточной и Западной Европы подчинены и поработаны фашизмом. Немецкий кованый сапог топтал земли и свободу Франции, Греции, Чехословакии, Польши. И вот теперь Гитлер замахнулся на Советский Союз, направив против него всю мощь своей военной машины. Казалось, что нет на земле силы, способной противостоять немецкой армии. Мы, если и не знали точно, то догадывались, что гитлеровская армия многочисленна и вооружена до зубов, располагает большим количеством танков, самолетов, орудий, пулеметов, автоматов, имеет большой практический опыт ведения войны, что на службу фашистской габармии поставлена вся промышленность, ей подчинена вся экономика не только самой Германии, но и оккупированных государств.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что, несмотря на

решительность Гитлера, если бы после захвата Праги и новых угроз по адресу Польши великие европейские государства пришли к безоговорочному соглашению о взаимной защите находившихся в опасности малых государств, второй мировой войны могло не быть. Вместо этого правительства Англии и Франции вели двойную игру самого возмутительного свойства, отклонили предложение Советского Союза о заключении Трехстороннего пакта между Англией, Францией и Советским Союзом.

Правительство СССР вовремя разгадало смысл этой игры, сорвав заговор западных держав, стремившихся в 1939 году разжечь военный пожар на нашей территории. И это удалось благодаря заключенному с Германией Пакту о ненападении. Таким путем мы получили передышку на год и 9 месяцев, за это время было многое сделано для будущего отпора врагу.

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года вследствие отказа Англии и Франции заключить с Советским Союзом договор. Ненависть лондонского и парижского правительства к СССР способствовала и нападению фашистской Германии на нашу страну, началу Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, которая по своим масштабам и напряженности была самой тяжелой и кровопролитной войной в истории человечества.

В пути мы не теряли времени даром: проводили беседы с личным составом. Много говорилось о личном примере коммунистов, комсомольцев. Этому придавалось большое значение. Я был глубоко убежден (а теперь тем более так считаю), что личный пример в бою — лучший метод агитации. А в особо трудные и ответственные минуты он приобретает особо важное значение. Поэтому в беседах с красноармейцами мы говорили по душам. И это давало положительные результаты, помогало бойцам глубже понять тебя. И по их общему настроению мы проверяли себя, правильно ли поступаем, правильно ли они понимают нас. В этом деле нам большую помощь оказывали партийные и комсомольские организации.

А поезд отступивал на рельсах, торопился на запад. Часто, стоя у дверей вагона, я задумчиво глядел в пространство, словно можно было разглядеть, что происходит там, далеко на западе. Хотелось самому во всем разобратся.

Навстречу нам шли эшелоны с ранеными, с эвакуированными из Западной Белоруссии и Украины. Невозможно было без боли в сердце смотреть на горе народа: женщи-

ны, старики, дети, в суматохе покинув родные места, потеряв друг друга, кое-что прихватив с собой, гонимые пожаром войны, бежали и уезжали подальше на восток. Война! Сколько убитых, раненых, покалеченных и обездоленных, осиротевших! А сколько еще будет?

В окрестностях станции и ряда населенных пунктов на видимость глаза, над всей округой и, казалось, над всей землей лежала эта мертвая подозрительная тишина, а в чистом небе ярко светило июльское солнце. И никак нельзя было представить, что где-то в этот час нет ни тишины, ни чистого неба, ни солнца, что вся земля и небо объята грохотом, воем, дымом, человеческим плачем, что уже несколько дней по родной земле идет страшная война. Я слышал жалобы раненых с санитарных поездов. Это они приняли на себя первые удары гитлеровских полчищ. И теперь сожалеют не столько о том, что они покалечены, а о том, что многие из них уже не смогут встать в строй, чтобы бить врага.

На каждой станции и местные жители, и эвакуированные встречали наши эшелоны если не с радостью, то уж во всяком случае с посветлевшими лицами. В нас они видели надежду на то, что сибиряки вместе с другими дадут отпор врагу. «Вы, уж, милые, остановите этих супостатов», — напутствовали нас женщины со слезами на глазах. В каждом из нас росла и крепла ненависть к грабителям, мы готовы были в любую минуту вступить в смертельный бой с врагами.

Не успели мы прибыть на станцию Вязьма для разгрузки, как на наш эшелон налетело звено штурмовиков противника. Наши счетверенные зенитные установки с ходу вступили в бой, не дав им прицельно сбросить свой смертельный груз.

Многие здания были уже разрушены, повсюду виднелись воронки от бомб, значит, уже не раз здесь побывали стервятники.

Добро, созданное десятилетиями и веками, в один миг превращалось в обломки и пепел. Вот оно — истинное лицо фашизма, людей, именующих себя высшей расой.

Тут же батальон выступил в направлении Вязьма—Дорогобуж в район сосредоточения. На пути видели картины бедствий и разрушений еще более печальные, которые усиливали ощущение горечи и чувство ненависти к гитлеровцам. По обочинам дорог — поток автомашин, гужевого транспорта, скопление бегущих с тележками, мешками и узелками в руках. На лицах ужас и растерянность.

Вдоль дороги на бреющем полете проносятся «мессершмитты», поливая беззащитных людей длинными пулеметными очередями. Снова раненые и убитые. Вокруг угнетающий гул, шум, крик. Больно все это видеть, а помочь не можешь.

Солнце ныряло в темных клубах дыма, но были минуты — оно выкатывалось на чистую поляну неба. В те редкие минуты, когда небо очищалось от дыма, мы видели, как немецкие бомбардировщики стаями, как хищники, плыли и плыли на восток. Они летели теперь высоко, направляясь в глубокий наш тыл, точно пчелы жужжали.

Где-то западнее Дорогобужа глухо бухали зенитки, нам видны были ватные гроздья разрывов. Но разрывы зениток не доставали до самолетов, не причиняли им никакого вреда. «А истребители? Где же наши истребители?» — с нетерпением и яростью думал каждый из нас.

— Ястребок! Наш, смотрите! И-16. Сейчас даст! — слышалось вокруг.

В небе сквозь дымные полотнища пронесся небольшой ястребок, с которого мы не спускали глаз. Невольно наше движение как бы остановилось, задрав головы, мы смотрели вверх.

Ястребок взмыл в небо и смело врезался в самую гущу вражеских самолетов. И тут же им была дана пулеметная очередь, бомбардировщик врага с клубом дыма, пытаясь сбить пламя, шел книзу.

Радости личного состава батальона не было конца. Позднее мы узнали, что летчик оказался из 38-й авиадивизии Героя Советского Союза генерал-майора авиации И. И. Евсеева.

На десятиминутном привале к нам подошел, опираясь на палку, старик.

— Слава богу, не все двигаются на восток, есть люди, которые с оружием в руках идут на запад. Может, и наступит этому разбою конец. — Помолчал и пошел дальше.

На левом берегу Днепра, чуть западнее Дорогобужа, где нашей дивизии предстояло занять оборону, работы по созданию оборонительного рубежа велись круглосуточно. Тысячи женщин, девушек, подростков трудились, не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Немецкие самолеты бомбили их день и ночь. Люди укрывались в только что вырытых ими траншеях и окопах и снова брались за ломы, кирки и лопаты, едва затихал гул самолетов.

Этот участок считался одним из опасных: предполагалось, что немцы нанесут главный удар именно в этом направлении: Смоленск—Вязьма—Москва.

В эти июльские дни 1941 года уже горел наш запад. Дымы обволокли Брест, Великие Луки, Псков и Великий Новгород, подбирались к Киеву, стелились по смоленским дорогам. Огонь не миновал Западной Двины и Ладоги. Немецкие бронированные дивизии обошли Брест, с ходу взяли Минск и устремились к Смоленску. Они вторглись в Прибалтику и приближались к Ленинграду. Взятию этого города Гитлер придавал огромное стратегическое значение. Ленинград — второй по величине город Советского Союза, крупнейший железнодорожный узел и важная военно-морская база. Падение Ленинграда давало возможность соединения с финскими войсками. Поэтому овладение городом объявлялось неотложной задачей, для выполнения которой часть танковых дивизий была направлена на северо-запад, чтобы перехватить коммуникации между Москвой и Ленинградом. Гитлеровское командование самонадеянно решило, что для взятия Москвы будет достаточно сил пехотных дивизий с меньшим количеством танков. Враг рвался к Москве, стараясь до наступления холодов разделаться с нашей столицей.

Правее 24-й армии на линии Осташков—Ржев оборонялась 30-я, левее — от Ельни до Брянска — 28-я армия.

10 июля танковые и моторизованные соединения противника из районов Витебска и Орши вышли к Смоленску и считали, что путь на Москву открыт. У стен древнего русского города началось одно из крупнейших сражений, которое длилось без каких-либо пауз более двух месяцев.

До десятка и более крупнейших атак отбивали в день войска Западного фронта, а нередко и сами переходили в контрнаступление, нанося врагу большие потери. Только после ожесточенных боев танковым дивизиям противника удалось обойти 20-ю армию и в ночь на 16 июля захватить южную часть Смоленска. А через три дня вражеская группировка, вытеснив из Ельни 19-ю дивизию 28-й армии, заняла город. Угроза прорыва вражеских войск к Москве возросла.

Чтобы избежать внезапного удара со стороны противника, 107-я и 178-я стрелковые, 103-я моторизованная дивизии 15 и 16 июля силами разведывательных батальонов вели активную разведку в северо-западном, западном и юго-западном направлениях.

Вскоре наш 3-й батальон 586-го стрелкового полка, усиленный первым дивизионом 347-го артиллерийского полка, по приказу командира 107-й стрелковой дивизии полковника П. В. Миронова должен был выступить по маршруту Дорогобуж—Городок—Быково—Ельня с задачей: войти в соприкосновение с противником и захватить пленных, через которых узнать намерения врага на направлении Дорогобуж—Вязьма.

По маршруту главных сил батальона была выслана разведка и головная походная застава в составе 9-й стрелковой роты лейтенанта Заики, взвода пулеметной роты Соколова, взвода батальонной артиллерии младшего лейтенанта Михайлова. Мне и личному составу батальона и дивизиона, за исключением капитана Дубкова — участника боев против японских самураев — предстояло принять первое боевое крещение.

Получив задачу, я думал об одном: как выиграть первый бой и тем самым заронить уверенность у бойцов в своих силах. Мне было ясно и то, что успех будет зависеть от того, как я организую бой. Командир, научивший и воспитавший бойцов, верил им, и бойцы верили командиру. И вот сейчас, не один десяток лет спустя, оглянувшись на собственный пройденный путь, мне прежде всего хочется сказать о солдатах, которые в самый критический момент боя, взаимно выручая друг друга, не забывали и своих командиров.

Вспоминая этот бой, невольно начинаешь волноваться. Отправляя нас, необстрелянных, в первый бой, командир 586-го стрелкового полка полковник Иван Михайлович Некрасов взял мою руку, по-солдатски обнял и горько вздохнул... Он, Некрасов, разведчик первой мировой войны, думал, что вряд ли мы выдержим бой в столь сложной обстановке с превосходящими силами врага. Пожав ему руку от имени бойцов, я сказал, что своим бойцам верю, что это будет не последний их бой, который принесет славу полку.

Комиссар В. А. Алтухов сказал: «Много говорить не надо, каждый из вас знает — надо покончить с этими грабителями». Сказал, как всегда, не повышая голоса, сдержанно, четко выговаривая слова, вдумываясь в каждую фразу в поисках самой простой, ясной мысли. Начальник штаба, майор А. П. Метте, сказал: «Товарищ комиссар, пора! В добрый боевой путь, товарищи!»

Пройдя 8—10 километров от расположения своих войск, получаю первое донесение высланного в разведку лейте-

нанта В. Чеснокова: «Впереди в березовой роще обнаружено до роты пехоты, бронемашины, два противотанковых орудия противника. Видимо, перед нами усиленная рота врага, ожидающая подхода главных сил».

Принимаю решение: до подхода подкрепления уничтожить противостоящего противника и подготовиться организованно встретить их главные силы.

9-я стрелковая рота лейтенанта М. В. Заики при поддержке артбатареи, взвода пулеметной роты и батальонной артиллерии активными и решительными действиями сковывают противника огнем с фронта. А в это время 7-я стрелковая рота лейтенанта Журавлева и 8-я старшего лейтенанта Лаубаха, прикрываясь рощей, форсированно выдвинулись вперед и с приданными им средствами усиления атаковали во фланги и с тыла.

Вскоре от разведки нам стало известно, что с запада в восточном направлении движется колонна до двух рот противника. Но и она была разгромлена 7-й и 8-й ротами при поддержке дивизиона капитана В. П. Дубкова, 9-я стрелковая рота добивала головную проходную заставу противника в роще. Есть аксиома, что победа не определяется арифметическим соотношением сил. Есть еще и высокая алгебра боя!

Взятые нами пленные оказались из дивизии СС. Допрос вел старший лейтенант Лаубах, по национальности немец.

Пленный офицер признался, что они не ожидали столь дерзких действий со стороны русских. Командование их уверило, что наша армия разбита и что немцы на пути к Москве могут встретить лишь отдельные очаги сопротивления.

Как ни нагло держались пленные, они вынуждены были признаться: «Русские сражались упорно... никто из нас еще не участвовал в таких жестоких боях, как в России... после боя на русской земле поле боя имеет ужасный вид. Такого, как под Смоленском и восточнее, мы еще не переживали. Наши войска от ударов русских несут большие потери...»

Придет время — и еще не так будут сетовать фашисты на русских, на свою судьбу. Вот уже более 40 лет прошло со дня нашего боевого крещения, а память удерживает все подробности первого столкновения с противником! Не раз приходится встречаться с теми, кто участвовал в том бою. И они вспоминают о первой схватке с врагом, словно она была только вчера.



Н. Д. Козин. 1941 год



Ф. Г. Кондратьев

В этом первом бою личный состав батальона проявил мужество и упорство. Кадровый командный состав показал, что способен управлять подразделениями, учитывая обстановку и хорошо используя местность. Исключительно умело действовал пулеметный взвод лейтенанта Нешитова. Наводчик Тихон Федорович Безруков из Солтонского района Алтайского края огнем своего пулемета уничтожил более десятка фашистов, не давая гитлеровцам поднять головы. Расчет орудия комсомольца Дмитрия Афанасьевича Сухоплюева, наводчиком которого был Филипп Григорьевич Кондратьев, находясь в боевых порядках 9-й роты, подбил бронемашину и противотанковое орудие противника.

Батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Владимира Александровича Шмонина прямой наводкой уничтожила пушку, 2 пулемета и более двух десятков фашистов, тем самым обеспечив успешную атаку 8-й стрелковой роты.

Задачу третий батальон 586-го полка и 1-й дивизион 347-го артполка выполнили успешно. Благодарность и похвала боевых действий командира дивизии полковника П. В. Миронова воодушевили всех.

От пленных мы узнали, что враг готовится к наступлению.

Со второй половины июля обстановка в районе Ельня—Дорогобуж значительно осложнилась. Командующий 24-й армии генерал-майор К. И. Ракутин отдал приказ: 103-й мотострелковой дивизии комбрига Кончица совместно с 355-м стрелковым полком 100-й ордена Ленина дивизии во чтобы то ни стало выбить противника из деревни Ушаково как опорного пункта.

По приказу командира 107-й дивизии в распоряжение Кончица поступил и 3-й батальон.

С комбригом Кончицом мне приходилось встречаться и раньше — на маневрах Сибирского военного округа. И вот теперь встреча на ельнинской земле. Доложил о своем прибытии.

— Ваша задача — прикрыть правый фланг 103-й мотострелковой дивизии по мере ее продвижения.

103-я мотострелковая дивизия и 355-й стрелковый полк полковника Н. А. Шварева в течение двух суток вели наступательные бои. Потеряли много людей, деревня несколько раз переходила из рук в руки.

Стало ясно, что удержать ее можно лишь в том случае, если будет взята высота 238,8. Н. А. Шварев приказал 2-й роте лейтенанта Т. Е. Логойского овладеть высотой и остальными силами полка атаковать Ушаково. 2-я рота захватила высоту, а к 7 часам утра полк овладел деревней, но не удержал и на сей раз. Но и враг, потеряв более половины своих людей и 18 танков, так и не смог продвигнуться на северо-восток.

Наконец, прикрываемые огнем минометной, пулеметной рот и артиллерии 355-го стрелкового полка, роты по сигналу перешли в контратаку.

Первыми появились на поле боя коммунисты и комсомольцы, возглавляемые комиссаром батальона политруком Никифоровым.

В рукопашной схватке, оставив на поле боя убитых и раненых, враг был разгромлен. На рассвете следующего дня фашисты предприняли еще одну попытку сбросить нас с занимаемого рубежа и разобщить с 355-м стрелковым полком.

С этой целью противник бросил отборные эсэсовские подразделения, которые шли во весь рост, выдерживая строй, на место срезанных огнем вставляли новые и новые цепи и опять шли. Ясность задачи удваивает силы и умножает мужество солдат.

Навстречу врагу поднялись мы. Этот бой, переходивший не один раз в рукопашную схватку, продолжался не-

сколько часов, казалось, этому не будет конца. Обе стороны, особенно наши, дрались с непревзойденным упорством. Так всегда было и будет: тот, кто совершает подвиг, меньше всего думает о себе, своей жизни, своей славе и бессмертии и больше всего — о своей Родине и своем народе.

Враг потерял более 500 убитыми и ранеными, 5 танков и 4 бронемашин. Психическая атака гитлеровцев потерпела поражение. Нелегко победа досталась и нам.

Бесстрашие и мужество проявили комиссар батальона политрук Никифоров, командиры 7-й роты лейтенант Журавлев, пулеметной — младший лейтенант коммунист Седых, пулеметчики А. Н. Колмыков и Т. Ф. Безруков уничтожили более 50 солдат и офицеров, С. С. Ореховский из ручного пулемета — до 20 солдат, наводчик минометной роты И. А. Гаврилов и заряжающий П. И. Бычков — до взвода пехоты, пулеметчик 8-й роты сержант Худенко — 9 фашистов, а стрелок И. Г. Санников и сержант Я. А. Тихонов — по 4 гитлеровца каждый.

Я думал: какие замечательные люди на Алтае! Как бы хотелось обнять их, поделиться с ними переполняющим меня чувством гордости за весь наш дружный, крепко спаянный коллектив.

Хорошо действовали и выручали нас артиллеристы 355-го стрелкового полка полковника Н. А. Шварева — 100-й орден Ленина стрелковой дивизии.

Встречаясь с участниками боев под Ельней в 1941 году связным 9-й стрелковой роты П. И. Чепкасовым, наводчиком 45-миллиметрового орудия Ф. Г. Кондратьевым и другими, слышишь отзыв: «Даже сейчас отрадно вспоминать решительность действий в рукопашной схватке товарищей Ф. М. Мерзлякова, Ускова, И. И. Апарина, Нестерова, З. А. Кизлакова, И. Г. Санникова, Б. И. Шатабалова и других».

Мы шли на врага, прижимаясь к разрывам своих мин и артиллерийских снарядов, стреляя из автоматов и винтовок. А когда сблизились и применили гранату, то по зову политрука Никифорова одни из первых вступили в рукопашную схватку».

Они не терялись ни от какого внезапного момента. Учитывая опасность положения, выручая друг друга, находили силы преодолеть опасность и выходили победителями.

Мы долго говорили в тот день с однополчанами, а проводив их, я подумал, что события — малые и большие —

постепенно скрываются во мгле прошлого, но люди, с которыми нес тяжести мирного и особенно боевого труда, пока ты жив, идут с тобой рядом.

Если говорить правду, в рукопашной схватываются уже только те, которые не успели перестрелять друг друга при сближении. А оставались те, кто не стрелял в одну и ту же цель два раза.

Да, каждая рукопашная схватка (которой немцы боялись и зачастую не выдерживали) — это судорожное объятие со смертью, из которого надо не только вырваться, но и победить в себе страх перед кровавой схваткой на будущее.

Послужи, трехлинейка,
И уважь, русский штык!
Отступать не умею.
Отступать не привык.

Это история людей, оказавшихся в самое трудное время Смоленского сражения за город Ельню на самых трудных должностях. Эту героику почувствуют даже те, кому не довелось побывать на войне, а тех, кто воевал, заставит вспомнить заново многое из своих переживаний. И как вспомнить: все, все встанет в памяти, как будто было вчера.

Наш 3-й батальон после двухдневного боя вернулся в свой 586-й стрелковый полк.

20 июля разведка обнаружила у села Каськово усиленный батальон врага. Разгромить гитлеровцев, предотвратить их удар по нашему левому флангу — такую задачу поставил полковник П. В. Миронов перед 586-м стрелковым полком. Выполнение этой задачи командир полка И. М. Некрасов возложил на 1-й стрелковый батальон старшего лейтенанта Э. Х. Люманова. Его поддерживали 1-й и 2-й дивизионы 573-го пушечного артиллерийского полка.

Завязался жестокий бой, длившийся более шести часов. Командир полка решил вывести из обороны 3-й батальон и, усилив его 1-м дивизионом 347-го арtpолка при поддержке 2-го дивизиона 573-го арtpолка и во взаимодействии с 1-м батальоном разгромить Каськово-Городокскую группировку противника.

22 июля во второй половине дня батальон приступил к выполнению задачи. На марше от командира взвода полковой разведки младшего лейтенанта Фотина я получил донесение, из которого установили: в направлении Каськово—Дорогобуж движется усиленный батальон эсэсов-

цев. После оценки обстановки было принято решение встретить противника и ударить с фланга и в тыл его главных сил.

Командиру 8-й стрелковой роты Лаубаху была поставлена задача с 3-й батареей лейтенанта А. И. Данилова 1-го дивизиона 347-го артполка, пулеметным взводом младшего лейтенанта Л. И. Соколова, взводом батальонной артиллерии лейтенанта Михайлова при поддержке 2-го дивизиона 573-го артполка, сбивая охранение противника, продолжать движение и завязать бой с его главными силами, в случае упорного сопротивления гитлеровцев, прикрываясь огнем артиллерии, отходить. Когда 7-я и 9-я стрелковые роты ударят по врагу — атаковать с фронта.

В это время гитлеровский батальон ротными колоннами прошел Городок и начал втягиваться в лес. 8-я стрелковая рота захватила головное охранение.

Пленные оказались из эсэсовского полка «Великая Германия» дивизии «Райх».

Колонна главных сил немцев, попав под наш артиллерийский огонь, приняла боевой порядок и продолжала с боем продвигаться, тесня 8-ю роту. Но вскоре 7-я и 9-я стрелковые роты с фланга и с тыла открыли по колонне мощный огонь. Часто застучал пулемет Пунева, на левом фланге ему ответил «максим» А. Н. Колмыкова.

Снайперы Петр Кулешов и Василий Петров из 7-й стрелковой роты били фашистов без промаха. Лес ожил, наполнился трескотней станковых и ручных пулеметов, автоматов и винтовок, уханьем артиллерийских снарядов и визгом мин. Враг окончательно смешался. Падали убитые и раненые. Оставшиеся в живых метались по полю, но везде их настигала смерть. По сигналу ракеты подразделения батальона пошли в атаку. 7-я рота лейтенанта Журавлева атаковала врага с левого фланга и тыла. 9-я рота ударом с правого фланга отрезала и полностью уничтожила до роты противника. 8-я рота решительной атакой с фронта резала боевые порядки уцелевших фашистов на две части и во взаимодействии с другими подразделениями батальона завершила их разгром.

Вот что писала газета «За честь Родины» 22 июля: «3-й батальон 586-го стрелкового полка (командир — капитан Н. Д. Козин) внезапным ударом с тыла и фланга опрокинул батальон полка «Великая Германия» и, преследуя остатки, в течение двух часов истребил их; через пять дней был разгромлен другой батальон «Великой Германии». В августе газета сообщала: «Батальон капитана

Козина наносит врагу сокрушительные удары». «Героико-козинцы, сильнее натиск!»*

Вернувшись с поля боя, только переступил порог знакомой землянки, командир полка пригласил меня сесть. Сам он продолжал читать газету. Но вот поднял на меня свои добрые и невыразимо усталые глаза. Указал на газету.

— Читал?

— Что именно, товарищ полковник?

— Ну, коли спрашиваешь, то значит не читал. А прочитать следует. Ведь в статье больше всего пишут о боевых действиях вашего батальона. Понимаешь?

И комиссар полка Василий Алексеевич Алтухов подал мне газету.

Уже вечерело. С наступлением темноты бой затихал. Гитлеровцы, привыкшие к легким победам на западе, пытались и на полях России в ночное время отдыхать. Но чувствовали себя неспокойно. Местность перед своим передним краем освещали ракетами, периодически подбавляя себя, вели огонь из пулеметов.

В темном небе на большой высоте надсадно гудели вражеские самолеты, летевшие, надо полагать, на Москву.

Едва смолкло эхо только что закончившегося боя, как я получил от командира полка приказ следовать в деревню Басманово-Никифорово. Он сообщил: «Из деревни в расположение штаба полка прибежала девушка-комсомолка — дочь местного агронома — и принесла страшную весть: в полукилометре западнее деревни фашисты нагнали идущую из-под Смоленска группу подростков и всех расстреляли. После расправы над детьми ворвались в село, закрыли все выходы из него и начали творить свои фашистские дела: грабить, убивать и насиловать. Поднимай своих богатырей!»

Выслав разведку, свернул боевые порядки и форсированным маршем выступил в направлении Басманово-Никифорово. В пути движения напомнил: «Раньше я вас часто поднимал по тревоге, выводил в поле и учил, как надо вести ночной бой. Вот сегодня ночной бой с противником, вооруженным до зубов. Успех боя, независимо от сил врага, будет зависеть от скрытности и быстроты действий».

Опускались густые сумерки, когда батальон подходил к указанному месту. Ни один гад не должен уйти от возмездия. Конечно, каждый понимал сложность нашей задачи, трудности ночного боя. Мы шли в неизученный район,

* Подвиг земли богатырской. М., Мысль, 1970, с. 288.

на неизвестные нам силы врага, но были готовы обрушить на извергов всю свою ненависть. Соблюдая все меры предосторожности, батальон скрытно подошел к деревне. Этому помогло поле густой и высокой, в рост человека, ржи. От командира взвода, ушедшего в разведку, лейтенанта Чернова нам стало известно: на восточной окраине Басманово обнаружены пушки, бронемашин, несколько мотоциклов, автомашин. Часовой с подчаском часто заходят в крайнюю хату. Немцев и граждан не видать, в некоторых избах горит огонь.

Скрытность соблюдена. Необходимо использовать внезапность и быстроту действий. Приказываю: командиру разведки, не обнаруживая себя, продолжать наблюдение за действиями врага и быть в готовности по сигналу уничтожить часового. Были поставлены задачи перед всеми подразделениями батальона.

В два часа ночи разведвзвод лейтенанта Чернова выполнил задачу, а роты атаковали. Завязался бой. Красноармейцы говорили: «Фашисты метались, как загнанный зверь в клетке, но куда бы они ни бросались, натыкались на гранату, приклад и штык советского воина-сибиряка». Мы с первого боя узнали, что гитлеровцы боятся ближнего и ночного боя. Они не выдерживали его морально, у них не хватало духу смотреть в глаза вооруженному человеку в форме Советской Армии. Зато мы ночью были в полной безопасности от налета авиации и действий вражеских танков, действовали решительно и уверенно. За два часа напряженного боя вражеский батальон 15-й пехотной дивизии в составе 750 человек был разгромлен, более 200 вражеских солдат было убито и ранено, захвачены пленные и трофеи. Пленные офицеры заявили, что они не ожидали столь внезапных и решительных действий русских ночью.

Не успели закончить бой, как со стороны Ельни на нас надвинулась колонна мотоциклистов, прибывших, надо полагать, на помощь батальону в Басманово. Ее гостеприимно встретили 8-я рота, взвод батальонной артиллерии и артбатарей Шмониной. Правда, Лаубах поторопился с открытием огня. Удалось уничтожить только 10 мотоциклов с мотоциклистами, хотя можно было уничтожить значительно больше. В этом ночном бою нами уничтожено 3 противотанковых пушки, 2 бронетранспортера, 12 мотоциклов, 15 автомашин, 10 пулеметов, захвачены минбатарей, 9 тяжелых и ручных пулеметов, 40 автоматов и другое военное снаряжение.

Об этом бое рассказывалось в дивизионной газете «В бой за Родину»: «Справедливая месть богатырей-сибиряков за расстрел ни в чем не повинных двухсот советских детей».

Несладко приходилось немцам. Через пять дней 3-й батальон 586-го полка с 1-м дивизионом 347-го артполка разбил второй батальон того же полка врага в селе Казанка. 9-я рота ворвалась на северную окраину и при поддержке артиллерии стремительно атаковала. На поле боя осталось 50 трупов вражеских солдат и офицеров, 3 орудия, минометная батарея и 2 пулемета.

Не заметив нашего обхода с флангов, враг решил контратаковать 9-ю роту.

— Приготовиться! — командовал лейтенант М. В. Занка. Действия роты поддержала батарея старшего лейтенанта В. А. Шמוлина и взвод батальонной артиллерии.

— Ты вставай за первое орудие, я — за второе, — приказал своему помощнику сержанту Д. А. Сухоплюеву младший лейтенант Михайлов.

Снаряды разрывались в боевых порядках гитлеровцев.

— Давай, давай! — гремел голос Сухоплюева, детины почти двухметрового роста. Заряжающий Михайлов, однофамилец командира взвода, посылал в казенник орудия снаряд за снарядом. Наводчик Ф. Г. Кондратьев каждым снарядом метко поражал цель.

Мне удалось самому убедиться в стойкости и отваге командира орудия Сухоплюева и наводчика Кондратьева. Длительными очередями заливались пулеметы лейтенанта Соколова, наводчика Т. Ф. Безрукова и других. С фланга атаковали роты лейтенанта Журавлева и старшего лейтенанта Лаубаха. Только немногим фашистам удалось спастись бегством от ливневого огня пулеметчика 7-й роты Александра Николаевича Калмыкова.

586-й стрелковый полк сибиряков под командованием полковника Ивана Михайловича Некрасова с первых дней стал грозой для гитлеровцев, он беспощадно громил их отборные части.

О боевых делах полка и нашего 3-го батальона не раз писала армейская газета «Красноармейская правда». В заметке «Подразделение Козина заняло новый рубеж», помещенной под рубрикой «Некрасовцы беспощадно уничтожают фашистскую гадюгу», сообщалось: «После первых боев, когда некрасовцы уничтожили врага в районе К. (село Казанка — Н. К.), подразделение тов. Козина вновь встретилось с фашистской ордой — пехотой. Враг

не выдержал натиска отважных пехотинцев-сибиряков и бросился наутек, неся людские потери. В этом бою были взяты 2 немецкие бронемашины, 4 мотоцикла, оружие и боеприпасы.

27 июля бойцы, командиры и политработники этого подразделения, проникнутые непоколебимой верой в победу, за честь и свободу Родины вновь обрушили на врага всю силу и мощь советского оружия. Фашистские людоеды-захватчики, неся потери убитыми и ранеными, отступали. Славные орлы-сибиряки с боем заняли новый рубеж. Бойцы и командиры дрались с большим упорством и ожесточением. «В любых боях не опозорим Красного знамени армии, победоносно понесем его через огонь Отечественной войны до полной победы над фашизмом», — говорили некрасовцы. Сказанные слова они претворяют в жизнь, воодушевляя своей храбростью, бесстрашием и мужеством всех бойцов и командиров нашей части на новые подвиги. Вперед на врага за нашу победу, товарищи некрасовцы!»

Перед передним краем обороны огненной россыпью взлетали ввысь ракеты, вспыхивали то красного, то оранжевого цвета огнями.

«А работенки нам враг подкинет — это факт, — проводив взглядом очередную ракету, подумал я. — Противник старается не зря. Ну и мы за себя постоим. Удалось бы только красноармейцам пару часов передохнуть...» Сам-то мог еще, но есть бойцы переменного состава, не втянувшие-ся как следует, могут сдать. И ничего удивительного в этом не будет. Мне было известно, что значит не послать более двух суток. Ни голод, ни самая тяжелая работа, ни бой не изнуряют человека так, как недостаток сна. Люди перестают понимать, что от них требуется, ходят как сонные, теряют над собой контроль. Человек, который долго не спал, не слышит даже выстрелов. Это командир должен знать. Но и знать то, что зачастую тихое, заботливо-доходчивое слово командира звучит сильнее любой команды. Такое слово способно поднять даже тех, кто уже падает от усталости, и послать их вперед. И вот над этим теплым словом надо было подумать...

Вспоминаешь незабываемые июльско-августовские дни войны 1941 года. Как в первом бою. Каждый из нас метался между разрывами снарядов и мин врага. Инстинкт самосохранения давал себя знать. Затем, после двух схва-

ток ближнего боя, особенно рукопашной, все выглядело не столь уж страшным. Но это только казалось.

Да, думалось, вот она, настоящая война. Ну что ж, пусть попробуют. Испытывают силу и мощь Советской Армии. Никогда нам в голову не приходила мысль побывать в Берлине, а теперь не будем терять надежд, правда, не всем, а кое-кому из нас придется быть там, где были русские войска Александра Суворова.

Только когда? Вопрос времени. Через год, два, а может, и того более. Сибиряки настроены так, да и трехнедельные бои наших войск показали: будут воевать, драться не на жизнь, а на смерть. Громить захватчиков, ходить в штыки вместе со всеми, совершать подвиги будем и мы, алтайцы, во имя Родины.

С этими мыслями я шагал вдоль увала, пологий склон которого переливался волнами ржи и спадал к небольшому яру, к узкой зеленой полосе травянистого берега сверкающей под солнцем речушки Ужа.

Здесь на увале, на кромке поля, молчаливо-усердно окапывались бойцы, прибывшие из далекого Алтайского края. Видя, как земляки под руководством командиров спешат уйти в землю, я подумал о том, что высокая трава, особенно рожь в рост человека, будет мешать наблюдению и вести прицельный огонь. Командир батальона с командно-наблюдательного пункта должен видеть тот район, который его людям предстоит оборонять. Каждый метр земли, каждый ручеек или лоштинка для меня имеют большое значение.

Почему-то вспомнилось детство, возникли в памяти картины сельского быта... Но тут услышал, как из окопа в окоп по цепи прокатилась вдоль увала команда расчистить сектора обзора и обстрела. Красноармейцы, выйдя из окопов и захваченных траншей врага, приседая, стали размахивать перед собой саперными лопатами и сбивать траву и густую дозревавшую рожь и нещадно топтать ее солдатскими сапогами. Об этом хлебе Гитлер еще в мае 1941 мечтал: «Пойдем походом против Советского Союза тогда, когда русские закончат сев, а урожай будут снимать немцы». Снятый немцами урожай всему миру известен.

Сколько среди этих, будто под тяжестью согнувшихся «косцов», которые в своем противоестественном усердии все дальше и дальше уходили по склону вниз, сколько здесь было крестьянских сыновей районов и городов нашего края, понимавших, что они не только рушат труд собратьев, а и поднимают руку на самое святое из всего, что рож-

дает матушка-земля. Однако все мы понимали необходимость этого: на нашу землю пришла беда, опрокинувшая все привычные, сложившиеся понятия. Позади бойцов оставались изувеченное поле, жалко торчащие обезглавленные стебли.

Когда я подходил к расположению 8-й стрелковой роты, связной, он же наблюдатель 9-й стрелковой роты Петр Иванович Чепкасов во всю мощь подал команду: «Воздух! Самолеты противника с запада!»

Вскоре шестерка самолетов пошла в атаку. Бойцы, делавшие сектора обстрела, кинулись к своим окопам, другие залегли там, где застала их команда. Командиры бежали к своим еще не законченным окопам. Я тоже вскочил в окопчик, вырытый для стрельбы с колена, повернувшись вверх лицом, стал наблюдать. Ведущий бомбардировщик сорвался в крутое пикирование и с пронзительным ревом стал падать прямо, как всегда кажется, на твой окоп. Будто тяжелый пресс втискивает тебя в землю.

Самолет рос на глазах, увеличивался в размерах, его высокий, нарастающий, душераздирающий вой набирал все больше силы и делался невыносимым. От «живота» самолета оторвалось несколько темных капель. Показав на крыльях черные кресты в белых угольниках, самолет вышел из пикирования и взмыл вверх. А вместо него уже падал вдогонку свистящим бомбам второй самолет.

Застучали зенитные пулеметы. Слышу команду командира 9-й роты М. В. Заики: «По воздушной цели залпом!» Хотя залпа и не получилось, но по переднему краю сначала жидко, а потом дружнее застучал один, а затем еще два пулемета, к ним подключилась пулеметная зенитная установка.

И вот подана команда прекратить огонь. Однако трудно было укротить жажду сибиряков дотянуться ружейно-пулеметным огнем до самолета противника.

Над боевыми порядками полка нырнул и ринулся вниз в пикирование совсем низко шестой самолет, тогда как первые сделали разворот и уже пикировали на дорогу Дорогобуж—Ельня. Но вот самолет вздрогнул, будто на мгновение остановился в воздухе, а затем, покачнувшись, лег на крыло и так, в полуопрокинутом виде, продолжал падать и врезался в зеленый берег реки Ужа. В это время в расположении батальона находился старший политрук полка В. И. Тайков. Он дошел до взвода 3-й пулеметной роты лейтенанта Нешитова. После отбоя Тайков стряхнул с себя землю и увидел, как бежали, размахивая руками,



В. А. Алтухов



В. И. Тайков

красноармейцы. Ему тоже захотелось побежать к самолету, посмотреть на таких грозных минуто назад летчиков. Но в это время далеко за рекой Ужа, на необозримом поле показались темно-серые фигурки людей. Они брели в ячменном половодье с запада.

«Фашисты», — мелькнула мысль. Справа и слева слышались команды: «Противник с фронта! К бою!»

Услышав повелительные голоса, бойцы, в азартном порыве бежавшие к обломкам самолета, повернулись и устремились назад к траншее.

Внимательно наблюдая в бинокль, мы с Тайковым выразили одно и то же предположение, что это не противник. Оказалось, шли рабочие отрядов, строившие укрепления, и среди них раненые из подразделений, принявших удар врага под Ельней.

Шли через поля напрямик, боясь, что их настигнут прорвавшиеся танки. Вскоре вслед за ними в облаке пыли появились и немецкие танки, а за ними броневые автомобили с пехотой. Нам хорошо стал виден приближающийся танковый клин. Не слишком хотелось вступать в бой, уж больно неравные силы. Но Родина, партия, наша собственная совесть не простят нам, если после столь упорных наших усилий мы расслабимся и позволим врагу воспользоваться этим.

Дана команда, и через голову рот слышались резкие пушечные выстрелы и полетели снаряды 1-го дивизиона капитана В. П. Дубкова, им вторили разрывы мин минометной роты лейтенанта Журавлева.

Первые взрывы интенсивного налета разметали мотоциклистов, пехоту бронемашин, заставив их сыпаться, как горох, в стороны. С приближением танков батарея старшего лейтенанта В. А. Шмони́на, взвод батальонной артиллерии лейтенанта Михайлова нашли свои цели.

Видим, замерли на месте два танка и броневтомобиль. Но это только начало боя. Снова почти одновременно появились вспышки танковых пушек и штурмовых орудий. Передний край нашей обороны закипел, задымился. Грохот этого кипения, пыль, смрад — высшая степень томительного напряжения. Все это казалось невыносимым.

После второго артиллерийско-минометного залпа и пулеметного огня два броневтомобилья и танк остановились. Пехота разбегалась в разные стороны, некоторые, будто спотыкаясь, падали и больше не поднимались.

Полковая артиллерийская группа решением командира полка полковника И. М. Некрасова открыла огонь по танкам. Видя замешательство врага, командир 8-й стрелковой роты старший лейтенант Лаубах, встав в полный рост, не без картинности и показной дерзкой лихости, возвысив голос, изо всех сил подал команду:

— В контратаку! За Родину! Вперед! За мной!

Эту команду дружно поддержали бойцы 7-й и 9-й стрелковых рот. И все поле будто взорвалось боевыми ликующими криками. С криком «ура» неслась по склону вниз живая, разъяренная ненавистью лавина сибиряков, ошестинившихся штыками.

Контратака третьего батальона была поддержана войнами 2-го стрелкового батальона капитана А. Д. Малышева.

Противник, потеряв 3 танка, 4 бронемашин, до двух рот пехоты, отступил.

В этом бою отлично проявил себя комсорг полка, младший политрук Д. В. Матросов. Находясь на батарее старшего лейтенанта В. А. Шмони́на, он услышал команду «по местам!». Он увидел, как деловито кинулись к орудиям и снарядам артиллеристы. Начался день кровавой страды, каждый имел свое дело и знал свою задачу.

Вот-вот начнется смертный бой, появится враг, всех охватит азарт борьбы. А что делать ему? Стрелять из автомата? А пойдут танки? У него нет ни одной противотан-

ковой гранаты, ни одной бутылки с горючей смесью. Можно, конечно, уйти в штаб и доложить комиссару полка. Но ведь он даже не успел записать фамилий командиров и наводчиков орудий, которые отличились и не должны быть забыты!

Впрочем, это не поздно сделать и сейчас, пока враг где-то на подходе, а впереди наши роты и, возможно, бой не дойдет сюда. Однако все равно, при любых условиях боя, он, Матросов, уйти с батареи не может. Как тут уйдешь? Что подумают бойцы? К тому же я коммунист, вожак комсомола полка, и вдруг в минуту смертельного боя повернулся к людям спиной и пошагал в тыл?

Как и предполагал командир, враг шел с танками. Первой вступила в бой пулеметная рота младшего лейтенанта Соколова, окопавшаяся впереди 1-й батареи старшего лейтенанта В. А. Шмонина, которая совместно со взводом батальонной артиллерии лейтенанта Михайлова должна открыть огонь по танкам противника на дистанции прямого выстрела. А пулеметчики и стрелки будут вихрем свинца сметать с брони автоматчиков. Не ушел — оказался в общем строю — геройски дрался и был примером для других комсорг полка, коммунист Д. В. Матросов.

Наши атаки и контратаки показали неустойчивость немецко-фашистской пехоты. Особенно без поддержки танков и авиации.

В конце июля — начале августа бои в районе Смоленска и восточнее его приняли еще более напряженный характер. Сдерживать напор группы армии «Центр» становилось все труднее.

Нашим подразделениям требовалась серьезная помощь. С 20 июля по 23 августа части 107-й и 100-й стрелковых, 103-й моторизованной и 102-й танковой дивизий вели ожесточенные бои с превосходящими силами дивизий СС «Райх», 15-й, 137-й, 268-й пехотных, с отдельными частями 10-й танковой, 17-й моторизованной.

Северо-восточнее Ельни бои не умолкали весь август. Воины 107-й стрелковой дивизии уничтожили до пяти полков немецко-фашистской пехоты, в том числе полк «Фюрер» дивизии СС «Райх».

«Мне довелось лично видеть с наблюдательного пункта командира дивизии, — писал Г. К. Жуков, — ожесточенный бой 586-го стрелкового полка этой дивизии, которым командовал полковник И. М. Некрасов... Особенно умело дрался батальон этого полка под командованием Н. Д. Козина (ныне генерал-майора). Высокую тактическую подго-

товку и личное мужество его я наблюдал потом и в сражениях под Белгородом и в Берлине»*.

Остатки разбитых частей врага отступили и заняли оборону.

Первые успешные сражения вдохновляли сибиряков на решительную борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

30 июля 1941 года ставка Верховного Главнокомандующего приняла решение о создании резервного фронта во главе с генералом Г. К. Жуковым. В его состав вошла и 24-я армия. В первых числах августа в районе Дорогобужа, где мы находились, побывал Г. К. Жуков. Он тогда говорил: «Вот что, сибиряки, на вас партия и правительство возлагают большие надежды. Немецкая армия рвется к Москве. Наша задача сейчас разгромить Ельнинскую группировку противника, выиграв время, дать возможность подтянуть войска из глубины страны, чтобы затем перейти в решительное контрнаступление и разгромить группу армий «Центр» генерал-фельдмаршала Бока».

Активные действия наших войск вынудили группу армий «Центр» в соответствии с директивой Гитлера № 34 от 30 июля 1941 года перейти в конце июля — начале августа к обороне на главном стратегическом направлении — Смоленско-Московском.

План молниеносной войны дал существенную трещину. Способствовала этому и 24-я армия, в том числе и наша 107-я дивизия. Своими решительными действиями она нанесла гитлеровцам большой урон.

Используя передышку, фашистское командование стягивало войска в район Ельни, совершенствовало оборону. Дальнейшее накапливание сил врага на этом выступе, глубоко вклинившемся в наши боевые порядки, таило серьезную опасность для нас.

Выполняя директиву ставки Верховного Главнокомандования, Военный совет резервного фронта принял решение разгромить противника и ликвидировать Ельнинский выступ. Проведение этой операции возлагалось на 24-ю армию генерал-майора Константина Ивановича Ракутина. Ее части наступали на Ельню с северо-востока, навстречу с юго-востока двигалось несколько соединений 43-й армии. Военный совет армии выступил с обращением к бойцам, командирам, политработникам. В нем говорилось: «Отваж-

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., изд-во АПН, 1974, т. 1, с. 374.

ные воины Красной Армии! Фашистские изверги обагрили кровью нашу советскую землю, они насилуют женщин, разрушают города и села, убивают стариков и детей. Они, палачи, хотят растоптать своими кровавыми сапогами свободную социалистическую жизнь, вернуть в нашу страну помещиков и капиталистов, превратить наш народ в рабов немецких князей и баронов.

Не выйдет! Не быть этому никогда! Пусть в сердце каждого бойца, командира, политработника ярким пламенем горит священная ненависть к злейшему врагу человечества — фашизму. Отомстим за разрушенные и сожженные села. На вас с надеждой и верой смотрят миллионы граждан Советского Союза, отдавших все свои силы для фронта, для победы. Враг будет разбит и разгромлен. За наших матерей, жен, детей! За нашу честь, свободу и любимую Родину!»*

В полках и дивизиях развернулась подготовка к наступлению. Уточнялись задачи, дорабатывались вопросы взаимодействия с соседями и поддерживающими частями. Во всех полках состоялись открытые партийные и комсомольские собрания, митинги.

В ответ на обращение Военного совета воины твердо заявили: «Враг будет разгромлен. Будем бить его беспощадно».

Красноармейцы писали заявления с просьбой принять их в партию: «Хочу идти в бой коммунистом. За дело партии, если потребуется, отдам свою жизнь не задумываясь...»

Пять суток днем и ночью шла кропотливая работа. Артиллерия, минометы, пулеметы заняли свои позиции. Были подвезены боеприпасы и все необходимое для наступательного боя. Много потрудились разведчики и саперы. На рассвете 8 августа с рубежа Дубовежье перешла в решительное наступление 107-я стрелковая дивизия, нанося главный удар в направлении Вязовка—Гурьево-Леонидово.

После артподготовки 586-й и 765-й полки дивизии атаковали врага на рубеже Старое Рождество—Черемисино и овладели первой траншеей, но дальше продвинуться не могли. Было принято решение прекратить атаки и подготовиться для наступления под прикрытием последовательно сосредоточения огня артиллерии на главном направлении.

Через два часа бои возобновились. Гул артиллерийской канонады потряс землю. Бойцы, прижимаясь к разрывам

* ЦАМО, ф. 378, оп. 11015, д. 11, л. 4.

своих снарядов, бросились в атаку. Наш батальон и батальон старшего лейтенанта Э. Х. Люманова овладели селом Старое Рождество, а батальоны старших лейтенантов Лобова и Шереметьева 765-го стрелкового полка — селом Черемисино. Однако гитлеровцы оказали яростное сопротивление, жестокие контратаки следовали одна за другой. Противник всеми силами старался задержать наше продвижение, бросал в бой свежие резервы.

На помощь нам пришла батарея реактивных минометов М-13 капитана Соловьева. После трех ее залпов враг стал «сговорчивее». Все вокруг было завалено трупами солдат, офицеров и техникой противника. Эсэсовская дивизия «Райх» потерпела серьезное поражение. Ее потрепанные части стали отходить назад на рубеж Никифорово—Пушкино.

К исходу дня наша дивизия продвинулась на 25 километров, освободив несколько населенных пунктов. На рубеже Митино — хутора Иваненский—Кусаловка—Вязовка, куда вошли наши части, гитлеровцы, используя авиацию, танки, пытались дать решительный бой, но успеха не имели. 3-й и 1-й батальоны отразили контратаки врага, после упорных боев овладели и закрепились за собой Кусаловку, а батальоны Шереметьева и Лобова — Вязовку.

По всему восьмикилометровому фронту в полосе наступления дивизии бои не утихали ни днем, ни ночью. Над боевыми порядками наших войск все светлое время висела непрерывно вражеская авиация, на нас обрушивались контратаки фашистов, поддерживаемые артиллерией и танками. Но, ломая сопротивление противника, наши части за трое суток продвинулись на 40 км в юго-западном направлении и создали угрозу нанесения удара во фланг и тыл Ельнинской группировки врага. Разгром дивизии «Райх» был завершен. Гитлеровцы потеряли более 1500 солдат и офицеров только убитыми и вдвое больше ранеными. Были уничтожены 17 танков, 21 орудие, 28 минометов, 36 пулеметов, 4 склада, 80 машин, сбито 10 самолетов*.

Жалкие остатки дивизии в ночь с 10 на 11 августа были срочно выведены из боя. Ее сменила пополненная 15-я пехотная дивизия. Нелегко нам приходилось сдерживать натиск фашистских орд. У нас не хватало боеприпасов, особенно бронебойных снарядов. Но и немцам доставалось. Настроение их резко падало, о чем мы могли судить по их письмам, которых немало попадало в политотдел дивизии

* ЦАМО, ф. 1054, оп. 1, д. 1, л. 15.

и штаб полка. Тон писем становился все более грустным, в них встречались и такие фразы: «Это не Франция», «Русские упрямы...». Вот строки из письма одного солдата: «...Четвертый год я в армии, из них два на войне. Но не только мне, но и другим начинает казаться, что настоящая война началась только сейчас. Вчерашний бой не похож на сегодняшний, а что будет завтра? Русские, особенно сибиряки, дерутся не на жизнь, а на смерть...»

В атаку гитлеровцы шли уже с большой опаской, не то что в первые дни, когда шагали в полный рост. Но как бы то ни было, а обстановка для нас была напряженной, требовалось принятие срочных мер. Необходимо было развить успех 107-й дивизии, активизировать действия и на других участках, сковывать силы врага, не дать ему возможности перебрасывать резервы на направление главного удара. Военный совет 24-й армии срочно перегруппировал силы, в бой ввел свежие подразделения.

И со второй половины августа сражение разгорелось с новой силой. Преодолев сопротивление врага, 103-я моторизованная и 102-я танковая дивизии продвинулись в юго-западном направлении, оказывая помощь в успешном продвижении частям 107-й дивизии. На одном из участков нашему наступлению мешала господствующая над местностью высота 251,1. Командир 586-го полка полковник И. М. Некрасов приказал взять ее 1-му батальону старшего лейтенанта Э. Х. Люманова.

Чтобы выполнить задачу, Люманов создал группу, которая сильным огнем сковывала противника с фронта. А двумя ротами он охватил противника с флангов, окружил и в упорном бою при поддержке огня артиллерии разбил врага и овладел высотой.

Но необходимо было не только удержать высоту, но и развить наступление. Командир полка вводит мой 3-й батальон, который поддержали 1-я, 3-я батареи 347-го артполка, минометная группа Журавлева, пулеметная рота лейтенанта В. Ф. Маслова, заменившего павшего смертью храбрых лейтенанта Соколова.

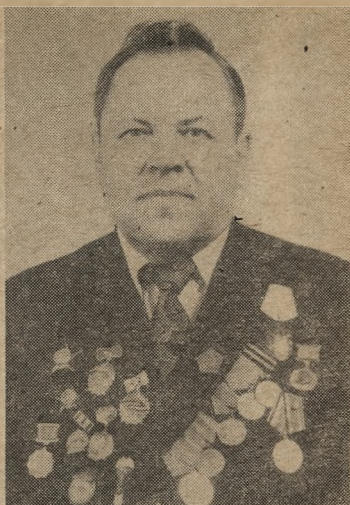
— Что у вас с пулеметом? — спросил строго лейтенант Маслов.

Наводчик Т. Ф. Безруков не расслышал слова командира и, не ответив на вопрос, прошептал: «Лейтенант-то, лейтенант — совсем мальчик...»

Четко взаимодействуя, 1-й и 3-й батальоны стремительной атакой прорвали оборону противника и завязали бой за деревню Гурьево.



Э. Х. Люманов



В. Ф. Маслов

Гитлеровцы оказали яростное сопротивление, атаки, контратаки следуют одна за другой, доходит до рукопашных схваток. 9-я рота лейтенанта Чеснокова (заменившего М. В. Заику из-за ранения) при поддержке 3-й батареи лейтенанта комсомольца А. И. Данилова обошла противника и ворвалась в деревню. В многочасовом бою враг потерял около 300 солдат и офицеров.

Еще шел бой в Гурьеве, когда мне доложили — на подходе автоколонна 15—20 автомашин, но от огня 1-й и 3-й батарей, минометной роты батальона лейтенанта Журавлева мало кому удалось уйти из этой автоколонны.

Но фашисты не оставили нас в покое. Село Гурьево несколько раз переходило из рук в руки. Взбешенные неудачей фашисты подтягивали сюда новые и новые силы, решив во что бы то ни стало уничтожить нас. 3-й батальон был окружен с трех сторон во много раз превосходящими силами врага. Сложилась очень напряженная обстановка на всем левом фланге 586-го полка. Не легче было и у соседей — 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии. Перед каждой контратакой гитлеровцы вели мощный артиллерийско-минометный огонь, предпринимали массированный налет авиации. Более 200 самолетов бомбили наши боевые порядки. Надо сказать, в то время самоуверенность фашистов доходила до наглости. До 1942 года они имели на са-

молетах «Юнкерс-87» сирены, назначение которых — просто пугать людей. Эти сирены начинали выть сначала нудно, а потом душераздирающе с нарастающей силой по мере приближения самолета к земле.

Чтобы не дать полностью окружить батальон, оказаться во вражеском кольце, организовали группу бойцов для прикрытия с тыла, а с другой открыли ураганный огонь и пошли в атаку. Гитлеровцы в панике заметались. Воспользовавшись этим, мы усилили удар. В этом бою 21 августа батальон уничтожил более двухсот фашистов. Трое суток не затахали схватки. Несмотря на численное преимущество враг потерпел поражение.

Эсэсовцам не удалось окружить нас. Необходимо особо отметить комиссара батальона Никифорова, который все время находился в гуще красноармейцев, личным примером вдохновлял их на разгром врага. Но, к великому несчастью, в одной из атак он был сражен вражеской пулей. Это была тяжелая потеря для всего личного состава батальона. Политрук Никифоров был настоящим комиссаром батальона — он жил для людей и отдал жизнь за них.

Когда наш батальон уже добивал эсэсовцев полка «Великая Германия» в селе Гурьеве, фашисты сделали попытку прорваться в тыл и снова взять нас в кольцо. Маневр был разгадан. Первый и второй батальоны 630-го стрелкового полка подполковника В. Д. Муратова под командованием старших лейтенантов П. Снегурова и И. Кудашкина и батальон 586-го стрелкового полка Э. Х. Люманова обошли немцев с флангов, окружили юго-восточнее Гурьева и в многочасовом бою разгромили. Батальон Люманова вышел на правый фланг моего батальона и прикрыл его от возможного удара с запада.

За трое суток боев 15-я пехотная дивизия врага была сильно потрепана. Ее сменила вновь пополненная эсэсовская дивизия «Райх», полки «Великая Германия» и «Фюрер» намеревались с ходу контратаковать наши позиции. Разведчики 586-го полка младшего лейтенанта Фокина в период смены немецких частей дерзким налетом захватили двух гитлеровцев. Один из них оказался из полка «Великая Германия».

И. М. Некрасов доложил об этом командиру дивизии, информировал соседей. И как только фашисты двинулись в атаку, четыре наших артиллерийских полка, вся артиллерия, минометы стрелковых частей и батареи реактивных минометов обрушили на их головы мощный огонь. Атака захлебнулась. После огромных потерь немцы отошли.

Как показали пленные, немецкое командование считало, что в этом направлении действуют большие силы русских. Потому-то Гитлер и бросил сюда отборные части. Уже в сентябре он собирался устроить парад на Красной площади в Москве. «Устроим мы фашистам парад!»—говорили наши солдаты и еще смелее шли в атаку, еще мужественнее дрались.

Всегда на самых ответственных участках коммунисты, комсомольцы первыми шли на врага. Вообще, должен сказать, что в наших боевых успехах партийно-политическая работа играла огромную роль. Она велась непрерывно и целеустремленно. Вот что писал в конце августа 1941 года в политдонесении по управлению Резервного фронта начальник политотдела 24-й армии бригадный комиссар К. К. Абрамов: «Хорошо организована партийно-политическая работа в 586-м полку 107-й стрелковой дивизии, где комиссаром полка старший политрук Василий Алексеевич Алтухов, который правильно нацеливает партполитаппарат на выполнение стоящих перед частью задач... Этот полк по боевым действиям занимает первое место среди частей, участвующих в боях»*.

Вспомню настоячивость инструктора 586-го полка Василия Ивановича Тайкова. Как-то, когда с командирами рот и командиром 1-го дивизиона капитаном Василием Павловичем Дубковым мы размышляли над одной боевой задачей, на командный пункт батальона вошел товарищ Тайков и предложил обсудить список пропагандистов батальона. Начальник штаба лейтенант Кульдяев сказал:

— Мы планируем, как лучше выполнить задачу, а вы суетесь со своим списком!

Тайков не отступил.

— Это имеет прямое отношение к выполнению задачи! Товарищ капитан! В батальоне нет комиссара, не во всех ротах политруки.

Комиссар полка приказал решить это мне. Агитатор—лицо ответственное. Он должен найти такое слово, которое воодушевит бойцов на подвиг, а это не так просто и не каждый сможет.

— Вы правы, товарищ Тайков, — согласился я. — Агитатором лишь бы кого не назначишь. Большое дело ему доверяется. Политруки рот и агитаторы должны сосредоточить свое внимание на этом важном участке работы до наступления и в бою.

* ЦАМО, ф. 378, оп. 11015, д. 5, лл. 18—19.

Необходимо отметить, что с первых дней войны, как и подобает членам партии Ленина, политруки были на переднем крае линии огня. Призывая бойцов к решительным действиям, личным примером и словом воспитывая в них верность Родине, показывая пример героизма, они завоевывали любовь и доверие воинов, вызывали у них желание быть вместе в рядах этой партии.

Высокий морально-политический уровень наших солдат, сержантов и офицеров на протяжении всей войны был не случайностью, а вытекал из самого существа социалистического строя нашей страны, из коммунистической идеологии. Любовь к Родине, к КПСС, советский патриотизм рождали героизм тысяч в боях за Москву, Сталинград, на Курской дуге и при штурме Берлина. Мне, как и другим, довелось многое повидать, пережить за годы войны. И вот сейчас, перебирая в памяти увиденное, полагаю, что те Ельнинские бои были для меня самыми трудными. По накалу событий, по нервному напряжению вряд ли, кроме штурма Берлина, можно их с чем-либо сравнить.

...Бои на подступах к Ельне не затихали. Немцы вводили в сражение новые части и подразделения. Земля была завалена трупами немецких солдат и офицеров, сожженными танками, разбитыми орудиями, минометами, пулеметами, сгоревшими самолетами и машинами. Ряды советских войск тоже таяли. Медсанбаты были переполнены ранеными. Но каждый день рождал новых героев.

Вот только один из множества примеров. Шел не первый бой за Гурьево. Немцы предприняли очередную контратаку. Обстановка для нас сложилась очень трудная, особенно в 7-й роте. Спас положение пулеметчик Александр Колмыков, который, заняв удобную позицию, косоприцельным губительным огнем уничтожал фашистов. Они пытались подобраться к нему то с одной стороны, то с другой, но безрезультатно. После отражения двух атак патроны у Колмыкова оказались на исходе, и он прекратил огонь. В это время его пулемет прикрывался огнем орудия прямой наводки сержанта Д. А. Сухоплюева. Немцы решили, что пулеметчик убит, стали наступать смелее. Но Колмыков выжидал лишь удобного момента: подпустив противника на близкое расстояние, он вновь открыл огонь. Из полусотни немцев почти никто не ушел назад.

Видимо, у каждого, кто прошел боевой путь Великой Отечественной войны, в памяти навечно остались незабываемые дни 1941 года. И чем дальше уходит время, тем больше появляется желания у фронтовиков поделиться

своими наблюдениями, думами о пережитом и событиях тех грозных и героических лет, раскрыть величие подвига, которому не было равного в истории.

В июне 1971 года я встретил наводчика 3-й минроты Ивана Александровича Гаврилова, наводчика пулеметного взвода 7-й стрелковой роты Александра Николаевича Колмыкова и других бывших бойцов своего батальона. (Всего их в Солтонском районе 17 человек.) Вспоминая, они рассказывали о боях в районе Гурьева.

«Наш батальон был почти окружен превосходящими силами врага. Но активным огнем и контратаками мы выбивали боевую технику и перемалывали живую силу противника. Откатятся гады в укрытие и под прикрытием артиллерийско-минометного огня с танками снова лезут. Как саранча, по собственным трупам, под ливень пуль, под разрывы артиллерийских снарядов, а лезут. С налитыми кровью глазами, идут фашисты напролом, едва успеваем ленты менять, атаки одна за другой».

Да. Израненные, окровавленные бойцы воевали в окопах у Гурьева, где я сражался вместе с ними, где не было ни одного вершка земли, неискалеченного осколками снарядов и бомб. «Немало пролито крови на том рубеже! Но не отступили назад, — сказал командир 586-го полка полковник И. М. Некрасов. — А сколько было таких героических дней и ночей в районе Ельни в 1941 году».

Стойкость и мужество русского солдата бесили гитлеровцев. Пленный 1-й пехотной дивизии не случайно признался: «Как только мы попытаемся преодолеть западный заболоченный берег речушки Ужа, ваши солдаты немедленно начинают поливать нас ружейно-пулеметным и минометно-артиллерийским огнем. И все наши попытки не дали положительных результатов.

Потери от вашего огня велики, нигде таких потерь мы не несли, нигде мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства. Мы уже совсем было атаковали ваш левый фланг юго-восточнее Гурьева, но никакая сила не смогла сдвинуть русских с позиции...»

Самоотверженно дрались Иван Санников, Михаил Моисеев, Петр Чепкасов, Яков Пинаев, Павел Болдин и многие другие.

...Обстановка в двадцатых числах августа на нашем участке фронта обострилась. Враг наседал без передышки. Лавины гитлеровцев под прикрытием танков, при поддержке артиллерии и минометов обрушивались на нас. Но успеха не имели.

24 августа я по приказу командарма принял 85-й полк 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии. Поэтому о дальнейшей судьбе бойцов 3-го батальона не мог знать. Многие уже узнал значительно позже. В 1965 году я случайно встретился с бывшим политруком, ныне подполковником запаса А. И. Горбачевым. Многие он мне рассказал, в частности, о подвиге командира взвода батальонной артиллерии лейтенанта Михайлова.

Шесть гитлеровских автоматчиков наступали на Михайлова. Двух он убил, сам был ранен, однако продолжал стрелять. Когда патроны кончились, Михайлов встал, поднял руки. Двое автоматчиков приблизились к нему. Подпустив их вплотную к себе, Михайлов одного кулаком, другого коленом сбил с ног, выхватил у одного гитлеровца автомат, открыл огонь по двум другим. В это время оставшийся в живых фашист смертельно ранил героя. Вот когда проявили себя резервы сил, которые человек не всегда в себе предполагает.

В 1967 году я получил письмо от бывшего командира батареи 347-го артиллерийского полка старшего лейтенанта В. А. Шмонина. Он писал: «...Я хорошо помню почти все бои, в которых участвовал 3-й батальон, который все называли «истребительным». Он и впрямь здорово истреблял гитлеровских гадов...»

В январе 1968 года мне прислал письмо бывший комиссар полка подполковник запаса В. А. Алтухов, проживающий в Полтавской области: «Я часто вспоминаю тяжелые бои под Ельней. Крепко дрался ваш 3-й батальон. Тогда на стороне противника были большие преимущества, особенно в танках и авиации. Но мы не только выстояли, но и били противника. Мне в вашем батальоне пришлось быть дважды. Можно ли забыть ночной бой при уничтожении передового отряда 15-й пехотной дивизии в Басманово! Второй раз с вами совершал марш-бросок в направлении станции Глинки, где произошел встречный бой с батальоном 17-й моторизованной дивизии гитлеровцев. Ваш батальон тогда здорово с ходу атаковал противника...»

Атаковать и разбить более сильного врага — дело нелегкое. При выполнении заданий мы часто прибегали к ночному бою. Почему? Своими ночными действиями мы сводили на нет преимущество противника — исключали применение им танков и авиации.

Днем нам труднее было добиваться успеха. Хотя наши артиллеристы умело стреляли прямой наводкой и с закрытых позиций, бойцы искусно применяли противотанковые

гранаты и бутылки с горючей смесью, но танк с его оружием и броней остается танком.

Да, граната и бутылка горючей смеси — оружие людей особого мужества. Для того, чтобы применять такое оружие, надо было смотреть смерти в глаза. Каждый из воинов-героев понимал, что, может быть, делает последний в своей жизни шаг, последний взмах руки, но понимал еще и то, что этот вражеский танк не должен пройти дальше.

О жарких боях с фашистами вспоминает в своих письмах и бывший инструктор пропаганды 586-го стрелкового полка старший политрук Василий Иванович Тайков: «Много лет прошло с тех пор, как расстались мы в деревне Гурьево, где шли страшно кровопролитные бои с превосходящими силами противника, но я все помню. Тем более, что недавно мне пришлось побывать на местах боев. Эти бои мне запомнились лучше других. Был в Быкове, Ушакове, Дубовежье, Гурьеве, на знаменитой высоте 251,1, в березовой роще, где ваш батальон разгромил немецкий батальон 15-й пехотной дивизии, на станции Глинка, где батальон провел удачный бой с передовым отрядом 17-й мотодивизии противника». Вот показания солдата этой дивизии: «...Все мы знали, что Киев, Смоленск и Москва истребят тысячи солдатских жизней, но то, что происходит здесь, не поддается осмыслению. Сегодня мы работали в поте лица, и когда я оглянулся и оглядел кладбище, мне показалось, что здесь похоронена вся Германия. И это не под Смоленском. Нет. Это где-то среди холмов возле какой-то убогой деревушки, у которой даже нет своего имени».

Однако помню и другое. Первые дни войны 1941 года, когда авиация врага господствовала в воздухе, а танки его на земле. Можно было часто слышать: «нас обошли», «мы окружены», «в нашем тылу выброшен десант» и так далее...

Правда, бывало и так, что слухи оказывались преувеличенными, у страха, что называется, глаза велики. Не только бойцы, но и отдельные командиры были склонны верить преувеличенным, а то и просто слепым слухам.

Мне приходилось встречать одиноких солдат, идущих назад... И получал на вопросы «куда?», «почему?» — разные путанные ответы. При выяснении причины отхода выяснялось, что авиация противника, висевшая над боевыми порядками все световое время, заставляла бойцов и командиров притаяться в своих ячейках. Это разъединяло солдат, они теряли чувство локтя, не видели командира

роты, порой даже командира отделения, не слышали команд и были почти неуправляемы.

Стойкость нашего солдата мы знаем. Но такая разобщенность на поле боя в известной мере оправдывала тех, кто покидал свое место в обороне, «воображал в своей ячейке, что уже все отошли и он остался один, или ушел последним».

Понять, какое отрицательное воздействие оказывало на психологию столь продолжительное отступление, совсем не трудно. Солдат должен видеть и слышать голос командира. Нельзя забывать, что люди сражаются в невероятно тяжелых условиях и особенно нуждаются в общении со своим командиром. Солдату важно знать настроение своего командира: как он, сам-то, верит в успех боя или сомневается в нем? Солдата обмануть нельзя. Солдат умен, он должен убедиться, что командир думает и говорит то, во что верит сам.



От Ельни до Северского Донца

Жестокие, кровопролитные бои шли во всей полосе 24-й армии. Враг подтягивал свежие резервы, теснил наши части. Во второй половине августа 1941 года нашим войскам пришлось оставить ряд населенных пунктов. Создалась реальная угроза более глубокого прорыва немцев к Москве.

Самоотверженно, стойко сражались наши воины, но события на отдельных участках развивались не в их пользу.

24 августа я принял командование 85-м стрелковым полком 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майора Ивана Никитича Руссиянова, с которым познакомился еще в 1932 году.

Жаль было расставаться со своим 3-м батальоном 586-го стрелкового полка, который передал старшему лейтенанту И. М. Огневу. Боевые товарищи, с которыми не раз ходил в атаку и с которыми переживал горести и радости, тепло меня провожали. В подарок от командования 24-й армии я получил карманные часы с надписью: «За Сталина — за Родину! Богатырю Великой Отечественной войны от коллектива Крайместпрома гор. Красноярска 1941 год»*.

Прощаясь с командованием 586-го полка и 107-й дивизии, я был очень взволнован. Должность была весьма почетной и ответственной. Командование полком всегда считалось важнейшей ступенью в овладении военным искусством в бою.

Во второй половине дня 24 августа я прибыл на командный пункт 100-й дивизии, который размещался в березовой роще юго-восточнее деревни Щебяки (район Ельни).

Увидел следы жестокой свежей бомбежки, ближе к опушке много поврежденных, обезображенных деревьев, кусты покрыты слоем пыли, а местами и кровью, на сучьях берез то там, то здесь висели заброшенные туда воздушными волнами обрывки телефонных проводов, а то маячила и солдатская шинелишка или иссеченная в клочья

* Сейчас эти часы хранятся в музее героев-сибиряков в Новосибирске.

плащ-палатка. Тяжело смотреть на эти страшные следы буйства смерти, угадывать за ними все то, что испытали здесь советские люди, воины 100-й и 107-й стрелковых дивизий.

Сейчас трудно, почти невозможно поверить, что мы прошли через все это.

А тем временем страшные жернова войны день за днем размалывали июль—сентябрь 1941 года.

— Как добрались? — спросил Иван Никитич Руссиянов.

— Как видите, товарищ генерал: жив-здоров.

— Обстановка, капитан, трудная. Из одного блиндажа в другой не всегда удается добраться... О делах ваших кое-что читал в «Красноармейской правде» и «В бой за Родину».

100-я ордена Ленина стрелковая дивизия — одно из старейших соединений Советской Армии, прошедших суровую школу борьбы за Советскую власть с силами внутренней контрреволюции. Дивизия была сформирована из частей 44-й и 45-й Волынской стрелковых дивизий 23 ноября 1923 года как 45-я «Б» стрелковая дивизия. 24 апреля 1924 года она была переименована в 100-ю стрелковую дивизию. Боевой опыт, свои традиции. В памяти и командиров, особенно старших, и красноармейцев жил незабываемый образ народного героя Николая Щорса — первого командира 44-й дивизии.

В сентябре 1939 года дивизия участвовала в освободительном походе в Западную Белоруссию.

В ноябре 1939 года финская и международная реакция спровоцировали войну с Советским Союзом. В советско-финляндском вооруженном конфликте принимала участие и 100-я стрелковая дивизия, которая разрушила 22 дота и 46 дзотов противника, за что была награждена в марте 1940 года орденом Ленина. При прорыве броневой (бетонной) системы укрепления «линии Маннергейма», о которой иностранные военные инженеры заявляли, что «такую линию никакая армия в мире не может разбить», бойцы и



— Обстановка, капитан, И. Н. Руссиянов

командиры Советской Армии проявили невиданную храбрость, героизм и умение, взяли всю цепь крепостей и разбили врага.

В славных боевых делах дивизии немалая заслуга была и 85-го стрелкового полка, которым мне предстояло командовать.

В конце нашей беседы Руссиянов сказал:

— Сейчас обстановка сложнейшая. Трудное положение и в 85-м полку. Нет комиссара. Из командиров батальона только один, да и тот молодой. Не все командиры рот и взводов. Авиация и артогонь противника нанесли большой урон транспорту. А мы, капитан, должны быть в любую минуту готовы к наступательным действиям по разгрому Ельнинской группировки гитлеровцев. Сейчас обязанности командира полка временно исполняет майор Карташов, начальник штаба майор Иван Пантелеймонович Шуляк. Полк кое-что дополучит, а мой комиссар Кирилл Иванович Филяшкин поможет вам подобрать комиссара.

Я понял, что генерал почувствовал мое не совсем боевое настроение — принять полк в таком состоянии! Не буду кривить душой, настроение у меня, действительно, было тогда не ахти какое. В эти минуты мне еще раз вспомнился 3-й батальон: ведь мы постоянно вели бои, отбивая одну за другой атаки противника, и часто сами переходили в контратаки, крепко били гитлеровцев. Очень жарко приходилось, и все-таки батальон оставался боеспособным.

— Ничего, товарищ Козин! Основа есть, а остальное зависит от нас, командиров.

С наступлением темноты я в сопровождении офицера связи отправился в штаб полка, который размещался в роще чуть севернее деревни Митино. Чувствовал себя неспокойно, заботило то, что полк не укомплектован.

Офицерский состав в большинстве своем был в сборе, ожидали меня. После знакомства я сказал, что командир дивизии обещает помочь дополнительно личным составом, оружием, боеприпасами и боевой техникой, и поэтому особое внимание следует обратить на новичков: выяснить, все ли в достаточной степени владеют оружием, научить их, что делать при налете авиации, как бороться с танками противника и действиями в ночных условиях.

— О неподготовленных мне докладывать, в бой не посылать.

Указал я и на серьезность вопроса подгонки снаряжения, в частности, чтобы одежда и обувь были по возможности по размеру. А то как иногда бывает: пошел человек

в бой, натер ногу — и он уже неполноценный боец. Или одежда: то тесна — жмет, то широка — болтается, а это тоже мешает нормально вести бой, особенно в наступлении. За это несут полную ответственность заместитель командира полка по материальному обеспечению и старший врач А. С. Ванштейн.

Вскоре на должность комиссара полка прибыл старший батальонный комиссар Николай Михайлович Волобуев, который имел опыт работы в мирное время в кавалерийском полку. Стало легче, появилась возможность больше времени уделять изучению обороны противника, разведке, а также боевой подготовке командиров и красноармейцев, особенно отработке вариантов прорыва обороны противника.

Политработники под непосредственным руководством Н. М. Волобуева стали более оживленно вести политико-воспитательную работу.

Широко пропагандировался личный пример героизма однополчан, не однажды умело и храбро дравшихся с противником: сержанта Василия Сазонова, политрука Оськина, комсорга полка младшего политрука Василия Якушкина, Героя Советского Союза старшего лейтенанта П. И. Ребенка и других.

В боевой обстановке приходится постоянно не только учить других, но и самому учиться. Было это, кажется, 26 августа. С наблюдательного пункта иду на командный. Навстречу два генерала. Одного сразу узнал — Руссиянов. Кто же второй? Оказалось, что это был командующий 24-й армией генерал-майор Константин Иванович Ракутин.

— Ведите нас на свой наблюдательный пункт, — приказал он.

— Товарищ генерал, туда очень трудно попасть: нужно пройти мостик через Ужу, а он обстреливается артиллерийско-минометным огнем противника.

— Вы что же, боитесь? А я о вас был другого мнения...

С немалым риском мы добрались до наблюдательного пункта. Там командующий дает мне несколько задач. Я их решил.

— Этот капитан сумеет управлять полком в бою, — обращаясь к Руссиянову, заключил Ракутин. А затем снова ко мне:

— А зачем вы шли на командный пункт?

— Просить разрешения у командира дивизии на разведку боем — ведь о системе огня обороны врага на этом участке нам не все известно.

Разрешение на разведку боем я получил, начали ее осуществлять 28 августа. Мы не сомневались в том, что кое-какие артиллерийские батареи противника сменят свои позиции.

Однако нам было важно знать, что они есть в боевом порядке врага на участке наступления нашего полка. До этого противник не показывал батареи 105-мм дивизиона. Хотел преподнести их как сюрприз. Но не выдержал, заставили его раскрыться. Мы считали, что в данной обстановке каким-либо другим способом невозможно было получить нужные нам данные о противнике. Не помогли бы тут наблюдения и даже пленные.

В ходе разведки боем нам удалось уточнить систему огня и расположение огневых точек врага, а также установить, что Гурьево и участок юго-западнее являются сильно укрепленным опорным пунктом, взять который можно только при хорошей подготовке с сильной артиллерийской обработкой, особенно переднего края и глубины обороны.

Выполнив все подготовительные работы, произведя необходимую пререгруппировку сил, наша 100-я дивизия 30 августа во взаимодействии с другими соединениями 24-й армии после сильной артиллерийско-минометной обработки позиций врага перешла в наступление.

Преодолевая упорное сопротивление врага, наш 85-й полк метр за метром вгрызался в его оборону. И как ни яростно фашисты отбивались, подтягивая все новые и новые силы мотопехоты, артиллерии, танков, совершая авианалеты, устоять им не удалось. Наши бойцы и командиры дрались с невиданным упорством, проявляя чудеса храбрости. Они понимали, что за спиной Москва — сердце нашей Родины.

Вот один из примеров. Рядовому 4-й роты 2-го батальона комсомольцу ленинградцу А. И. Сашко осколком тяжелой мины оторвало правую руку с зажатой в ней винтовкой. Сашко взял винтовку левой и с криком «Вперед, товарищи!» пошел первым на врага. Тяжело раненный, он не отступил, продолжал двигаться, пока, истекая кровью, не потерял сознание и не упал.

4-я, 5-я и 6-я роты под прикрытием артиллерийско-минометного огня, увлеченные героическим примером Сашко, стремительным броском овладели первой и второй траншеями, отражая контратаки, углубились в оборону врага. Для развития успеха наступления был введен второй эшелон полка. К утру оборона противника была прорвана.

Командир дивизии генерал И. Н. Руссиянов отметил:



В. С. Якушкин



А. И. Сашко

«Жаркий был бой за опорный пункт обороны Гурьево. 85-й полк штурмом овладел укрепленным вражеским узлом обороны. В этом заслуга командования, офицеров и решительность действий личного состава полка». Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: «Утром 30 августа 100-я дивизия вместе с другими частями 24-й армии перешла в наступление. Враг отчаянно сопротивлялся. Наиболее успешно действовал 85-й стрелковый полк, которому в результате ночного боя удалось прорвать оборону противника. В эту полосу командир дивизии ввел второй эшелон дивизии — 355-й стрелковый полк»*.

Необходимо отметить действия 9-й стрелковой роты лейтенанта Г. С. Богданова. Бойцы, увлеченные своим командиром, при поддержке полковой батареи старшего лейтенанта Богомазова и 5-й батареи 46-го гаубично-артиллерийского полка старшего лейтенанта В. Ф. Титоренко, отразив две яростные атаки врага, перешли в контратаку и в рукопашной схватке решили исход боя.

Оборона противника в районе Гурьево была прорвана. Это подняло дух у наших бойцов, окрылило их. Но и прибавилось ненависти к поработителям. Ведь что осталось от деревни? Выбив из нее на рассвете немцев, мы увидели

* Жуков Г. К., т. 1, с. 372.

страшную картину: большинство изб сожжено дотла, только могильно торчат трубы русских печей, повсюду тела расстрелянных гитлеровскими извергами ни в чем не повинных советских людей. В одной из печей бойцы обнаружили трехлетнего мальчика, в другой — грудного ребенка, убитых фашистами. А у колодца насчитали 13 обугленных и изуродованных трупов советских воинов. Жители рассказали, что эти бойцы попали к фашистам в плен тяжело ранеными. Уж как только не издевались над ними фашистские палачи!

Весь личный состав полка на стихийно возникшем митинге поклялся еще крепче бить врага. Бойцы брали пример бесстрашия со своих командиров капитанов Федора Коврижко и Василия Тыртычного. На их счету было 16 вражеских танков, которые они сожгли за три дня июньских боев под Минском. Коврижко и Тыртычный доказали: танк — он грозен только с виду, а на деле для бойца, умеющего бороться с ним, он не так уж страшен.

Оценивая положение, создавшееся на центральном участке Восточного фронта, немецкое верховное командование в своей директиве указывало: «Первоочередная задача на данном участке состоит в том, чтобы ликвидировать вклинившиеся на запад фланговые позиции противника, сковавшие довольно крупные силы пехоты армии «Центр»...

Цель данного наступления состоит в том, чтобы еще до наступления зимы овладеть всем комплексом государственных экономических и коммуникативных центров противника в районе Москвы и тем самым лишить его возможности восстановить разгромленные силы и нарушить работу аппарата государственного управления»*.

Для того, чтобы совершить следующий скачок и попытаться выполнить гитлеровский план захвата Москвы, фашистская армия должна была привести себя в порядок и подтянуть свежие силы. Исходным плацдармом для броска на Москву немецкое командование считало глубоко вдавшийся в расположение наших войск выступ в районе Ельни. В 1948 году мне довелось еще раз побывать в районе Ельни, и я убедился, что этот район являлся действительно весьма благоприятным для сосредоточения наступательной группировки противника. Сама Ельня расположена в котловине, окруженной со всех сторон в радиусе 9—10, а местами до 15 километров, высотами. Город имел хо-

* Военно-исторический журнал, 1959, № 6, с. 87.

рошо развитую во всех направлениях дорожную сеть. Противник укрепился на командных высотах и занимался подготовкой «решительного наступления».

3 сентября наш 85-й полк захватил и пересек шоссе-ную дорогу Ельня—Смоленск, а 5 сентября — железную дорогу и 6 сентября вышел в район деревень Плешковки и Леонидово, что юго-западнее Ельни, 19-я, 100-я, 107-я стрелковые дивизии являлись основной ударной силой северной группы наших войск, осуществлявших разгром ельнинской группировки противника.

Бои под Ельней были тяжелыми и изнурительными. Противник встретил наши наступающие войска плотным артиллерийским и минометным огнем. Командующий резервным фронтом Г. К. Жуков ввел в действие всю наличную авиацию, танки, артиллерию и ракетные минометы. Боевые действия не прекращались ни днем, ни ночью. В результате успешных действий всех наших соединений, участвовавших в боях, к 4 сентября ельнинская группировка гитлеровцев оказалась полуокруженной, а 6 сентября наши войска освободили Ельню. Опасный плацдарм был ликвидирован. Врагу дорого обошлась попытка удержать Ельнинский выступ. Всего за период боев в районе Ельни было разгромлено до пяти фашистских дивизий, противник потерял убитыми и ранеными 45—47 тысяч человек, большое количество пулеметов, минометов и пушек. По показаниям пленных, в некоторых частях минометов и артиллерии не осталось совершенно. Танки и авиацию в последнее время противник применял отдельными группами и только для отражения наших атак на важнейших участках*.

Под Ельней немецко-фашистские полчища потерпели первое крупное поражение, наголову были разгромлены 10-я танковая, 17-я моторизованная и 15-я пехотная немецкие дивизии.

Это были бои, когда наши бойцы и командиры проявляли невиданный в истории человечества массовый героизм. Враг вводил в сражение новые части — 157-ю, 178-ю, 268-ю и 292-ю пехотные дивизии, но неизменно терпел поражение за поражением. Значительное подкрепление, полученное немцами, не остановило наступательного порыва наших войск, хотя мы также несли большой урон.

Медсанбаты дивизий были переполнены ранеными. Врачи боролись за жизнь каждого человека. Уже после вой-

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., изд-во АПН, 1971, с. 202.

ны военврач 3-го ранга 107-й дивизии Нина Федоровна Тяжкун рассказывала мне: «Помню, как военврач 2-го ранга Веселицкий 36 часов подряд не отходил от операционного стола. Трое суток бесменно оперировала раненых военврач 3-го ранга Наталья Ивановна Лузгина. То же самое можно сказать и о командире медсанбата военвраче 2-го ранга Лалетине».

Рядовой А. С. Евтушенко рассказывает: «В боях за город Ельню шофер санитарной машины 160-го разведывательного батальона 107-й стрелковой дивизии Иван Иванович Летягин вывез не один десяток раненых, в том числе и меня. Машина Летягина была избита осколками авиабомб врага. Он был ранен, но нас, как и других, доставлял по назначению».

Напряженное положение было и в медсанбате 100-й дивизии, куда поступали раненые и из 107-й дивизии, о чем сообщал врач 85-го стрелкового полка Арсений Семенович Ванштейн. Врачи делали все возможное, не жалели сил и добивались своего: из ста раненых 70—75 человек вновь возвращались в строй, чтобы продолжать громить врага. Только огромное спасибо можно сказать нашим мужественным врачам.

Ликвидация Ельнинского выступа завершилась. Это, несомненно, была наша большая моральная победа.

Есть в жизни человека на войне день, вечер, часок боевой страды, когда, оставшись наедине с собой, ты как бы перебираешь страницы минувшего, подводишь итог сделанному тобой — своеобразный отчет перед своей совестью. Были такие дни и у меня: счастливые наступательные боевые дни с 30 августа по 7 сентября 1941 года. С виду дни как дни, ничего как будто особенного, ясные, солнечные.

В то же время отрадно было видеть, как по дорогам в сторону Дорогобужа бредут одна за другой группы пленных, а наши войска неудержимо продолжают сжимать ельнинскую группировку врага. Наше наступление развивалось поперек и вдоль тех самых дорог, которыми гитлеровцы в тревожные летние дни рвались к Москве.

А сейчас у нас, защитников дальних рубежей Москвы, всенародный праздник — наступаем мы. Значение этой победной операции сказалось на дальнейшем ходе событий. Правда, в октябре враг снова овладел Ельней и прорвался на восток, но время, которое мы выиграли у врага, сработало на нас. Враг понес большие потери и отступал на запад.

Вот минул август — последний месяц войны по гитлеровским прогнозам, а не пали ни Москва, ни Ленинград.

Бои приобретали для немецких захватчиков затяжной характер. Вот уже два месяца оборонялась Одесса. Враг безуспешно штурмовал Крымский перешеек. Был остановлен на севере, на реках Свирь и Волхов.

Чувствовалось — напор немецких войск слабеет. Враг явно выдыхался, хотя был еще весьма силен.

Вспоминая бойцов родного 3-го батальона, а затем 85-го полка, я и сейчас испытываю чувства глубокого восхищения храбростью солдат, сержантов и офицеров, которые в суровом 1941 году в контрнаступлении под Ельней проявили высокое боевое мастерство, несгибаемую волю, мужество и вместе с другими воинами сумели не только остановить противника, но и нанести ему тяжелое поражение.

Здесь, под Ельней, на смоленской земле, в жестоких кровопролитных боях с немецко-фашистскими захватчиками родилась советская гвардия. У истоков ее зарождения стояли лучшие соединения Советской Армии, показавшие высокие образцы доблести, борьбы за честь, свободу и независимость социалистической Родины.

В боях с врагом за Отечество под Ельней первогвардейцы 100-й ордена Ленина стрелковой дивизии, в том числе 85-й (2-й гвардейский Краснознаменный) стрелковый полки, вписали в летопись славы советского народа немало ярких героических страниц. И хотя стратегический успех был временным, однако моральная победа в этом сражении имела большое значение в дальнейшем ходе войны.

Ничего не вышло у Гитлера с планом «молниеносной» войны. А как фашисты на это рассчитывали! Еще 3 июля гитлеровский генерал — начальник штаба сухопутных войск Гальдер — записал в своем дневнике: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... Восточнее Западной Двины и Днепра мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, которые, каждая в отдельности, по своей численности не могут серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней»*.

Однако не учли гитлеровские стратеги: Россия — страна социализма и в этой стране живет человек раскрепощенного, свободного труда. А такого человека победить нельзя.

* Жуков Г. К., т. 1, с. 323.

Нельзя не сказать о постоянной заботе нашей партии и правительства, которую они проявляли о повышении политико-морального состояния войск. Только за первые три месяца войны по решению партии на политработу в армию и флот было мобилизовано свыше 95 тысяч наиболее подготовленных в военном отношении коммунистов и комсомольцев, для укрепления рядов начальствующего состава — 47 тысяч руководящих партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. К концу 1941 года в Советской Армии и Военно-Морском Флоте было 1027 тысяч коммунистов и 1742 тысячи комсомольцев*.

Это люди высокой сознательности, образцы преданности партии и народу. Они явились той цементирующей силой, которая делала нашу армию-освободительницу самой сильной армией в мире. И сила ее заключается в том, что она отстаивает интересы своего трудового народа, правое дело.

После ельнинского сражения часть наших дивизий по приказу командующего 24-й армией к утру 7 сентября сосредоточилась в районе Токарево—Замощье—Чанцево, поступив во фронтовой резерв. В тот же день дивизия была направлена на доформирование в Воронеж, куда она прибыла 12 сентября. С исключительной теплотой встречали трудящиеся города бойцов нашей дивизии — освободителей Ельни. Перрон заполнен народом. У всех цветы, фрукты, овощи, которые преподносились бойцам. Для личного состава дивизии были приготовлены помещения, заботливо убранные цветами, украшенные картинами.

Лишь пять дней пробыла дивизия в Воронеже, а 85-й полк и того меньше — уже на третий день он убыл. Дивизия была пополнена, хотя и не полностью, боевой техникой и вооружением. Из добровольцев народного ополчения был сформирован отдельный четвертый полк, состоявший в большинстве своем из коммунистов и комсомольцев. Возглавил полк бесстрашный командир, дважды орденосец полковник Михаил Емельянович Вайцеховский.

К середине сентября сложилась тяжелая обстановка на Юго-Западном направлении Советско-Германского фронта. Против наших войск, закрепившихся на рубеже западнее линии Брянск—Новozyбков южнее Гомеля и далее по восточному берегу Днепра и удержавших небольшой плацдарм на западном берегу в районе Киева, началось новое

* 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., Воениздат, 1968, с. 274—275.

наступление немецко-фашистских войск в направлении Харькова. Противник фланговыми ударами создал угрозу окружения наших войск восточнее Киева. Гитлеровцы спешили победоносно закончить к осени свой поход. В этой обстановке Верховное командование приказало перебросить 100-ю дивизию на Украину в район Ромны—Лебедин, где собиралась ударная группировка для нанесения удара по противнику. Противник совершал налеты, обстреливал эшелоны в пути их следования. Наш эшелон не раз давал отпор воздушным пиратам из зенитно-пулеметных установок. Один из «мессершмиттов» был сбит сержантом Николаем Чижовым.

18 сентября части дивизии закончили сосредоточение в районе Межеричи—Михайловка—Лебедин, где, войдя в состав 2-го кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, получили задачу занять исходное положение на рубеже Коровинцы—Сакуниха для наступления в направлении Ромны.

Прибыв в указанный район, дивизия совместно со 2-м кавалерийским корпусом вступила в бой и мужественно сдерживала яростный натиск вражеских полчищ, в их числе и танков Гудериана. И тем содействовала прорыву остатков 21-й и 5-й армий Юго-Западного фронта из окружения.

Этот незабываемый день навсегда остался в памяти тех, кто находился в рядах дивизии: одновременно с получением боевой задачи в 100-ю ордена Ленина стрелковую дивизию пришел приказ о переименовании ее в 1-ю гвардейскую ордена Ленина стрелковую дивизию. В этом приказе № 308 от 18 сентября 1941 года говорилось:

«В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100-я, 127-я, 153-я, 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращая их в бегство, наводили на них ужас. Этим нашим стрелковым дивизиям удалось бить врага и гнать перед собой хваленые немецкие войска.

Потому, во-первых, что при наступлении они шли вперед не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьезной подготовки...

Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника они не ограничивались движением вперед, а старались расширять прорыв...

Потому, в-третьих, что, захватив у противника территорию, они немедленно закрепляли за собой захваченное, окапывались на новом месте, организуя крепкое охранение на ночь и высылая вперед серьезную разведку для нового прощупывания противника.

Потому, в-четвертых, что, занимая оборонительную позицию, они не дожидались того момента, когда противник ударит их и отеснит назад, а сами переходили в контратаки, чтобы прощупать слабые места противника, улучшить свои позиции и вместе с тем закалить свои полки в процессе контратак для подготовки их к наступлению.

Потому, наконец, что командиры и комиссары в этих дивизиях вели себя как мужественные и требовательные начальники, умеющие заставить своих подчиненных выполнять приказы...»

Эта радостная весть быстро облетела части, расположившиеся в лесах вокруг Лебедина. Воины знали, что слово «гвардия» — мужественное и гордое слово. Гвардия — это грозная сила, не знающая преград на поле битвы, способная в смертельной схватке с врагом выдержать любые испытания, все тяготы борьбы и победить. Гвардия — это боевые подвиги, дисциплина, примерный порядок. Недаром в марше гвардейцев поется:

Мы смерти не пугаемся,
От пули не сгибаемся,
От раны не шатаемся —
Такой уж мы народ.
Не раз огнем проверены,
Не раз в боях обстреляны,
И нас недаром Родина
Гвардейцами зовет.

Мне, командиру 85-го (2-го гвардейского Краснознаменного) стрелкового полка 1-й гвардейской ордена Ленина дивизии, особенно отратно сознавать, что гвардейские части, — как писала 18 ноября «Правда», — это «цвет нашей армии. Это героические соединения, цементирующие Красную Армию, составляющие ее передовую, ударную силу...

Огромное значение наших гвардейских частей, дивизий не только в том, что они сами бьют врага, уничтожают его танки, авиацию и пехоту, но и в том, что гвардейцы наши служат примером для всех воинов Красной Армии».

1-я гвардейская дивизия, заняв оборону на широком фронте в районе Михайловка—Лебедин, в течение 14 дней отражала бешеные атаки гитлеровских захватчиков.

Но враг подтягивал все новые и новые подкрепления:

танки, артиллерию, стремясь разобшить, окружить наши части, разбить их, особенно глубоко вдавшуюся в его позиции Киевскую группировку. Исключительно упорные бои с численно превосходящими силами противника велись 20—23 сентября.

...Красноармеец артбатареи старшего лейтенанта Богомазова взгляделся в кустарник и крикнул: «Идут! Идут!» «Кто идет?» — не понял Богомазов и увидел копны сена, которые расплзались по сторонам и шевелились, как живые. «Танки». «Танки это», — подтвердил лейтенант Паневкин. Один... второй... третий... восьмой... двенадцатый... «Пулеметчикам бить по щелям танков. В случае, если танк прорвется, комсомольцу Иванкову подорвать его гранатой».

Красные следопыты Сакуновской восьмилетней школы и член президиума комитета ветеранов войны, руководитель военно-исторической секции подполковник в отставке Петр Ананьевич Грязновский пишут мне: «23 сентября 1941 года в селе Сакуниха 1-я гвардейская орден Ленина дивизия, Ваш 85-й стрелковый полк вели жестокие бои.

По сей день комитет проявляет настойчивость в восстановлении события и имен участников — опросом, изучением архивных материалов, перепиской с участниками событий тех дней. Память о погибших при обороне и освобождении Сумщины, в том числе и о сибиряках, чтится свято.

В центре Сакунихи, в молодом сквере, установлен хороший мемориал с именами героев. Ваш 85-й—2-й гвардейский Краснознаменный полк этой прославленной с времен гражданской войны дивизии в двадцатых числах сентября с вновь прибывшим пополнением, в том числе сибиряков Алтайского края, неоднократно отражая атаки и переходя в контратаки, вел ожесточенные бои.

Особенно кровопролитные они были под Сакунихой. В полосе этой дивизии наступало более танковой дивизии врага. Свидетель тех событий, ныне сторож Сакунихинского колхоза «Победа», Александр Маркович Куш рассказывает: «На каждый двор приходилось по танку, не считая подбитых. Учителя школы Н. Д. Боровец, Н. Е. Демченко, работники райвоенкомата, райком КПСС и ВЛКСМ продолжают восстанавливать имена павших защитников и освободителей Сакунихи и других сел.

Теперь эти имена вылиты в бронзе на основании памятника-мемориала. В том числе Вашего 85-го стрелкового полка: командир взвода лейтенант Николай Лукич Тищенко.

ко, Василий Карпович Перебейнос, Григорий Степанович Богданов и другие. Всего в этом бою 1-й гвардейской дивизии пали смертью храбрых около 300 человек. К сожалению, пока не установлены имена всех».

Большие потери были с обеих сторон. В исключительно трудных условиях 85-й стрелковый полк с приданными ему средствами усиления мужественно сдерживал напор врага на реке Суле. Обстановка была тяжелая, все знали это. Но гвардейцы не теряли выдержки и уверенности.

Командир учебной роты Иван Севастьянович Ульянич вспоминает: «Красноармеец Меркушев, державший бутылку горючей смеси так, словно это была бутылка пива, сказал через плечо товарищу: «Ну что? Пусть только попробует сунуться, посмотрим. Мало им не будет». Он сказал это не заносчиво, а с уверенностью человека, который знает, что его дело правое, что нужно бить, истреблять фашистов, им нечего делать в его измученной, но не потерявшей надежды родной стране».

Да, граната и бутылка горючей смеси — это оружие ближнего боя. Для того, чтобы применить это оружие, надо подпустить танк врага на 12—15 метров, но дальше вражеский танк не должен пройти.

Высокая политическая сознательность, понимание своего воинского долга, пламенный патриотизм — вот что является той идейной основой, которая определяет поведение советских людей в минуту грозной опасности, порождает их твердость, уверенность и мужество. Говорят, из двух равных по силе побеждает тот, у кого мораль выше.

У нашего воина мораль куда выше. Он знает, за что воюет. А это очень важно.

С таким подъемом гвардейцы 85-го стрелкового полка при поддержке дивизиона майора А. И. Помельникова, 46-го гаубичного артполка подполковника А. А. Фролова, полковой батареи старшего лейтенанта Богомазова, минометной роты лейтенанта Юнина, пулеметной роты лейтенанта Паневкина не раз переходили в решительные контратаки, отбрасывая врага с большими для него потерями. Особую храбрость и отвагу проявляли 2-й батальон старшего лейтенанта коммуниста В. С. Сорокина, 9-я рота старшего лейтенанта Г. С. Богданова, взвод Н. А. Попкова, 1-я учебная рота лейтенанта И. С. Ульяничка.

Для бойцов батареи Богомазова каждый раз, когда им приходилось выкатывать орудия на позиции прямой наводки или в боевые порядки стрелковых рот для стрельбы по танкам, подступала черта между жизнью и смертью: солда-



И. С. Ульянич



Н. А. Попков

ты вели огонь, пока стволы орудий не раскалялись докрасна. Это подвиг, вызывающий зависть, отмеченный орденом или звездой на погонах, но тяжелый в тот момент, когда для тебя ничего в мире не существует кроме идущих на орудия танков врага, которые надо уничтожить. Богомазов, как и коммунист В. С. Сорокин, И. С. Ульянич, Г. С. Богданов, не задумываясь, не жалея себя, часто рискуя своей жизнью, были там, где были их бойцы. Сейчас кажется: не было этого, не могло быть. А между тем все это было, и никуда не уйдешь от страшной правды. И тот, кто это пережил, хорошо знает: линия фронта проходила тогда не только через города и села, но и через человеческие души.

В 1965 году на приеме у министра обороны Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского бывший комиссар 1-й гвардейской дивизии генерал-лейтенант К. И. Филяшкин напомнил мне те бои 1941 года и действия 85-го полка на реке Суле: «Главный удар враг наносил на участке вашего полка, имея большое превосходство в силах. Такое превосходство противника требовало от личного состава и командования упорства, маневренности, организации огня и твердого управления подразделениями полка. От удержания клочка израненной земли зависела судьба позиций не только нашего полка, а и фланга дивизии... Опять атаки

пехоты с танками! И тут же артиллерийский налет. Ваши орудия открыли стрельбу прямой наводкой. Один за другим три танка загорелись, некоторые подрывались на минах. Тут же последовал сигнал, и гвардейцы дружно поднялись в контратаку.

Генерал Руссиянов убедился, что здесь оборона в надежных руках: «Нам здесь делать нечего, командир полка сам справится. И мы уехали к себе».

Эта картина боя у меня, как и другие подобные, навсегда осталась в памяти. Откровенно говоря, лично я, как командир полка, не помню случая в боях 1941 года, особенно на реках Сула, Псел и при отходе, чтобы гвардейцы дрогнули при атаках и контратаках танков или превосходящих сил пехоты врага.

Когда я в сопровождении помначштаба полка старшего лейтенанта Г. М. Кухалейшвили зашел на командно-наблюдательный пункт командира 1-го батальона капитана Н. Т. Кудряшова, то увидел три догорающих танка и бронемашину. Отсюда хорошо просматривалась вся местность, на которой могли развернуться до батальона машин, к тому же складки местности не являлись препятствием для танков противника.

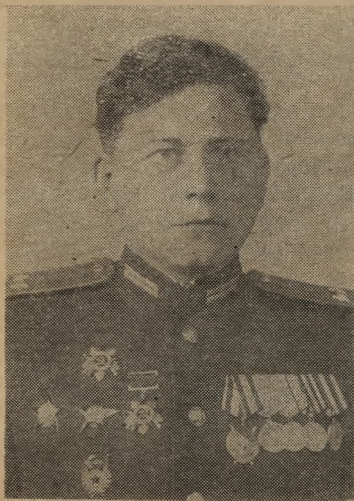
На переднем крае врага, там, где, по утверждению командира батальона, скрылись отошедшие танки, не было заметно никакого движения. И вдруг сильный огневой налет, который так же неожиданно прекратился. Вскоре мы услышали гул танков и увидели, что восемь танков движутся к нам. Автоматчики едва поспевали за машинами, значит, враг решил повторить атаку. Шестая батарея 234-го артполка прикрывала наш правый фланг и держала под огнем дорогу, идущую с юго-запада, на которой появились вражеские танки. Не торопясь, но уверенно батарея открыла огонь. Видим — загорелся один, а второй танк остановился, загорелась бронемашина. Но огонь врага не ослабевал. Телефонист что-то кричал в трубку... Вскоре было доложено: на шестой батарее осталось полтора десятка снарядов.

— Выясните положение с боеприпасами на четвертой, — приказал я командиру батальона.

Телефонист отвечает: «Четвертая молчит, нет связи».

— Восстановить связь с четвертой батареей и ее огнем поддержать шестую и снабдить ее боеприпасами.

Дважды Кудряшов посылал связных, но ни один из них не дошел до цели. «Кухалейшвили! — посмотрел ему в глаза и сказал: — Дорогой, ты должен пробраться на четвер-



Н. Т. Кудряшов



И. Г. Фролов

тую, восстановить с ней связь, оживить ее огонь и через штаб полка организовать подвоз снарядов на огневые позиции шестой батареи. От этого зависит успех боя не только нашего 85-го полка, но и дивизии».

На Кухалейшвили можно было положиться, он презирал красивую смерть, обладал опытом. Понимал: приказ отдается для того, чтобы его выполнять, сделать это может только живой человек. Он не бежал и не полз, как это сделали оба связные, он заметил один проход, идя на наблюдательный пункт, и использовал его. Хотя пули свистели над его головой и осколки секли кустарник, Кухалейшвили достиг цели и выполнил приказ командира.

Этот дружный, хорошо спаянный коллектив я всю войну ставил в пример и спустя 40 лет с большой теплотой вспоминаю личный состав первогвардейцев.

Только ли первогвардейцы так дрались? Нет, по примеру первогвардейцев дрались все воины советских войск, не щадя своей жизни во имя живых.

Когда противник занял город Ромны, обстановка осложнилась. Немцы стали развивать наступление на Сулу с целью перерезать железные дороги, идущие из Харькова в северном направлении. Нам был дан приказ об отходе на рубеж реки Псел западнее Лебедина. К исходу 23 сентября 85-й полк занял оборону на восточном берегу

Псела. Но, как доложил начальник артснабжения старший лейтенант И. В. Зайцев, мы не имели и полбоекомплекта артиллерийских выстрелов.

Здесь мне хотелось, хотя бы вкратце, рассказать о состоянии 1-й гвардейской дивизии и ее роли в Ромненской операции. В то время и командование дивизии, и нас, командиров полков, хотя и косвенно, но обвиняли в том, что от нас ожидали больше того, что дивизия сделала. Возможно, в какой-то степени это и так, но, с другой стороны, дивизия понесла значительные потери, и перед вводом ее в бой мы мало чем были обеспечены. Перед прибытием в район сосредоточения мы только что получили пополнение. Но какое? Большинство бойцов и даже некоторые командиры мало того что не были обстреляны, но даже не имели ни одного часа специальной военной подготовки. Лишь немногие были из числа наскоро обученных. Далее. Выгрузившись из вагонов, подразделения совершили 100-километровый переход по совершенно разбитым дорогам, забитым гужевым и автотракторным транспортом армий фронта и тыла, и с ходу, без единого часа передышки вступили в бой против вражеских танков и мотопехоты. Наш полк даже не имел времени подтянуть приданный ему дивизион артиллерии.

И все-таки дивизия во взаимодействии со 2-м кавкорпусом более чем на двое суток сковала силы противника, сдерживала его яростный натиск и тем самым облегчила положение окруженных наших войск. Даже теперь, когда прошло более четырех десятков лет, нетрудно представить ту обстановку: враг у стен Киева, его танки с минуты на минуту могут ворваться в город; некоторые наши соединения, измотанные и ослабленные, почти в полном окружении; фашисты рвутся на восток, обрушиваются на нашу поспешно созданную оборону.

В таких условиях, конечно, каждый час приостановки наступления противника для нас был дорог, чтобы иметь возможность подтянуть свежие резервы, укрепить в глубине оборону. И мы остановили движение стальных вражеских клиньев на восток.

Без сомнения, спешный ввод нашей дивизии в бой на трудном участке был необходим и оправдан. Будь дивизия более обеспеченной, успех ее был бы выше и мы не имели бы столько жертв и крови. Позднее мне стало известно, что И. В. Сталин упрекнул командующего Юго-Западным фронтом Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко за необдуманно-поспешный ввод в бой 1-й гвардейской стрел-

ковой дивизии. Но уже второй и последующие бои многому научили новобранцев. При обороне на реке Суле мы получили много автоматов, пулеметов, артиллерийских снарядов, в том числе и бронебойных. Воевать стало веселее.

В течение полумесяца противник предпринимал атаку за атакой, чтобы форсировать Псел и прорваться в направлении Лебедин—Белгород. 27 сентября гитлеровцы открыли ураганный артиллерийско-минометный огонь по боевым порядкам частей дивизии. Артиллерии помогали пикирующие бомбардировщики. Вокруг дым, пламя, вой, грохот. Сердце сжималось от тревоги: уцелеет ли кто-нибудь в этом пекле? Но и наши зенитчики оказались настоящими молодцами: они тут же открыли огонь. Первый, второй, третий, а затем и четвертый самолет дымным костром пошел вниз. Остальные вскоре убрались.

— Добре, добре, ребята! — отозвался о зенитчиках комиссар полка Николай Михайлович Волобуев. И, помолчав, добавил: — А сейчас фашистская сволочь опять ползет в атаку.

И верно, фашисты не заставили себя долго ждать. Командир 1-го батальона старший лейтенант Николай Трофимович Кудряшов доложил: «Около 15 танков и до батальона пехоты пошли в атаку на мой батальон и батальон Сорокина». Даю указание не спешить с открытием огня, подпустить противника как можно ближе и затем уничтожить. А гитлеровская пехота и танки при поддержке артиллерии, ведя огонь, продолжают двигаться вперед.

— Товарищ майор, командиры батальонов просят разрешения на открытие огня, — обратился ко мне помощник начальника штаба полка старший лейтенант Герман Михайлович Кухалейшвили.

— Еще рановато, — ответил я. — Пусть они малость выдохнутся, поизрасходуют часть снарядов, меньше будут иметь их в ближнем бою.

И наконец команда: «Огонь!» С первых же выстрелов нашей артиллерии загорелись два танка, затем еще два. Остальные остановились, стали вести огонь с места, потом опять двинулись. «Упрямые, сволочи!» — думаю.

И тут «пропел» залп реактивных минометов («катюш»). Залпом гвардейского минометного дивизиона противник был настолько ошеломлен, что обратился в бегство. Ни на одном участке обороны дивизии фашистам не удалось достичь наших позиций.

Не прорвавшись кратчайшим путем на Белгород через

Лебедин, Боромлю, Томаровку, гитлеровцы прибегли к излюбленному ими, но изученному нами методу — к обходу с флангов. 6 октября они усилили атаки против правого фланга нашего левого соседа — 295-й стрелковой дивизии. И поскольку ее части были сильно истощены в предыдущих боях, противнику сравнительно легко удалось сломить сопротивление правифлангового 884-го стрелкового полка, форсировать Псел, выйти в район Веприка и создать угрозу левому флангу нашей дивизии.

В соответствии с решением командующего 21-й армии, в состав которой входила теперь наша дивизия, на ликвидацию вклинившегося противника были брошены 85-й стрелковый полк с дивизионом 34-го артполка и один батальон Воронежского полка.

Командир взвода разведки полка лейтенант Алнев сообщил, что на захваченном плацдарме на реке Псел в районе Веприка противник пока закрепился слабо. Было принято решение: разведку боем вести на правом фланге врага, огнем батальона старшего лейтенанта В. А. Черного сковать его с фронта, а главными силами полка при поддержке средств усиления с наступлением темноты нанести удар по левому флангу и к утру закрепить участок обороны.

Когда начала действовать наша разведка, немцы сразу обратили внимание на свой правый фланг, но при этом, как потом выяснилось из доклада пленных, они никак не ожидали наших решительных действий с фронта, особенно на их левый фланг. В результате удачного боя мы отбросили противника и заняли оборону. Однако ожесточенные бои за плацдарм продолжались в течение четырех суток. Враг, наращивая силы, упорно цеплялся за захваченный участок, но гвардейцы полка своим огнем и контратаками перемалывали его. Немцы так и не смогли продвинуться. Положение на этом участке начало стабилизироваться.

Тогда гитлеровцы, еще в ходе боев в районе Веприка начавшие форсирование Псела в 2—3-х десятках километров южнее, усилили там свой натиск и к 9 октября потеснили части 295-й стрелковой дивизии почти на 50 километров на восток. К этому же времени ухудшилось положение и правого соседа нашей дивизии — 227-й стрелковой дивизии. Действовавший здесь 2-й кавкорпус был выведен из боя и ушел в район Грайворона (между Лебедином и Белгородом). В результате всего этого сложилась такая обстановка, что 1-я гвардейская дивизия, продолжавшая удерживать свою полосу, оказалась глубоко обойденной противником с обоих флангов. И тогда дивизия по-

лучила приказ об отходе на промежуточный рубеж Великий Истроп—Олешня. К утру 10 октября 85-й полк занял оборону на новом участке.

Непрерывные бои. Атаки и контратаки. Несмотря на большие потери, враг продолжал лезть в глубь нашей страны.

Редели ряды и наших рот и батальонов. Но вместо вышедших в строй вставали новые бойцы, чтобы продолжать борьбу до победного конца. В эти дни родилась солдатская, ставшая крылатой, фраза: «Хочу идти в бой коммунистом».

Авангардная роль коммунистов на фронте проявлялась во всем: в личной храбрости, выполнении самых опасных поручений. Потому был так высок и непререкаем авторитет коммунистов, потому сотни и тысячи воинов перед боем подавали заявления с просьбой принять их в ряды партии. Характерно то, что чем сложнее складывалась обстановка, чем ответственнее стояли задачи по борьбе с фашистскими агрессорами, тем больше был приток передовых воинов в партию.

А пока противник, имея численное превосходство в живой силе и технике, ударами по флангам теснил наши войска. 295-я стрелковая дивизия (наш сосед слева) 14 октября под сильным натиском противника оставила Ахтырку, а к исходу следующего дня и 227-я стрелковая дивизия (сосед справа) отошла на рубеж севернее Рясны, что на 40 километров восточнее рубежа, на котором мы оборонялись.

Наша дивизия по категорическому требованию командарма продолжала упорно удерживать рубеж обороны, отбивая атаки врага, рвушегося на Боромлю и Тростянец.

Наконец противнику удалось прорвать оборону 331-го полка майора В. А. Когана и окружить один из его батальонов. Лишь благодаря громадным усилиям 4-го Воронежского полка, храбрости личного состава полковой батареи 331-го полка под командованием старшего лейтенанта Ильи Григорьевича Фролова было подбито три танка. Бронемашина в упор расстреливала контратакующую пехоту противника. Это и спасло положение. Только после этого дивизия получила от начальника штаба армии генерал-майора А. И. Данилова приказ об отходе в направлении Томаровка—Белгород. Наш полк с приданным ему 46-м гаубичным артполком подполковника А. А. Фролова временно занял оборону на высотах западнее Тростянца.

На следующий день дивизия стала отходить к Белгороду. Это был по существу выход из окружения, сопрово-

ждавшийся сдерживающими упорными арьергардными боями.

Не прекращающиеся уже несколько дней дожди сделали дороги труднопроходимыми. Дивизия отходила двумя колоннами. Левая, прикрываясь боковым отрядом, возглавляемым старшим лейтенантом В. А. Черным, 16 октября с наступлением темноты, оторвавшись от противника, успешно осуществила отход, не потеряв ни одного орудия, ни одной единицы автотранспорта. Противник не раз пытался отрезать пути отхода колонне и каждый раз его попытки разбивались о стойкость наших бойцов.

Продвигались мы очень медленно. Приходилось не только вести бои с противником, но и по непролазной грязи, по разбитым дорогам с трудом тащить автотранспорт и орудия. 331-й полк майора Когана как менее отяжеленный артиллерией с батальоном 4-го Воронежского полка оторвался от нас и ушел вперед. В результате образовались, по существу, три колонны, не имеющие между собой связи.

И чтобы ускорить движение, особенно артдивизиона, лошади которого выбивались из сил, я приказал для помощи за каждым орудием закрепить по десять человек.

Положение врага, хотя он и наседал, было не лучше. Перерезать нам путь отхода ему не удалось. Большая заслуга в этом была бокового отряда — батальона старшего лейтенанта В. А. Черного, который успешно обеспечивал движение колонны.

Вот один из ярких эпизодов. Батальону было приказано: пройдя восточнее деревни Дроновки занять развилку шоссе южнее Староселья. На рассвете 17 октября он вышел на северную окраину Дроновки. Рота лейтенанта Уксусникова, находясь в головной походной заставе, встретила с разведкой противника. В завязавшейся перестрелке был убит немецкий офицер. Потерявшие командира гитлеровцы разбежались. Батальон Черного двинулся вперед, вскоре занял безымянную высоту и организовал оборону. По направлению к селу Рясному был выслан в разведку взвод лейтенанта Фролова, от которого вскоре было получено донесение о движении противника силою более батальона вдоль дороги на Белгород. Черный решил поближе подпустить противника, чтобы расстрелять его прицельно. Первые ряды гитлеровцев были скошены пулеметным огнем роты лейтенанта Паневкина. Потом по фашистам открыла огонь рота старшего лейтенанта Ульянича и взвод полковой батареи. Фашисты залегли. Но и тут им не было

спасения — их метко разили минометчики лейтенанта Юнина.

С подходом свежих сил фашисты попытались подняться в атаку, но успеха не имели. Тогда они решили сковать батальон Черного с фронта, а с группой автоматчиков сделать глубокий обход и нанести удар во фланг и тыл. Но и этот маневр им не удался — автоматчики напоролись на заранее выставленную роту лейтенанта Шендакова. Более трех часов батальон старшего лейтенанта Черного, ведя тяжелые бои, удерживал рубеж, обеспечивая отход главных сил колонны.

Противник, оставив много убитых и раненых, вынужден был отойти.

Особенно сложная обстановка для подразделений левой колонны сложилась 21 октября, когда им грозило окружение. В середине дня части колонны стали подходить к железной дороге Томаровка—Льгов. Но в районе разъезда Герцовка, западнее Белгорода, была обнаружена в движении колонна противника численностью до полутора батальонов.

Было принято решение: артиллерия майора Сапожникова открывает огонь, а стрелковые батальоны старших лейтенантов В. С. Сорокина и Н. Т. Кудряшова, прикрываясь огнем артиллерии, перехватывают движение противника с востока и решительно его атакуют.

Гитлеровцы под прикрытием минометно-пулеметного огня несколько раз пытались перейти в контратаку, но гвардейцы не дрогнули. Фашисты не выдержали нашей контратаки и начали в беспорядке отступать, да так поспешно, что не смогли вывезти из Герцовки свой обоз из 70 повозок, легковую автомашину, минометную батарею и другое военное имущество. Они пытались вернуть Герцовку, но безрезультатно. Около десяти часов батальон Сорокина держал разъезд. Лишь с наступлением темноты по моему приказу он оставил его, уничтожив большую часть трофеев, так как везти их не представлялось возможным.

В последующие дни левая колонна дивизии отходила почти вне соприкосновения с противником.

Значительно сложнее осуществлялся отход частей правой колонны, в составе которой двигались тылы дивизии.

Только 27 октября, потеряв некоторое количество автотранспорта и гаубичной артиллерии, части дивизии вышли из окружения и в районе Короча Курской области перешли

к обороне западнее города. 85-й стрелковый полк занял оборону по восточному берегу речки Безымянной. Прочно оборонял участок по левому берегу Северского Донца (восточнее Белгорода), совершал ночные налеты на противника, находящегося в населенных пунктах, истреблял и захватывал его живую силу и боевую технику.

Один из примеров. 4 ноября 1941 года с начальником штаба капитаном С. А. Ивановым прибыли в село Алексеевку Карачанского района в батальон капитана В. А. Черного. Он доложил о проделанной работе в районе обороны и что ему от граждан известно о наличии в Ломово неизвестной силы гарнизона врага. Решили захватом пленного установить силы противника в Ломово.

Иванов и Черный из добровольцев организовали группу во главе с лейтенантом Н. А. Попковым. Гвардейцам было сказано: «Все знаете, куда и зачем идете? Знаете, что будет трудно? Но нужно. Видите, метель метет, мороз. Полковая разведка действует в другом направлении. На вас надежда установить силы врага в Ломово. Вас ведет боевой командир, надеюсь, задача будет выполняеца. Это будет подарком 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

Попков закончил войну заместителем командира мотострелкового батальона 51-й танковой бригады. Он вспоминает: «Ваш отцовский тон, отношение к нашим полным неизвестности судьбам, удивило нас, и я, как командир разведгруппы, готов был на все, лишь бы оправдать ваше доверие.

С наступлением темноты в белых масках мы выступили и к 23 часам достигли хутора Собачий. Жители подтвердили: в Ломово немцы. С проводником в час ночи мы вошли в сад, сопровождающий в крайней хате уточнил, что в третьей от края избе живут два офицера, охраняются часовым.

Решил: сержанту С. М. Суртаеву и Лысакову справа, Сасалятину и Заравнятных слева охватить дом. Я и Меркушев прикрывали их действия. Заравнятных в удобный момент, набросив на часового плащпалатку, покончил с ним быстро и без шума. Меркушев и я ворвались в дом, остальные охраняли нас. Напуганная хозяйка показала нам, где спали офицеры. Одного мы «успокоили», а второго взяли в плен».

Из документов и показаний офицера установили, что их батальон 429-го полка имеет большие потери, числа 7—8 ноября он должен получить пополнение. Приняли ре-

шение: до прихода пополнения уничтожить врага в Ломово, на что командир дивизии генерал И. Н. Руссиянов дал добро. С 6 на 7 ноября 2-й батальон капитана Абрамова дерзким налетом разгромил противника в Ломово. 79 было убито, 13 взято в плен. Трофеи — 4 пушки, 10 пулеметов, 50 автоматов, 5 автомашин и другое военное снаряжение. Это был подарок первогвардейцев 24-й годовщине Октября!

Наши ночные вылазки были настолько неожиданными для гитлеровцев, настолько действенными, что просто ошеломляли фашистов, наводили на них ужас. А ведь геббельсовская пропаганда распространила сообщения об уничтожении 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Выходит, и «разгромленные» умеют драться, да еще как!

— Кого так, заходя, хоронят, те долго живут! Русский человек живуч! Они остались такими, какими были! Не изменились в бою до окончательной победы над врагом.

Находясь в обороне, мы постоянно вели активную боевую разведку, ночные поиски, старались не давать фашистам покоя ни днем, ни ночью, выкуривали их из хат на мороз. Русская зима привязывала гитлеровцев, одетых в летнее обмундирование, к населенным пунктам, загоняла в тепло. При разработке своих налетов мы учитывали это обстоятельство. На гарнизоны противника мы нападали в основном во второй половине ночи или на рассвете, причем без всякой артподготовки. Днем скрытая разведка наблюдением, ночью — полная внезапность действий. Приведу один из примеров вылазки усиленного передового отряда 1-го стрелкового батальона под командованием капитана Александра Николаевича Кринецкого.

Было это в ночь с 12 на 13 ноября. От разведчиков, из показаний пленных и от местных жителей нам стало известно, что в деревне Сабынино находится до 300 немецких солдат и офицеров. С наступлением темноты батальон в сопровождении проводника совершил почти 20-километровый рейд лошинами и оврагами и к 5 часам утра подошел к деревне. О нахождении, действиях и мерах охранения противника мы знали от полковой разведки. Она сообщила, что к 24 часам 12 ноября противник прекратил всякое движение. На северо-восточной окраине деревни стоит пушка, расчета не видно. Из крайней избы изредка появляются два солдата. Дадут две—три очереди из автоматов, пусть несколько ракет — и опять в хату, в тепло. В летнем обмундировании, видно, не очень уютно они себя чувствовали. Перед полковой разведкой была поставле-

на задача — без шума и выстрела захватить часового с подчаском, что и было сделано.

Капитан Кринецкий, убедившись, что противником они не обнаружены, приказал двум ротам в 5 часов утра обойти деревню с флангов, а третьей с пулеметами двигаться вдоль улицы.

В первой же избе обнаружили гитлеровцев. Командир роты В. П. Гортунков с бойцами захватили двух фашистских офицеров. В следующей избе на требование командира отделения Рулеева сдать офицеры ответили выстрелами. Тогда бойцы бросили три гранаты. Вбежав в избу, бойцы увидели три трупа, а четверых спрятавшихся взяли в плен. Немцы, спавшие в других домах, услышав выстрелы, в панике выбегали полуодетые и открывали беспорядочный огонь из автоматов. Гвардейцы метко разили их. Особенно отличился пулеметчик Ведерников, к счету которого прибавилось до 20 немецких солдат и офицеров. В этом бою батальон капитана А. Н. Кринецкого уничтожил более 100 фашистов, взял пленных. Мы понимали, что сидя, даже упорной обороной, врага победить нельзя, находясь в обороне, необходимо готовить людей к наступлению. А это значило обучение войск и то, что партийно-политическую подготовку необходимо подкреплять активными действиями, вселять веру солдат в свои силы. Более десяти разведок боем в ноябре 1941 провел 85-й полк, истребивший свыше 550 гитлеровцев.

Все ночные налеты полк проводил успешно. Необходимо отметить, что в этом немалая заслуга граждан Карачанского района, которые помогали нам незамеченными подойти к противнику.

Хорошо помогал Карачанский райком партии, особенно первый секретарь Еременко, очень внимательный человек. По ее просьбе жители шили нам теплую одежду, готовили бани для личного состава и выделяли надежных проводников.

В конце ноября, получив новую задачу, 1-я гвардейская дивизия снялась с занимаемой ею полосы обороны.

День 2 декабря был для нас большим, незабываемым праздником: на станции Волоконовка член Военного совета 21-й армии Игнатий Иванович Михальчук вручил дивизии гвардейское знамя. Принимая его, бойцы, командиры, политработники поклялись не уронить высокой гвардейской чести. Вскоре они подкрепили свое слово в боях. Противник, используя свое количественное превосходство в танках и авиации, стремился во что бы то ни стало за-

хватить Москву. Перед новым большим наступлением Гитлер обратился к войскам: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, умение, пройдите по ее площадям, Москва — это конец войны!». Не помогло и это. Продолжение наступления, предпринятое во второй половине ноября 1941 года, провалилось.

В первых числах декабря 2-я полевая армия немецко-фашистских войск ценой больших потерь потеснила правое крыло Юго-Западного фронта. Захватив Павелец, Скопин, Чернау, враг стремился выйти в глубокий тыл северным армиям этого фронта.

Одновременно противник продолжал наступление на Елецком направлении. Пал Елец, немцы рвались на Задонск. Стремясь разъединить и уничтожить по частям наши малочисленные и материально истощенные 3-ю и 13-ю армии, они намевались выйти на Дон, создать условия для захвата Воронежа.

На правом крыле Юго-Западного фронта разгорелись ожесточенные бои. В районе Косторного, западнее Воронежа, противник был остановлен. Однако обстановка в полосах 3-й и 13-й армий сложилась для нас исключительно тяжелой. И командующий фронтом С. К. Тимошенко, не имея других резервов для усиления войск и ликвидации прорыва крупной группировки противника на правом крыле фронта, в начале декабря под командованием генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко создает оперативную группу фронта в составе 5-го кавалерийского корпуса генерала В. Д. Крючкина, 1-й гвардейской и 121-й стрелковых дивизий, 34-й мотострелковой и 129-й танковой бригад, 4-го, 7-го гвардейских минометных и 642-го артиллерийского полков.

Оперативная группа имела задачу внезапной атакой с рубежа Тербуны—Васильевка ударить с юга во фланг и тыл елецкой группировке противника в общем направлении Навесное—Пятницкое—Никитское и, наступая на север, стремительно пройти по тылам 2-й полевой армии гитлеровцев, расчленив елецкую группировку...

Подготовка группы проходила в секрете, с принятием всех мер маскировки и скрытности.

В памятные дни 5—6 декабря, когда началось решительное контрнаступление советских войск под Москвой, наша дивизия получила приказ разгромить противника на

участке Николаевка—Сельцо—Курганка—Давыдовка и, развивая наступление на Дубовец—Богатые Платы, содействовать окружению и уничтожению елецко-ливненской группировки врага.

Наступление дивизии началось ночными действиями передовых отрядов, всех трех полков первого эшелона. По оценке генерала И. Н. Руссиянова «наиболее интересными и поучительными являются действия передового отряда 2-го гвардейского Краснознаменного полка — 1-го батальона под командованием капитана А. Н. Кринецкого, — который вел бой за овладение населенным пунктом Апухтино.

В первые два дня 1-я гвардейская дивизия с боями продвинулась более чем на 15 километров.

При отходе гитлеровцы цеплялись за каждый населенный пункт, за каждый дом. Несмотря на слабое обеспечение танками и артиллерией, наши части продолжали теснить противника, продвигаясь вперед, выходя во фланг и тыл отходившей от Ельца вражеской группировке, перехватывая пути ее отступления на запад. Немцы стремились во чтобы то ни стало вырваться из «мешка». Но большая часть их подразделений была разбита и уничтожена, лишь немногим удалось пробраться на северо-восток. Среди личного состава дивизии распространилась пословица «Мы в Елец — и гитлеровцам конец!».

В своей статье «Подвиг у стен столицы»* бывший командир 1-й ордена Ленина гвардейской стрелковой дивизии, ныне Герой Советского Союза генерал-лейтенант в отставке И. Н. Руссиянов писал: «Вспоминаю один бой. Батальон полка, которым командовал Н. Д. Козин, ночью совершил рейд по тайным тропам и зашел в тыл к фашистам. Бойцы капитана Кринецкого незаметно сняли часовых и проникли в деревню Апухтино, где расположился вражеский полк. В результате гитлеровский полк был полностью уничтожен.

Эта удачная операция стала как бы заповедом декабрьского контрнаступления. Гвардейцы за короткий срок при взаимодействии с другими частями освободили более 300 населенных пунктов, уничтожили большое количество боевой техники и живой силы врага...»

Об одной из ночных вылазок батальона Кринецкого я уже рассказывал. Смелые по замыслу действия батальон

* «Московская правда», 1970, 12 марта.

совершил и на этот раз. В тот же день 6 декабря выслана разведка с целью захвата пленного, уточнения сил врага в Апухтино. Командир взвода разведки на всем пути никого не встретил. За два километра до Апухтино вдруг в воздухе появилась ракета белого цвета, затем еще две и короткая очередь из пулемета. Неужели заметили? И так же внезапно все прекратилось. Алиев решил — это часовой полевого караула Апухтинского гарнизона. «Ну, гвардейцы, что будем делать?» — «Нельзя нам являться без «языка», — говорит сержант С. М. Суртаев. — «Тогда будем действовать. Лысакову и Миркушеву скрытно выдвинуться справа и в тыл часового и ожидать подхода смены, а мы вас будем прикрывать огнем».

Дождавшись смены часового, гвардейцам удалось внезапно, смелым налетом одного фашиста уничтожить, а второго взять в плен.

От него нам стало известно, что он из первого батальона 278-го пехотного полка Апухтинского гарнизона, и что в деревне Давыдово второй батальон того же полка 95-й пехотной дивизии.

На основании данных командиру 1-го батальона была дана команда приступить к действиям, а 2-му батальону выйти западнее Апухтина, чтобы не допустить подхода противника из Давыдово.

Кринецкий решил двумя ротами окружить Апухтино: с северо-востока (рота лейтенанта Чижова) и юго-запада (рота лейтенанта Бахметьева), а третья рота младшего лейтенанта Гортункова, войдя в деревню, разбивалась на группы.

План действий бойцов этих групп был отработан заранее и уже не единожды применялся: когда противник откроет огонь, автоматчики, двигающиеся по правой стороне улицы, поведут огонь по окнам и выходам домов левой стороны, а автоматчики левой стороны — по окнам и дверям правой стороны.

Одна за другой летят гранаты в окна домов. Взрывы ошеломили гитлеровцев, поднялся крик, гам. Треск автоматов, взрывы гранат. Фашисты заметались в панике, открыли беспорядочный огонь. На улицах завязался бой.

Большое искусство и отвагу проявили бойцы батальона в этом ночном бою. Достаточно сказать, что боец-таджик комсомолец Мухаммед Зияев, перебегая от хаты к хате и метко бросая гранаты в окна, один уничтожил более 30 фашистов, пулеметчик комсомолец Сивак — около 50, рядо-

вой А. Воронов — 22, сержант комсомолец Иванников — 10. Отличился и сам командир батальона, на счету которого оказалось двенадцать солдат и офицер. Проявил себя и комсорг полка младший политрук В. С. Якушкин. Во время боя он возглавил группу комсомольцев, которая уничтожила до 20 фашистов и более 50 взяла в плен, вытащив их из подвалов, погребов, мучных ларей, с чердаков.

Хочется сказать несколько слов и о командире взвода конной разведки полка лейтенанте Алиеве. Этот смелый и опытный разведчик за безупречное выполнение боевых задач имел уже не одну награду, в том числе и орден Ленина. В данном бою его взвод блестяще справился с задачей по захвату часового вражеского полевого караула и расчета орудия. Боевой офицер Алиев в декабре 1941 года при разгроме елецкой группировки противника пал смертью храбрых.

К утру деревня была полностью очищена от гитлеровцев, при этом было уничтожено свыше 300 солдат и офицеров, захвачено 4 орудия, 10 минометов, 30 тяжелых пулеметов, несколько автомашин и 8 повозок с оружием, боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

С утра немцы пытались вернуть утраченные позиции в Апухтино, но их атаки со стороны села Давыдова были с успехом отбиты заранее высланным 2-м батальоном с полковой батареей старшего лейтенанта В. С. Сорокина.

При докладе командира 2-го батальона, ему был задан вопрос:

— Выходит, у немцев ничего не вышло силами гарнизона Давыдова вернуть Апухтино?

— Так точно, товарищ командир! — сказал, широко улыбаясь, В. С. Сорокин.

— Спасибо за храбрость личного состава и ваше умное руководство и выдержку в бою. А вот и комсорг полка, младший политрук Василий Степанович Якушкин. Давайте-ка сюда свои живые трофеи. Попробуем от них узнать что-либо нового.

Тем временем слух о переходе наших войск в контрнаступление всполюшил все село. Когда закончили допрос пленных и вышли, мы увидели большую толпу граждан, собравшихся у штаба. Тут были и старики, и женщины с детьми на руках. Всем не терпелось услышать, что скажут командиры. «Правда ли — наши войска гонят врага изпод Москвы?» — спросил стоявший впереди других в полубудке, опирающийся на палку старик

— Правда-правда, — подтвердил Герой Советского Союза старший лейтенант помначштаба П. И. Ребенок. — «Победители» бегут, кому удастся, кто как может туда, откуда пришли.

Сельчане ловили каждое слово. Как земля после многодневного зноя жадно впитывает влагу, так эти люди, находясь несколько месяцев под пятой фашистов, всем истосковавшимся сердцем своим восприняли правду о том самом главном, что по-прежнему составляло смысл их жизни.

Старухи с просветленными лицами крестились, плакали, обнимались. Со всех сторон послышались радостные голоса:

— Слава тебе, господи!

— Не сладко, знать, пришлось гостить под Москвой из-вергам!

— Калачи советские, знать, не по вкусу!

А стоящий в стороне старик пояснил окружающим его сельчанам:

— Москва всем городам город... Понимать надо!

— Без Москвы, как без головы...

Декабрь 1941-го

Передо мной письма за октябрь—ноябрь 1973 года от граждан населенных пунктов Алухтино, Давыдово и Заречное Липецкой области (бывшей Курской) Тербунского района: Севастьян Демидович Блинов и А. В. Печорских пишут: «Нестор Дмитриевич! Сообщаем Вам, что ежегодно 7 декабря граждане Заречного и Давыдово вместе с жителями Алухтино в торжественной обстановке отмечают знаменательную в нашей жизни дату освобождения от зверства фашистов гвардейцами вверенного Вам 85-го стрелкового полка.

Приводим некоторые примеры боев, очевидцами которых были многие из нас.

Вот что сказала на митинге Евгения Севастьяновна Черникова, рождения 1916 года:

«5 декабря 1941 года к нам в Алухтино прибыли два советских разведчика, которые наблюдали за переправой немцев через реку Олымь из деревень Князево и Казинка. А ночью 6 декабря 85-й стрелковый полк разгромил в Алухтино врага. С рассветом 7 декабря нам был слышен сильный бой в районе деревни Давыдово».

Евгения Черникова говорит, что она хорошо запомнила командира, руководившего боем в нашем селе, так как к нему часто обращались командиры, получали указания и уходили.

Я спросил Черникову: «Могли бы Вы, Евгения Севастьяновна, узнать командира, руководившего этим боем?» И мы ей дали несколько фотографий командиров 85-го стрелкового полка, собранных следопытами нашей школы. (А. В. Печорских активно помогает следопытам в поисках фамилий командиров подразделений и частей 1-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии, воевавших в их районе и области.)

Она сразу показала на Вас, тов. Козин. После разгрома врага в Алухтино и Давыдово Ваш полк 7 декабря наступал на наше село Заречное, которое было занято немцами.

Противник на высоком крутом берегу р. Олымь, по Советской улице в каменных постройках и домах установил пулеметы и отдельное орудие. Особенно губительным был

косоприцельный фланговый огонь из дома колхозника Гаврилы Никитовича Печорских (однофамилец). Видя это, Никита и его жена Аксинья Егоровна не выдержали и вступили в единоборство с пулеметным расчетом фашистов.

Офицер ударом пистолета по голове сбил Аксинью Егоровну. Печорских бросился и разбросал набросившихся на его жену немцев, но двумя выстрелами из пистолета в упор гитлеровец свалил героя.

Однако на короткое время замешательство и прекращение огня из пулемета позволило гвардейцам преодолеть открытый участок р. Олымь и ворваться в Заречное и в жестокой схватке уничтожить всех оказывающих сопротивление. Воины 3-го батальона старшего лейтенанта Абрамова на плащ-палатке бережно эвакуировали Печорских в тыл.

Полтора года он пролежал в госпитале — и выжил. А сейчас его, тов. Козин, нет в живых, но память о нем в народе живет, так же, как о гвардейцах 85-го Краснознаменного Вашего полка.

Граждане сел Апухтино, Давыдово и Заречное, Нестор Дмитриевич, просят передать гвардейцам и Вам лично большое спасибо и низкий поклон за освобождение их от немецко-фашистского зверства. За проявленные героизм и мужество воинам 85-го Краснознаменного стрелкового полка, павшим и боях за освобождение наших сел, в Апухтино установили обелиск, который был открыт 9 мая 1971 года в торжественной обстановке».

Никогда не забудут живые
о погибших друзьях боевых,
не увянут цветы полевые
на могильных холмах фронтовых.

После освобождения населенных пунктов Апухтино, Давыдово, Заречное 85-й стрелковый полк продолжал наступать в первом эшелоне дивизии, нанося удары во фланг основной группировке 34-го армейского корпуса врага, рвущегося к Задонску. В ходе наступления мы неожиданно наткнулись на упорное сопротивление частей 95-й немецкой пехотной дивизии, которая прикрывала 34-й армейский корпус и имела задачу выйти к Дону. Однако это не могло остановить гвардейцев, их ненависть к врагу еще более разгорелась, когда в их руки вместе с захваченным в районе Задонска офицером-квартирьером попал приказ командира 95-й пехотной дивизии, который хвастливо писал: «Противник перед 95-й пехотной дивизией только в от-

дельных районах имеет слабые отряды прикрытия, которые при энергичной атаке, не принимая боя, отходят»*.

7 декабря началось общее наступление частей дивизии. Мы освобождали один населенный пункт за другим.

Вспоминается, как однажды на наблюдательном пункте на одной из безымянных высот в Тербунском районе (ныне Липецкой области) командир дивизии И. Н. Руссиянов, этот мужественный и даже несколько грубоватый человек, которого, казалось, ничем не удивишь, вдруг оторвался от бинокля, радостными глазами посмотрел на нас и восторженно произнес:

— Как бегут! Как они бегут, антихристы! Я всегда верил, что эти «победители» будут драпать. И вот — извольте видеть своими глазами...

Успешно развивая наступление после апухтинского боя, 85-й полк с дивизионом 34-го артполка к 10 декабря углубился в оборону противника на 34—35 километров и к исходу дня подошел к трем селам, расположенным так близко друг к другу, что их можно было принять за один крупный населенный пункт. В этих селах противник имел большие силы, создал прочную оборону, использовав каменные постройки; кроме того, в селах и окрестностях вся местность была изрезана глубокими оврагами, что также обеспечивало выгодное, устойчивое положение обороны противника. Оценив обстановку, мы пришли к выводу, что взять села днем штурмом силами полка будет невозможно, ибо завяжется затяжной бой и мы будем иметь ничем не оправданные потери.

Я решил просить командира дивизии атаковать эти села с подходившим 355-м стрелковым полком майора З. С. Багдасарова. Предложил и план боя: с наступлением темноты, когда противник будет лишен возможности использовать авиацию, танки, вести прицельный огонь и перейти в контратаку, двумя батальонами 355-го полка совершить обход и выйти к Никитскому с севера, одним батальоном своего полка, также фланговым обходом, но с запада, а остальными силами полка ударом с юга окружить села и внезапной ночной атакой овладеть ими. И. Н. Руссиянов утвердил предложенный план. К 23 часам 10 декабря все подразделения обоих полков условленными сигналами доложили о готовности к действию.

В 24 часа был дан мощный залп из гвардейских минометов и артиллерийских орудий. Подразделения под при-

* ЦАМО, ф. 229, оп. 5427, д. 9, л. 7.

крытием огня заняли исходное положение. Второй залп был сигналом для перехода в атаку.

Мужественно сражались в этом бою гвардейцы обоих полков. Особенно отличились бойцы 1-го батальона 85-го полка под командованием старшего лейтенанта В. С. Сорокина, который заменил раненного в руку капитана А. Н. Кринецкого, и 1-го батальона 355-го полка. Противник, не предполагавший, что наступление ведется со всех сторон, начал отход, но вскоре понял, что отступать некуда. Успех боя решили стремительные действия наших подразделений, противнику не дали возможности опомниться и разобраться в сложившейся обстановке. В результате умелых и быстрых действий 85-й и 355-й стрелковые полки к утру, окружив и уничтожив до двух батальонов противника, овладели всей группой населенных пунктов. В качестве трофеев полкам досталось 22 орудия, 12 тяжелых пулеметов, 20 ручных пулеметов, 10 мотоциклов, 51 автомашина, большое количество автоматов, винтовок, много другого военного имущества*.

А чего только не было обнаружено в автомашинах и повозках! Оружие, боеприпасы, снаряжение, ящики с карманными советскими часами, мешки с советскими деньгами, битые и живые гуси, утки, куры, женская и детская одежда, одеяла — трудно все перечислить. Только поистине гитлеровская грабьярмия могла дойти до такого!

— Ничего, мы еще посмотрим, что скажут эти любители гусятины да утятинны насчет штыка русской винтовки, — говорили бойцы-гвардейцы.

А штык в руках советского солдата и впрямь для фашистов был малоприятным. Только в период с 6 по 17 декабря 1941 года 1-я гвардейская дивизия прошла с боями 116 километров, освободив около 300 населенных пунктов. (85-й полк около 100, в том числе два районных центра.)

Показания пленных и их письма говорят: «В ноябре—декабре 1941 и в январе 1942 года под Ельцом и восточнее Белгорода мы встретили страшное сопротивление русских.

Под большим нажимом русских началось наше беспорядочное отступление, превратившееся в бегство. То, что здесь и под Москвой совершилось с нами, словом описать невозможно. Преследуемые русскими на земле и с воздуха, рассеянные, мы бежали, кто как мог, а машины — по

* ЦАМО, ф. 229, оп. 6508, д. 18-а, лл. 17—18.

три—четыре в ряд, но больше бросали. Русские без устали днем и ночью атакуют нас. Весь народ здесь сражается не на жизнь, а на смерть, не останавливаясь ни перед чем, лишь бы больше уничтожить нас».

Наступать по этому пути врагу было не сладко, но отступать под непрерывными ударами советских войск и партизан во сто раз хуже. Перебросить дополнительно дивизии, направленные на Ленинградский фронт, противник не мог, поскольку советские войска перешли в наступление не только под Москвой, но и юго-восточнее Ленинграда.

Особенно обескураживало гитлеровское командование то, что Советский Союз, лишившись огромной территории, потеряв сотни заводов, основные сырьевые базы, в условиях военных неудач сумел наладить производство все новых и новых танков, самолетов, орудий, вводить все новые боевые резервы. Война по сценарию, разработанному гитлеровцами на основе опыта прежних операций, не удалась. Гитлеровская военная машина не смогла совладать с силой духа советских людей. Фашисты начали отступать без приказа.

А вот как оценивали те же события союзники.

Вашингтонская газета «Стар» писала в декабре 1941 года, что «успехи СССР, достигнутые в борьбе с гитлеровской Германией, имеют большое значение не только для Москвы и всего русского народа, но и для Вашингтона, для будущности Соединенных Штатов. Отступление немцев под Ростовом и их неудача под Москвой — первый случай, когда гитлеровским армиям не удалось выиграть ими начатую кампанию. История воздаст русским должное за то, что они не только приостановили молниеносную войну, но и сумели обратить противника в бегство»*.

Поражение елецко-ливненской группировки противника способствовало успешному наступлению наших войск и разгрому немцев под Москвой. За успешные боевые действия, за доблесть и мужество, проявленные под Ельцом и Ливнами, наш 85-й полк был награжден орденом Красного Знамени.

13 декабря, выбив врага из Измалкова, части 1-й гвардейской дивизии соединились с войсками 13-й армии, кольцо окружения немецкой группировки замкнулось.

* Зато сейчас нет ничего смешнее, как читать в газетах, мемуарной и прочей писанине ФРГ и США о действиях Советской Армии во второй мировой войне: все ложно и бессовестно написано...

В этих боях на долю частей 5-го гвардейского кавалерийского корпуса выпала роль «наковальни», а роль «молота» досталась нам, первогвардейцам. Пытаясь подбодрить своих вояк, немецкое командование сбрасывало окруженным листовки: «Держитесь! Идем на помощь!..», но ни о какой помощи не могло быть и речи.

Тогда гитлеровское командование пошло на последнюю попытку: собрав группировку из наиболее боеспособных частей под командованием генерала Кохенхаузена, послало ее на прорыв—из совхоза «Россошанский» в направлении на Кривец.

Части 5-го кавкорпуса генерала В. Д. Крюченкина эту группировку разбили наголову, а генерал Кохенхаузен был убит.

В течение 15 декабря окруженные части врага рассекались на группы и были последовательно уничтожены.

Командование 34-го армейского корпуса, бросив своих солдат, чтобы не попасть в плен, удрало на самолетах. Так закончилась Елецко-Ливненская операция. Всего девять дней прошло с начала наступления, а как изменилась обстановка! Гудерман, разгромленный под Москвой, бежал, спасая остатки своей армии.

Положение северного крыла Юго-Западного фронта значительно улучшилось, оперативная группировка очистила от фашистов 8 тысяч квадратных километров территории, освободила свыше 450 населенных пунктов, полностью разгромила 45-ю и 95-ю пехотные дивизии противника.

Победа под Москвой явилась началом коренного поворота в ходе войны. В результате контрнаступления советских войск под Москвой враг был отброшен на 100—250 километров, его ударная группировка — 38 дивизий, из них 11 танковых — была разгромлена. Успех наших войск в декабре 1941 года был первым радостным событием для всех советских людей с начала войны. Все горечи, нужды и потери стали казаться менее значительными. Такой удар советских войск вселял надежду на то, что захватчики будут изгнаны с нашей земли. Я, как и другие, проникся этим убеждением. Сила русского народа непоколебима. Доказательство этому то, что дерутся люди не из страха, а из любви к Родине, руководимые чувством, о котором редко говорят, но которое таят в глубине души.

Бывший президент США Ф. Рузвельт, оценивая вклад Советской Армии в дело победы над фашизмом, отмечал в мае 1942 года: «Мне трудно уйти от того простого факта,

что русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»*.

Для нас эта победа не обошлась без жертв и крови. В связи с этим невольно вспоминаешь труд наших санитаров. Они выносили нас из пламени и огня. Белые, окропленные кровью халаты хирургов... «Под ножом» в умелых руках в разное время автор этих строк лежал трижды. Они резали, сшивали, «оживляли» нас, побеждали смерть. Солдаты говорили так:

— Каким тебя восстановит медсанбатовский врач, таким ты и останешься.

Надо отметить, порой и в нашей парвогвардейской дивизии не все шло хорошо. На войне можно всего ожидать. Так, например, по приказу командующего оперативной группой генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко наша дивизия после трудного марша 25 декабря вышла на рубеж Федоровка—Тургеневский—Крутое в готовности наступать на Вязовку. Вначале наступление развивалось успешно. Но во второй половине дня, кажется, 28 декабря, используя превосходство в танках и авиации, противник контратаковал и отбросил некоторые наши полки на 3—5 километров. И противник, и наши части перешли к обороне. Лишь 85-й и 4-й Воронежский полки, успешно развивая наступление, к исходу 29 декабря продвинулись на 25—27 километров, вышли в указанный им район и продолжали вести бои: 4-й Воронежский — за Федоровку, а 85-й — за Переведеновку. Оба полка связи со штабом дивизии не имели.

И вот сложилась обстановка: связи с далеко отставшими полками нет, противник, воспользовавшись растянутостью подразделений дивизии, решил ударить танками и пехотой во фланги наших двух выдвинувшихся вперед полков. А тут еще я сильно заболел туляремией, у меня поднялась температура до 40—40,5°.

«Может произойти самое страшное, — думал я, — если немцы начнут против нас проявлять активность. Мы израсходуем боеприпасы, а дальше что? Командование дивизии, не имея с нами связи, не знает, где мы и что с нами, быстро помочь не сможет».

Только утром 31 декабря к нам прибыл самолет с приказом прорываться на соединение с главными силами дивизии в направлении Барково. Однако при посадке самолет

* Гречко А. А. Бсоруженные Силы Советского государства. М., Воениздат, 1974, кн. 2. с. 80.

был поврежден и не смог возвратиться назад. Поэтому командир дивизии так и не знал, получили ли мы его приказ.

Когда план выхода из окружения был обсужден, к нам прибыл офицер связи штаба дивизии, помощник начальника оперативного отделения старший лейтенант Т. А. Богданов, пробивавшийся около полутора суток по лощинам и балкам. Он доставил нам приказ командира дивизии выйти на Гремячье, находившееся в 5 километрах восточнее деревни Труды Меряева.

В выходе полков из окружения большую помощь оказали проводники — жители деревни Федоровки. Выходили полки таким образом: один из батальонов до подхода колонны главных сил завязывал бой с противоположной стороны населенного пункта, мимо которого проходила колонна. Проводники вели нас, используя лощины для укрытия от расположения гарнизонов противника. Следующий населенный пункт атаковал другой батальон, а атаковавший предыдущий следовал за главными силами как арьергард.

Однажды произошел казус. От 4-го Воронежского полка была выслана конная разведка: в селе, согласно приказу командира дивизии, должен был находиться 331-й полк В. А. Когана. Разведка своих не установила, но на выходе из деревни была обстреляна. Командир взвода доложил, что в деревне противник. Но, как потом оказалось, конный разведвзвод был обстрелян проспавшим полевым караулом 331-го полка, который и был принят за противника.

Колонна, приняв меры охранения, уклонилась вправо, но попала под артиллерийский огонь противника из деревни Усть-Лески. Чуть левее впереди — большая лощина и овраг. Полки быстро спустились туда. Но куда теперь двигаться? Восточнее, впереди нас в 500—600 метрах, на наших глазах рассыпанным строем заняла рубеж обороны пехота. Чья пехота? Неизвестно.

А тут рассвет уже забрезжил, надо спешить. Высланные добровольцы (один из них — сын и он же адъютант полковника Вайцеховского лейтенант Михаил Вайцеховский) дали сигнал, что впереди нас находится подразделение кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина, слева — 331-й полк, тот самый, который конная разведка приняла за противника.

Длинной зимней ночи нам едва-едва хватило, чтобы выполнить приказ и выйти к Гремячью. Здесь утром 1 января 1942 года дивизия перешла к обороне.

Это был наш первый на войне новогодний праздник. Я же в это время неделю пролежал в медсанбате.



С. А. Иванов

8 января к исходу дня дивизия получила распоряжение командующего Юго-Западным фронтом совершить 100-километровый марш в район Шигры. Я еще не выздоровел. Управлял полком начальник штаба майор Сергей Александрович Иванов.

Марш предстоял трудный, по плохим дорогам, особенно в низких местах, которых здесь было множество (овраги, лощины, реки). Лютые морозы, пурга. Погода такая, про которую обычно говорят: «В такую погоду хозяин собаку со двора не выпускает». Но святой долг перед Родиной был превыше всего.

Дивизия имела задачу по прибытии в указанный район взломать оборону противника на фронте Ханьки—Косаржа и, нанеся удар в обход города Шигры с севера, к 18 января окружить и уничтожить противника в этом районе.

Несмотря на сложные условия и сильно пересеченную местность, 85-й стрелковый полк день за днем теснил противника, освобождая один населенный пункт за другим. В первый же день наступления 18 января 85-й и 4-й Воронежский полки освободили Ханьки, Долгий, Колодец, Хохловку, Косаржу, Станково. К утру 21 января части дивизии освободили 12 сел и деревень.

Охватив с северо-запада и юго-востока деревню Удерово в ночь на 21 января, наш полк должен был продолжать наступление на Крюково и Парменовку. И вот здесь гитлеровцы предприняли контратаку.

А тут дала о себе знать беспечность некоторых наших командиров. После занятия деревни Удерово я отдал приказ: организовать разведку и принять меры охранения; дать личному составу полка небольшой отдых, накормить горячей пищей. Вскоре помощник начальника штаба полка старший лейтенант Кухалейшвили доложил, что все организовано, связь со штабами батальонов установлена. Я проверил — связь работает — и успокоился.

После 100-километрового марша по тяжелой дороге и

нелегких боев солдаты прямо-таки с ног валились. Приняв горячую пищу, уставшие гвардейцы сразу же крепко заснули в натопленных гитлеровцами хатах.

И случилось так, что никто не проверил, так ли организовано охранение и выслана ли разведка, как было указано. На деле оказалось, что командир взвода разведки лейтенант Масловский вместо того, чтобы вести тщательную разведку, выставил на мосту западнее деревни лишь часового с подчаском, а остальные пока оставались в крайних хатах, чтобы погреться. Но там они и уснули. Часовые, правда, менялись.

И вот в это время, перед самым рассветом, после снятия разведкой противника нашего часового с подчаском танковая рота с ходу атаковала деревню, открыв огонь зажигательными снарядами. Одна за другой загорелись несколько соломенных крыш, было подбито два орудия полковой батареи, убито два офицера штаба, от тяжелой контузии оглох и онемел лейтенант Масловский, пострадали и другие.

Положение спас 1-й стрелковый батальон капитана В. С. Сорокина, который располагался на юго-западной окраине деревни и успел вовремя вступить в бой. Он своим внезапным огнем ошеломил противника. На помощь 1-му батальону тут же подоспели и другие. Общими усилиями противник был отбит.

Нелегким был бой и за деревни Крюково и Парменовку. Гитлеровцы предпринимали яростные контратаки. В одной из них они использовали батальон пехоты и роту танков. Пришлось пустить в ход находившуюся в моем резерве роту противотанковых ружей лейтенанта Багирова. В этом бою исключительную храбрость и отвагу проявили бойцы, сам командир роты Багиров и его политрук Кузьменко. На них двигался один из танков противника, а тут у Багирова кончились бронебойные патроны. Тогда лейтенант решил уничтожить его гранатами. Засев в укрытие и подготовив гранаты, Багиров и Кузьменко стали ждать. Когда танк подошел совсем близко, Багиров со связками ручных гранат пополз овражком к нему, а Кузьменко с автоматом приготовился прикрыть командира огнем. Когда Багиров был уже у цели, гитлеровские танкисты заметили его, но не имели возможности расстрелять из пулеметов, так как Багиров оказался в «мертвом» пространстве. И они решили раздавить его гусеницами. Когда танк подошел почти вплотную, Багиров подбросил под гусеницу две связки гранат. Взрыв! И танк завертелся на месте.

Его экипаж стал покидать машину, но Кузьменко огнем из автомата уничтожил всех фашистов.

В это время был совершен и другой подвиг — единоборство расчета сержанта комсомольца Маслова и комсомолки Любы Земской с группой танков. Люба — харьковчанка, воспитанница детского дома. Когда немцы подходили к Харькову, расстреливая старых и малых, Люба служила в одной из частей медицинской сестрой, но рвалась в бой. В это время в прифронтовом городе была открыта школа бронейщиков для борьбы с танками противника. По просьбе Любы ее направили туда. Начальник и комиссар школы писали о ее дисциплинированности, прилежании и упорстве в учебе. Уже тогда Люба отлично стреляла по «танкам». Выступая на выпускном митинге, девушка благодарила командование и преподавателей школы за то, что научили ее в совершенстве владеть грозным для противника оружием. «С таким оружием я в долгу не останусь!» — заявила Люба.

В первой половине января 1942 года в нашу дивизию был влит батальон противотанковых ружей. Любу зачислили в роту старшего лейтенанта Багирова вторым номером к сержанту Маслову.

Свое искусство стрельбы по вражеским танкам Земская показала 21 января, когда гвардейцы полка вели жестокий бой. Впервые в жизни Люба Земская увидела настоящие, изрыгающие пламя и ползущие прямо на нее пять вражеских танков. Бронейщики, лежа на снегу, спокойно ждали. Наконец, танки подошли совсем близко. Маслов отвел затворную раму ружья, Люба вложила бронейный патрон. Но в этот момент Маслов был смертельно ранен. И тогда Люба берет ружье, стреляет — и головной танк горит. После двух-трех выстрелов остановился второй танк, Люба перенесла огонь на третий... И в эту минуту ее подкосила пулеметная очередь. Она еще успела крикнуть: «Ребята, ни шагу назад! Смерть гадам!» — и замерла. Уже после боя у Любы Земской в кармане гимнастерки нашли неоконченное письмо. Люба писала: «Товарищи гвардейцы, деритесь до последней капли крови, до последнего вдоха, любите свою мать-Родину, свой народ... Если вражеский снаряд оторвет мне руку, я буду драться с одной рукой, если я лишусь ног, буду ползти на руках и разить противника. Если же мне выбьют очи, я буду видеть танки противника глазами сердца и стрелять без промаха...»

Отважного истребителя танков, комсомолку, верную

дочь украинского народа Любу Земскую похоронили в деревне Хохловка Курской области. Придет время, расцветет Украина, счастье и волю добудет в бою и не забудет твой подвиг, дивчина, верность твою и отвагу в бою. Люба Земская посмертно была награждена орденом Ленина.

В самом конце января 1942 года дивизия была переброшена по железной дороге в район Нового Оскола под Белгород. В начале февраля она вошла в подчинение 21-й армии и получила приказ выйти в район восточнее Лесков в 35 километрах севернее Белгорода, где предполагалось начать наступление.

На долю дивизии выпала ответственная задача — овладеть станцией Беленихино на железнодорожной магистрали Белгород—Курск и тем самым перерезать эту магистраль, имевшую для немцев важное стратегическое значение.

Противник прекрасно понимал, что со взятием деревни и станции наши войска получили бы большое преимущество над ним на этом участке фронта. Поэтому он сосредоточил здесь крупные силы: в полосе нашего наступления оборонялись 22-й полк 75-й пехотной дивизии, насчитывавший большое количество минометов и усиленный танками и тяжелой артиллерией, и сводный батальон 168-й пехотной дивизии.

Мы начали наступление вечером 20 февраля. Первыми открыли огонь по огневым точкам противника артиллеристы 34-го артполка. 85-й полк наступал на Беленихино во взаимодействии с 331-м полком. Ночь была светлая, и все было видно как на ладони. Когда мы подошли к станции на 500—600 метров, противник открыл ураганный артиллерийско-минометный огонь и наша атака захлебнулась.

С утра 22 февраля полки вновь перешли в наступление. В этот день, когда победа над противником в деревне была уже близка, смертью героя погиб командир 4-го Воронежского полка гвардии полковник Михаил Емельянович Вайцеховский. Его заменил соратник еще по гражданской войне начальник штаба гвардии майор А. Т. Худяков.

26 февраля дивизия получила приказ сдать занимаемую полосу частям 297-й стрелковой дивизии и после полуторасуточного отдыха, совершив пять ночными переходами марш Авдеевка—Пушкарное—Зимовное—Ефремовка и поступив в распоряжение командующего 38-й ар-

мией генерал-майора артиллерии К. Н. Москаленко, 5 марта сосредоточилась в районе Марьин—Покаляное—Бочково.

В тот же день был получен приказ Верховного Главнокомандующего, которым все части дивизии были переименованы в гвардейские с присвоением им новых номеров. 85-й, 331-й, 335-й и 4-й Воронежский стрелковые полки получили наименование соответственно 2-й, 7-й, 16-й и 4-й гвардейские стрелковые полки.

С глубоким волнением и радостью встретили бойцы полка эту весть о новой высокой оценке их боевой деятельности. В полку состоялся митинг, на котором гвардейцы под развернутым знаменем поклялись оправдать высокое звание.

В ночь на 7 марта наша дивизия сменила части 300-й стрелковой дивизии на фронте Прилипка — 1-е Советское с задачей преодолеть Северский Донец, захватить плацдарм на его западном берегу и отсюда начать дальнейшее наступление на Харьков. Мы с начальником штаба полка, командирами батальонов, батареи и саперной роты провели рекогносцировку и пришли к выводу, что перед нами стояла трудная задача.

В полосе нашего наступления на глубину 5—8 километров, непосредственно примыкая к реке, простирался лесной, изрезанный оврагами, массив, забитый снегом, что затрудняло наш выход и продвижение, особенно техники и тыла. Западный берег реки, где находился передний край обороны противника, грядой высот господствовал над восточным. Все населенные пункты были превращены в мощные узлы обороны, взаимно прикрывавшие друг друга артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным огнем.

Накоротке изучив местность и противника, мы выработали план взаимодействий внутри полка и с соседями — 4-м Воронежским полком, который должен был овладеть селом Старицей, и 7-м полком, наступавшим на Варваровку.

Нашему 2-му гвардейскому полку ставилась задача захватить Избицкое. Каждый из полков прорывал оборону на участке полутора километров, не имея средств усиления.

7 марта перед рассветом под прикрытием леса полк вышел к восточному берегу реки и после слабой артподготовки перешел в наступление. В тот день была необычно сильная пурга, в 50—100 метрах ничего не видать. Ко-

мандиры взводов не всегда видели своих людей, роты и батальоны были слабо управляемы. Вести прицельный и корректировать артиллерийский огонь не было возможности.

Огневые точки на переднем крае обороны врага не были подавлены. Поэтому наша и соседней атака не увенчалась желаемым успехом. О неудачной атаке я доложил И. Н. Руссиянову:

— Противник занимает выгодное положение, мы же, преодолевая открытую местность, вынуждены подставлять себя под их огонь. Считаю, что вести наступление днем в лоб на этом участке нецелесообразно. Исходя из этого, прошу разрешить мне частью сил во взаимодействии с 7-м полком сковать противника в Варваровке с фронта, а главными силами 2-го и частью сил 4-го полков ночью овладеть деревней Избицкое, затем одним батальоном 2-го полка с северо-востока во взаимодействии с 7-м полком овладеть Варваровкой.

После некоторой паузы я услышал: «Против предложенного плана не возражаю. Командирам 4-го и 7-го полков дам команду для увязки действий».

Мы предвидели, что в боях за плацдарм и населенные пункты враг будет жестоко сопротивляться, зная цель выхода наших войск на этом направлении. Выгодная местность обороны врага давала ему возможность использовать все виды оружия.

Наши подразделения частей дивизии должны были наступать с минометами и отдельными орудиями батальонов и полковых батарей, которые сверхчеловеческими усилиями пришлось тащить через глубокий снег. Несмотря на яростное сопротивление врага роте 2-го полка старшего лейтенанта С. П. Бахметьева и роте 7-го полка при обеспечении артиллерийско-минометным огнем обоих полков удалось захватить плацдарм и обеспечить действия главных сил. Отделению старшего сержанта Кривцова и сержанта Талалихина удалось, уничтожив три огневые точки, ворваться и овладеть пятью домами с юго-восточной стороны.

Командир отделения Кривцов был тяжело ранен, но поля не покинул, продолжал руководить отделением, лично уничтожил шесть фашистов, сержант Талалихин уничтожил вражеский пулемет с расчетом.

Сержант Фадеев и рядовой Мезенцев из разведзвода полка двух гитлеровцев уничтожили, а обер-ефрейтора взяли в плен.

Наступление левофлангового 2-го батальона задерживалось сильным огнем противника с западной стороны деревни.

Чтобы установить точно места огневых точек, дополнительно было послано отделение под командованием ростовчанина Ф. С. Яшина. Под покровом темноты отделение, в составе которого был и земляк Яшина Михаил Самодеев, отправилось к Избицкому. Бойцы вплотную подползли к крайним домам, стали вести наблюдение. Долго они не могли ничего заметить. Вдруг в воздух взвилось несколько ракет. И вслед за ними заговорили сразу три пулемета: очевидно, разведчики выдали себя. Заметили расположение огневых точек и стали отходить. Фашисты, освещая поле боя ракетами, обнаружили группу и открыли по ней минометный огонь, настолько сильный, что сразу были убиты три человека, в том числе Самодеев, а Яшин был ранен в обе ноги и в руку. Товарищи доставили своего командира на командный пункт, за что были представлены к правительственным наградам.

Отделение понесло потери, но свою задачу выполнило: доставленные сведения об огневых точках дали возможность уничтожить их. С рассветом полки овладели населенными пунктами Избицкое и Варваровка, но удерживать этот плацдарм становилось все труднее. Без поддержки артиллерии выдыхалась пехота, увеличивались потери. У каждого из нас, наблюдавших за полем боя, как говорится, сердце кровью обливалось.

— Что предлагаете? — спросил я, не отрывая глаз от бинокля.

— Спасти положение можно только так: решительной атакой всех и расширением плацдарма, — убежденно и четко ответил начальник штаба майор С. А. Иванов. — Продвинемся мы вперед — переправится к нам артиллерия.

Надо расширять плацдарм...

Именно таких слов я ожидал от него: сам-то давно считал, что удержаться на западном берегу можно только дальнейшим наступлением.

Да, но где взять силы для его осуществления? Вдохнуть новые силы в ослабленные роты. А как? Внушить людям теплым словом ту же мысль: «Спасение только в атаке!».

— Комиссар полка Волобуев в один, я — в другой, вы — в третий батальон. Быстро готовим людей и — вперед!

Наметили план атаки, взаимодействия и ввода 1-й учебной роты лейтенанта Ивана Севастьяновича Ульянич...

После артиллерийско-минометного налета, хотя и слабенького, атака обрела столь яростную силу, что враг не выдержал и отошел.

Во второй половине дня противник при поддержке танков перешел в атаку. Однако гвардейцы не отступили. Немцы, потеряв более роты пехоты, три танка, вынуждены были отойти на второй рубеж.

Наступила темнота. Это было нам выгодно. Но тут связь с командиром батальона капитаном Н. Т. Кудряшовым и штабом полка перестала работать. В это время я находился на восточной окраине Избицкого в одной из рот. Предположения были всякие. Минут через 20—25 доложили:

— Товарищ подполковник, связь восстановлена. У телефона комиссар полка Волобуев.

Я не узнал его голоса — Волобуев был так взволнован, что нельзя было толком его понять. Я уже подумал было, что командный пункт захвачен противником и комиссар говорит по принуждению фашистов. Но тут к телефону подошел начальник штаба майор С. А. Иванов и доложил о положении: рота автоматчиков противника, используя небольшой разрыв между левым флангом 4-го полка и нашим правым флангом, прикрываясь темнотой, атаковала штаб полка. Иванов ротой правофлангового батальона, резервом полка, силами штабного взвода охраны отсек и уничтожил фашистов.

— Который раз враг пытается, но не удается ему захватить штаб, не так штаб, как боевое знамя 2-го гвардейского Краснознаменного полка, — сказал майор Иванов.

Волнение комиссара объяснялось боязнью за штаб, перенесенный на западный берег Северского Донца. И предложил — командно-наблюдательный пункт полка перенести на восточный берег Донца. Я подумал, что сейчас наш отход с западного берега равносителен бегству с поля боя. Не разрешил.

— Майор Иванов, — обратился я к начальнику штаба, — наша с вами вина в том, что мы слабо прикрыли свой правый фланг. Николай Михайлович, — это уже Н. М. Волобуеву, — нельзя нам, командирам, забывать, что бойцы следят за каждым нашим словом и поступком. Старший командир, предвидя грозную опасность, должен

не удаляться от переднего края, а быть как можно ближе к своим войскам и в нужный момент сказать свое слово.

Гитлеровцы не могли примириться с нахождением наших войск на плацдарме. Они неоднократно предпринимали яростные атаки, стремясь вернуть потерянные позиции. Но гвардейцы, отражая атаки и контратаки врага, держались достойно, упорно удерживали плацдарм, так необходимый для наступления на Харьков.

Первогвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия выполнила приказ командования. Захватила плацдарм — 12 километров по фронту и 8 километров в глубину — и прочно его удерживала.

Сегодня, оглянувшись с высоты прожитых лет на события далекого, незабываемого для нас, фронтовиков, 1941 — начала 1942 года, в который раз перебираю в памяти неподвластные времени подробности тех дней и пытаюсь уяснить для себя, что же тогда произошло. Хочется со своей точки зрения общевойскового командира разобраться не столько в причинах наших временных неудач, сколько в причинах нашего успеха.

К июню 1941 года у нас было мало самолетов новой конструкции, танков, автоматов. Армия не имела должного боевого опыта. Тем не менее наша страна была готова к войне, к решительному отпору гитлеровской армии. Готова морально, идейно, политически.

В тяжелые для нас первые дни войны мне лично не раз приходилось видеть и самому вступать в единоборство с бронетанковыми войсками. Смело воевали, имея мало противотанковых (бронбойных) снарядов, наши артиллеристы, а стрелковые подразделения с противотанковой гранатой и бутылкой горючей смеси нередко в схватках выходили победителями.

В связи с этим хочется напомнить нашей молодежи, что патриотическая крылатая фраза «считайте меня коммунистом» родилась не в дни нашего победоносного наступления на запад, а в дни самых суровых испытаний, когда только за принадлежность к партии Ленина гитлеровцы расстреливали на месте.

И сейчас, вспоминая основные бои и операции того времени, я не могу припомнить ни одного боя, где бы мы действовали обособленно. Всегда и везде у нас были сотни граждан, добровольных помощников. С первых дней войны героическая борьба Советской Армии на фронте слилась с мощным движением народных мстителей — советских партизан. Партизанское движение в годы Вели-

кой Отечественной войны было глубоко народным и вдохновлялось идеями партии, ее политикой.

По неполным данным только в ноябре 1941 года партизанских отрядов и диверсионных групп на оккупированной территории республик Советского Союза в тылу врага было создано около четырех тысяч. Это десятки тысяч человек. Партизанская борьба превратилась в силу, с которой враг не мог уже не считаться. В то время, когда шла битва под Москвой, в тылу наступающих войск группы армий «Центр» оперировали в партизанских отрядах свыше 30 тысяч человек. Кроме того, действовала большая армия подпольщиков.

Партизанские отряды поставили немецко-фашистское командование перед совершенно неизвестными для этого времени проблемами. Партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух вражеских солдат. А к середине 1943 года на оккупированной территории народных мстителей с резервом насчитывалось 1 миллион 933 тысячи человек, из них 200 тысяч женщин.

Формы и методы этой борьбы в ходе войны существенно менялись, но ее основное содержание оставалось неизменным. Организатором и вдохновителем этой священной войны была КПСС.



Новое назначение

Разгрузившись в апреле 1942 года на станциях Хомутово, Красная Заря и Измалково, наша 1-я гвардейская дивизия сосредоточилась севернее Ливны в районе, освобожденном ею в декабре 1941 года.

Звонком я был вызван в штаб к командиру дивизии. В беседе генерал И. Н. Руссиянов спросил:

— Как вы смотрите, правильно ли мы учили, готовили и готовим личный состав к использованию боевой техники в бою?

— Товарищ генерал! Все было бы организовано и готовилось бы намного лучше, но мы, командиры, на это имеем слишком мало времени. К тому же частая смена офицерского состава. В силу этих обстоятельств нам чаще всего приходится восполнять пробелы в ограниченное время, а то и в ходе самого боя.

Неожиданно комдив объявил:

— Ваш 2-й Краснознаменный гвардейский полк занимает ведущее место в бою, это и дало нам основание рекомендовать вас на должность командира дивизии.

— Благодарю за доверие, — я опешил. — Но у меня нет необходимых знаний и опыта управления дивизией в бою. Чтобы умело обучать и готовить войска для современного боя, необходимо вооружать знаниями командно-политический состав и понимать сложность подготовки управления боем, умело использовать все виды оружия...

— Это верно, — согласился Руссиянов. — Но мы не можем вас послать на курсы и тем более в академию. Придется первое время особенно полагаться на боевой опыт и не считать зазорным учиться у других.

Прощаясь с командованием прославленной дивизии, я был взволнован. Предстоящая должность была весьма почетной, но в то же время ответственной. Как обычно в таких случаях, одолевают беспокойные мысли. Задумывался и я, само собой разумеется, над трудностями, которые ожидали меня. В общем-то, они сводились к одному: как быстрее войти в жизнь нового военного коллектива?

Известно, что в этом деле нет точного рецепта. Однако есть правила, которые, как мне кажется, нужно, вступая на новую должность, соблюдать неукоснительно.

— Не ломай заведенных порядков, сперва присмотрись хорошенько к ним;

— советуйся с подчиненными, толковые командиры откроют тебе глаза на то, чего не найдешь в отчетных документах;

— война — это потери: взводы, а иногда и роты будут возглавлять младшие командиры, готовь их к этой роли заранее;

— если подразделение успешно справилось с задачей, обязательно объяви благодарность личному составу, если же не справилось — есть тому конкретные виновники;

— никогда не порицай, особенно перед строем, всю массу бойцов и командиров.

«Прежде всего, надо умело опереться на коллектив офицеров штаба, политотдела и коммунистов», — думал я.

Дивизия — это основное боевое соединение, в котором для боя осуществляется взаимодействие всех сухопутных родов войск.

От командира дивизии требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия. Это было особенно важно в условиях явного превосходства в живой силе и технических средствах врага.

В Советской Армии и в мирное время, а в дни войны особенно, каждому офицеру открыта широкая дорога, ведущая его на самые высокие ступени военной лестницы.

Война — суровый экзаменатор, ход и результат боев быстро определяют, кто на что способен.

Но бывает и так: хорош человек в должности командира батальона. Дали ему полк, но он не справился — будто этого командира подменили, другим стал. Однако человек-то остался прежним, просто круг его обязанностей изменился, а к ним он оказался не подготовленным.

Но бывает и иначе. Командир перерос свое дело: и знания его, и споровка в управлении современным боем заметны невооруженным глазом — такого человека необходимо выдвигать на более высокую должность в соответствии с его возможностями. Война тем более требует этого. Не связи, не интриги определяют положение советского офицера в армии, а практические результаты его боевой деятельности.

Болезнь, скажем, сердца устанавливают электрокардиограммой. Трещину в металле — гамма-лучами, мечеными атомами. Радиоактивность — счетчиком Гейгера. А достоинства командира, его способности в совершенстве организовывать и управлять современным боем? Еще Петр I

выдвижение офицеров производил не по знатности рода, а по таланту и способностям. Именно такие критерии определяют военную карьеру советского офицера-командира. Однако, предлагая офицера на высшую должность, начальник верит в его способность, в то, что он в любой обстановке будет способен принять правильное решение и уверенно проводить его в жизнь.

Не прерывалась связь дивизии с трудящимися Воронежской области. Наши шефы часто бывали в гостях у гвардейцев.

Во второй половине апреля по вызову я выехал в Воронеж, в штаб фронта.

— Прежде всего зайдите в обком партии и от имени командования и всего личного состава дивизии поблагодарите трудящихся города и области за их постоянное внимание и помощь нам, — напутствовали меня командир и комиссар дивизии.

В обком партии я явился прямо с аэродрома. Принял меня второй секретарь обкома Некрасов. Он живо интересовался боевыми делами дивизии, особенно 4-го Воронежского полка, настроением бойцов.

В тот же день я прибыл в штаб Юго-Западного фронта к начальнику управления по кадрам полковнику Портянникову. После короткой беседы Портянников сказал мне:

— Я вас представляю командующему фронтом Маршалу Советского Союза Тимошенко. Будьте готовы отвечать на вопросы. Офицеры управления внимательно следят за боевыми делами вашей дивизии, в частности вашего полка.

Вскоре я действительно был принят С. К. Тимошенко. Первый вопрос его, чего я никак не ожидал, касался моей болезни. Я ответил, что болел туляремией — с конца декабря 1941 по 6 января 1942 года. 8 марта был легко ранен, но из строя не выбывал...

— Командир дивизии Руссиянов просит назначить вас его заместителем. Как вы на это смотрите? — спросил затем командующий.

— Прошу оставить на прежней должности — командиром полка.

Затем командующий поинтересовался маршем 1-й гвардейской: выходом к реке Северскому-Донцу и занятием плацдарма на ее западном берегу. Я высказал то, что думал, не умолчал и о недостатках проведения этой важной и сложной операции. Оборона противника была сильная, необходимых данных мы о ней не имели, а задача стояла

с ходу опрокинуть ее. Сложная местность, глубокий снег, командные высоты в руках противника, слабая обеспеченность наших подразделений артсредствами — все это в сильной степени сказалось на ходе операции. Хотя мы и выполнили задачу, но потери могли быть меньше — очень сказалась спешка.

— Политико-моральное состояние личного состава наших подразделений, — сказал я, — высокое: готовы хоть сегодня в бой. Продовольственное и вещевое обеспечение хорошее. А вот автоматического оружия и артиллерийских снарядов, особенно бронебойных, пока маловато.

— Да, трудностей у нас еще много, — ответил маршал. — Теперь о вашем назначении: примете 28-ю стрелковую дивизию. В ней много ваших земляков-сибиряков. Дивизия войдет в состав армии, которая будет действовать на Харьковском направлении.

Я поблагодарил за оказанное мне столь высокое доверие и вышел. Мне разрешили вернуться в полк, чтобы проститься с бойцами и командирами. В штабе 1-й гвардейской дивизии я доложил И. Н. Руссиянову и К. И. Филяшкину о своем новом назначении.

— Жаль, конечно, расставаться, но ничего не поделаешь, — сказал комиссар Филяшкин.

Я поблагодарил личный состав полка за славные боевые дела, пожелал успехов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

На следующий день я снова был в штабе фронта.

— Мы тут посоветовались и решили послать вас на 8-ю мотострелковую дивизию войск НКВД.

Тут же мне сообщили кое-какие данные. Эта дивизия молодая: в конце декабря 1941 года была укомплектована почти до штата военного времени личным составом. 91-й, 92-й, 94-й, 98-й погранотряды стали основным ядром 6-го, 16-го и 28-го мотострелковых полков дивизии. Командиром был назначен полковник В. Ф. Крылов, 23 февраля 1942 года его заменил полковник С. М. Рогачевский, которого сменил генерал-майор К. Н. Горюнов. И вот теперь командовать дивизией предстояло мне.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как я, так же как и сейчас, шел в 100-ю дивизию на должность командира 85-го стрелкового полка. Сейчас иду на незнакомую мне дивизию с той же мыслью. «Как она пойдет, служба», — думал я, отправляясь из штаба фронта.

8-я мотострелковая дивизия входила в состав 21-й армии. 25 апреля, когда был прием у командующего ге-

нерал-лейтенанта В. Н. Гордова, он выразил недовольство действиями дивизии, тем, что у ее командования нет единого взгляда на складывающуюся обстановку и ход событий, а отсюда и слабое руководство действиями частей и подразделений.

Между тем личный состав дивизии в большинстве своем был из пограничников — обстрелян с первых дней войны, боеспособен, подготовлен для ведения боя в любой обстановке.

В первой половине января дивизия во взаимодействии со 169-й стрелковой дивизией и 10-й танковой бригадой вела бой за город Обоянь. Взаимодействие частей и подразделений и управление войсками было организовано слабо, в результате дивизия имела неоправданные потери личного состава, не выполнила задачу.

— Вам необходимо, — сказал генерал, — приложить все усилия для усовершенствования обороны, особенно в противотанковом и противовоздушном отношении, сделать ее упругой и устойчивой. Проверить, как организовано взаимодействие с танками, артиллерией, инженерно-саперными подразделениями, с пехотой, обеспечение флангов и стыков, как вводится в бой и обеспечивается резерв дивизии.

От офицеров штаба армии узнал: 8-я мотострелковая дивизия с приданной ей артиллерией и инженерно-саперным батальоном занимает оборону в полосе Марьино—Прохоровка на стыке двух фронтов. Наш сосед справа — 62-я стрелковая дивизия 40-й армии Брянского фронта, а слева 297-я стрелковая дивизия нашей 21-й армии Юго-Западного фронта.

Разобраться с действительным положением дел в дивизии мне хорошо помогли комиссар П. Г. Коновалов, офицеры штаба, которые были в дивизии с первого дня ее формирования.

Коновалов понравился мне своей деловитостью. Это спокойный и вместе с тем строгий и душевный человек, коммунист. Закончил войну членом Военного совета танковой армии.

Офицерский состав принял меня тепло. Особенно приятное впечатление произвели командиры 16-го мотострелкового полка П. С. Бабич, 28-го мотострелкового полка Я. В. Закревский, 10-го гаубичного артполка В. К. Потанин и другие. Отмечаю, что после знакомства с командирами частей, офицерами штабов дивизии я вращал в свою должность уверенно, так как вскоре почувствовал под-



П. Г. Коновалов



В. К. Потанин

держку со стороны заместителей, особенно комиссара П. Г. Коновалова. Как всегда, были и такие: дескать, генерал-майор не справился, не удержался, а тут подполковник...

Проверив состояние дел, дал кое-какие дополнительные указания на местности для обеспечения флангов и стыков между полками и подразделениями, по вводу резервов полков, танкового батальона.

Комиссар Коновалов и командующий артиллерией подполковник Андреев, начальник штаба Прихно были того же мнения.

В ночь на 28 апреля доложил командующему 21-й армией генерал-лейтенанту В. Н. Гордову о состоянии дел в дивизии и получил добро на отданные распоряжения.

— Теперь, Павел Георгиевич, нести ответственность нам. На нас возложено управление частями и наведение в них порядка. Ибо через несколько дней командующий армией не примет никаких ссылок на неправильные действия в прошлом.

Вчера, во время знакомства с командирами частей и их штабами, начальник штаба 28-го мотополка майор И. Ю. Юдич заявил:

— Нечего греха таить, было так. Враг молчит — и мы молчим, он в атаку — мы стоять насмерть, ни шагу назад!

— Опыт войны показал: враг лезет — защищаться! Прекратил атаковать — не жди, есть возможность — смело и решительно контратакуй сам. И прежде всего, нам необходимо добиться решительного перелома в отношении увеличения подвижности, инициативы и быстроты в действиях, решительности в принимаемых решениях и упорства в их выполнении. Если враг вчера захватил населенный пункт или высоту, то сегодня они должны быть отбиты. Сегодня не удастся — атаковать завтра, но отбить надо. Все мы, от командования дивизии до рядового бойца, должны проникнуться мыслью, что необходимо не только обороняться, но и в нужный момент активно наступать! Вы согласны со мной?

Комиссар П. Г. Коновалов думал о том, как трудно людям, прошедшим длительный тяжелый путь отступления, привыкшим к оборонительным боям, усвоить, принять наступательную тактику.

— Да, я согласен с вами, — сказал комиссар, — хотя понимаю, сколько будет трудно в создавшихся условиях поставленная нами задача.

Когда на плечи человека ложится неимоверно тяжелый груз ответственности за судьбу других людей, он, как правило, уже не находит времени, чтобы думать о себе. Судьба его переплетается с чужими судьбами, чья-то жизнь становится его собственной жизнью.

После разговора лег спать, но сон не шел. Наказ и указания командующих фронтом и армией... Перед моими глазами бои войнов 3-го батальона и 2-го гвардейского полка. Во всех боях наш солдат смотрит смерти прямо в глаза. И как бы учитывая это, сама обстановка освобождает его от большой тяжести за исход боя, за жизнь таких, как он сам. А чем выше занимаемая должность, тем более ответственна и тяжела ноша командира. Ты в ответе перед Родиной и народом. Должность командира дивизии отличалась от той, которую я выполнял, и по объему обязанностей многое должно было измениться. В это «многое» входили, прежде всего, сложившиеся взаимоотношения окружавших меня людей, основанные на традициях пограничных войск, некоторых привычках.

Получив соответствующее распоряжение от командарма, стал ближе знакомиться с личным составом дивизии. Настроение у ребят хорошее, боевое.

Приближался международный праздник 1 Мая. Личный состав получил добротное летнее обмундирование. Все мылись в банях, сделанных в земле саперами, брились,

переодевались в новое, в свободные минуты писали письма, почти все они заканчивались одной и той же фразой: «До скорой встречи с победой». Конечно, не для каждого суждено было сбыться этой заветной мечте. Некоторые пали смертью героев уже на другой день, другие позднее отдали жизнь ради живущих.

Боевая жизнь не прекращалась ни на минуту. Одни усовершенствовали свои позиции, другие в это время вели разведку наблюдением, снайперы выслеживали свои цели. Кстати, в частях было развито снайперское движение, которое на своем счету к 20 апреля имело более 2000 уничтоженных фашистов.

Решили провести разведку боем. «Обещаем преподнести командованию дивизии наш первомайский подарок», — говорили бойцы. 28 апреля на направлении действий разведывательной роты была дополнительно организована разведка наблюдением. Саперы готовили проходы в своих и вражеских минных полях. Командир 10-го артиллерийского полка подполковник В. К. Потанин готовил минометно-артиллерийский огонь обеспечения действий роты.

С разрешения командира роты старшего лейтенанта Е. И. Иткиса ко мне обратился командир взвода лейтенант Мухин.

— Товарищ подполковник, разрешите сходить в политотдел дивизии за получением партбилета. Хочу пойти в бой коммунистом.

После доклада Е. И. Иткиса о готовности, мы за четверть часа до начала боя с майором П. С. Бабичем и В. К. Потаниным прибыли в район предстоящих действий еще раз проверить готовность. На наше счастье к этому времени тучи стали затягивать небо, луна надолго пряталась за ними.

К двум часам ночи рота достигла берега безымянного ручья, стали двигаться группами, но были замечены противником, попали под его артиллерийско-минометный огонь. Приближался рассвет, а бой только разгорался. Враг силою пехотной роты под прикрытием огня артиллерии и танков, с места, из деревни Пселец, перешел в контратаку.

Разведывательная рота массированным ружейно-пулеметным огнем при поддержке дивизиона артиллерии отразила атаку противника.

Поскольку внезапность действий роты была сорвана и она не имела должного успеха, была дана команда отойти на исходные позиции. Пленный не был взят — это объяс-

няется нерешительностью действий командира роты, его малоопытностью в ведении ночного боя. Установлено лишь было, что деревни Луги и Пселец — батальонный район обороны врага — имеют две батареи артиллерии и роту танков.

А враг, пользуясь преимуществом в воздухе, с каждым днем нагнел. В последних числах мая немецкий самолет связи летел в район Прохоровки через наши боевые порядки на высоте, достигаемой ружейно-пулеметным огнем. На сей раз враг поплатился, самолет был сбит разведчиками роты А. Ф. Смирнова, летчик взят в плен. В самолете оказалось много документов и солдатских писем, из которых мы узнали немало ценных для нас сведений. Этот пример еще более уверил личный состав в мощи ружейно-пулеметного огня по самолетам. На одном из совещаний командиров и комиссаров дивизий командующий армией подчеркнул: пленных можно брать не только на земле, но и в воздухе.

Так обычно проходили дни, каждый из них похож на любой другой день обороны. Разведка, учеба, усовершенствование позиций...

Но 10 июня враг нанес удар по 28-й армии на стыке с 21-й. Противник с юго-запада рвался к реке Осколу с целью окружить наши войска крыла Юго-Западного фронта.

28 июня он наступал против нашего соседа справа — 40-й армии Брянского фронта, а 30-го нанес удар по войскам 21-й армии.

6-я немецкая армия после ожесточенных боев вышла к реке Осколу, продвинувшись на 80 километров. В результате продвижения соединений немцев и захвата ими линии железной дороги Косторонное — Старый Оскол мы оказались в окружении.

Немецко-фашистские войска бешено рвались вперед, беспощадно давя на своем пути все живое.

Г. К. Жуков пишет, что политическая военная стратегия Гитлера на ближайший период сводилась к тому, чтобы разгромить наши войска на юге, овладеть районом Кавказа, выйти к Волге, захватить Сталинград, Астрахань и тем самым создать условия для уничтожения СССР как государства. 30 июня был получен приказ командующего 21-й армией об отходе дивизии. Я доложил старшему офицерскому составу о положении наших войск на фронте, и в частности соединений 21-й армии.

За короткое время нам необходимо было проделать

большую работу по организации сложного отступательно-го маневра частей и подразделений войск дивизии.

— Нужно со всей серьезностью понять, что отход дивизии — дело непростое. Тем более связанный с выходом из боя. Поэтому нужно глубоко и детально все продумать, иначе может случиться непоправимое.

Среди личного состава частей и подразделений необходимо провести соответствующую работу, чтобы не возникло панической неразберихи, которая чаще всего бывает при отступлении, если оно плохо организовано и не обеспечено. Паника никогда не была надежной отправной точкой для поисков правильного решения. Только спокойствие помогает лучше видеть и понимать происходящее. Требуется серьезность и бдительность.

Это не обычный марш, а выход из окружения, связанный с тяжелой борьбой с танками, артиллерией и авиацией врага. Поэтому ни при каких обстоятельствах боя нельзя терять управление войсками. Не допустить внезапности удара противника.

Устанавливаю порядок осуществления маневра. Авангардом идет 16-й мотополк майора П. С. Бабича, имея сильный передовой отряд с мерами охранения. Главные силы — 28-й мотополк майора Я. В. Закревского, штаб спецподразделения и тылы дивизии, 10-й гаубичный артполк подполковника В. А. Чепова (сменившего В. К. Потанина), 8-й танковый батальон старшего лейтенанта Филатова, истребительный противотанковый дивизион капитана Шевцова. По указанию командующего артиллерией подполковника В. К. Потанина (заменившего по ранению полковника Андреева) распределяются артсредства с расчетом: кто, когда, на каком рубеже обеспечивает прохождение колонны от внезапных ударов врага. При себе держать противотанковый дивизион и танковую роту Т-34. Начальнику штаба полковнику П. Н. Прихно (сменившему полковника Архипова) поставить задачу бронеразведrote вести разведку по маршруту движения колонны дивизии. Арьергардный — 6-й мотополк. Я двигаюсь с оперативной группой в голове авангардного полка. Связь по радио. Боеприпасы, не поднимаемые транспортом, с наступлением темноты приказал выбросить на головы фашистов. Это и должно скрыть выход частей в исходные районы для марша.

Мне и сейчас вспоминается, как был отдан приказ командиру 6-го мотострелкового полка. «Задача ясна», — буднично, словно речь идет о незначительном, ответил

командир полка. А ведь было основание предполагать, что арьергардный полк примет на себя основную тяжесть обеспечения выхода дивизии из окружения.

Понимал это и комиссар полка Ефим Анатольевич Лелюк. Но ни один мускул не дрогнул на лице старшего батальонного комиссара.

Комиссар дивизии Павел Григорьевич Коновалов, обращаясь ко мне, сказал: «Может сложиться тяжелая обстановка в 6-м полку... Я думаю остаться с ним!» Его мысль мне была понятна. В атмосфере тяжелого напряжения политработники придавали оптимистическую окраску настроению бойцов. И, надо сказать, не только беседами и лозунгами, а и личным примером, конкретной деятельностью, постоянным присутствием в наиболее тяжелых местах боя.

— Не советую. В полку есть свои политработники. А вас прошу быть там, где главные силы дивизии. Могу заверить, что нелегко будет и нам.

Вечером, как всегда, немцы через каждые 5—10 минут стали освещать ракетами передний край обороны, давать по нескольку очередей из пулеметов и пушечных залпов. Огонь этот велся в сущности по пустому месту переднего края бывшей нашей обороны.

С наступлением темноты заработала часть нашей артиллерии. Огонь велся, пока не были выброшены все предназначенные для этой цели снаряды. Под выстрелы артиллерии и охранения арьергардного полка главные силы дивизии, как было спланировано, выступили и в течение ночи оторвались от противника.

Двигаться было нелегко: в пути следования колонны не раз подвергались налету вражеской авиации, танки противника во взаимодействии с пехотой вынуждали нас вести бои, а то и переходить накоротке к обороне. Все попытки противника отрезать пути отхода и разбить наши подразделения успеха не имели. Немцы встречали упорное сопротивление, получали ответные удары.

Понимая, что при нашем выходе инициатива находится в руках противника, командование дивизии больше опиралось на такие подвижные и ударные силы, как 8-й отдельный танковый батальон, 10-й гаубичный артполк, отдельный истребительный противотанковый и зенитный дивизионы и бронеразведроту. Умело маневрируя этими подразделениями, мы успешно наносили по противнику отражающие удары. В этих боях при выходе особо отличились танковые роты старшего лейтенанта И. И. Максименко и

лейтенанта А. К. Растригина, первый артдивизион капитана Николая Ефимовича Плысюка, зенитная батарея старшего лейтенанта Черняева.

4 июля при подходе передового отряда и 16-го авангардного мотострелкового полка от командира бронеразведки роты А. Ф. Смирнова стало известно, что переправа южнее города на реке Осколе занята подвижной группой врага и удерживается огнем с восточного берега.

К этому времени нам было доложено, что вторая группа танков преследует арьергардный 6-й мотострелковый полк, не вступая в активные действия.

На основании полученных данных мы пришли к выводу: очевидно, противник стремится одновременным ударом подвижных танковых групп с запада и востока разгромить главные силы дивизии на реке Осколе.

Чтобы исключить одновременный удар врага, принято решение разбить группы противника каждую в отдельности. Командующему артиллерией В. К. Потанину поставлена задача: скрытно организовать засады силой артдивизиона и батареи противотанковых орудий, при попытке врага нанести удар в хвост колонны главных сил дивизии ударить по нему из засад.

Второе — одним дивизионом, батареей противотанковых орудий и ротой танков выскочить в район переправы южнее города Старый Оскол и с ходу вступить в бой с противником, оказавшимся на восточном берегу реки Оскола. Их действия поддержит передовой отряд авангардного полка. В бою, тем более в необычно сложившейся обстановке, нельзя допустить необоснованных сомнений в себе, колебаний, упустить время. Максим Горький сказал: «Талант — это вера в себя, в свои силы!» (В данном случае и в силы подчиненных тебе войск.)

Выход нашей артиллерии и танков враг с противоположного берега встретил огнем из танков. В результате боя было подбито 4 легких и 2 средних вражеских танка. Танки врага отошли в ожидании удара танков с тыла. Но такого удара у врага не получилось. Саперный взвод передового отряда приступил к разминированию переправы.

Бронеразведота и передовой отряд авангардного полка, переправившись, выполняют свою задачу. Авангардный полк на восточном берегу занял оборону, имея задачу обеспечить проход колонны главных сил дивизии.

С приближением колонны к переправе танки и бронемашины врага появились с фланга и стали нажимать на главные силы дивизии. Но противотанковая батарея дивизи-

зиона капитана Перцева и танковая рота Т-34 батальона старшего лейтенанта Филатова от рубежа к рубежу, оказывая из засад упорное сопротивление, подбив два танка и бронемашину, не дали возможности противнику нанести удар по колонне. Враг увлекся борьбой с тыльным охранением и неожиданно оказался под огнем прямой наводки дивизиона и танковой роты из засады.

Внезапность ошеломила противника. Оставив на поле боя восемь танков и бронемашину, он уклонился в юго-западном направлении. Когда главные силы заканчивали переправляться на противоположный берег, передовой отряд авангардного полка и бронеразведроты завязали бой с противником в Сорокино.

С вводом главных сил дивизии в бой, который длился несколько часов, враг в деревне Сорокино был разгромлен. Особенно отличились воины 28-го мотострелкового полка майора Я. В. Закревского и 10-го арtpолка В. А. Чепова.

Тяжело было преодолевать водные рубежи без штатных средств переправы и вести бой с противником еще и потому, что над переправами, колоннами и боевыми порядками частей почти все светлое время суток висела его авиация.

Надо отдать должное солдатам, сержантам и офицерам дивизии, они смело вступали с нею в бой. Так, например, зенитчики роты ПВО лейтенанта С. Н. Литовчика младший лейтенант И. А. Стаехе и расчет сержанта П. О. Левченко сбили по «юнкерсу», а расчет сержанта Середы уничтожил бомбардировщик, один самолет сбил из ручного пулемета командир взвода С. С. Пугачев. Наши зенитчики тоже несли потери. Пали смертью храбрых командир роты ПВО С. Н. Литовчик и комсорг подразделения И. П. Сокирко.

В особенно тяжелых условиях оказался аррьергардный 6-й мотострелковый полк. В бою, который в полуокружении шел до ночи 5 июля, личный состав, увлекаемый комиссаром полка, дрался насмерть. Смертью храбрых пал в нем старший батальонный комиссар Ефим Анатольевич Лелюк.

Уничтожив часть орудий, только в ночь на 6 июля, овладев переправой в районе Новиково, капитану Турянскому удалось вывести подразделения полка и влиться в главные силы дивизии.

А какие картины, невообразимые, страшные своей драматичностью, можно было наблюдать на переправах, где

скапливались большие массы людей и боевой техники! Тот, кто участвовал в боях под Киевом, Смоленском и Ельней летом 1941 года, уже видел подобное. И тогда тысячи людей, гонимые пожаром войны, покидали родные места и уходили из родных мест.

Когда части дивизии с арьергардными боями подошли к Дону в районе населенного пункта Коротояк, на западном берегу реки уже был противник. Начальник инженерной службы дивизии доложил: переправа слабенькая, к тому же нет порядка. Все кричат, угрожают друг другу расправой, а толку никакого.

А войска на берегу все накапливались. Естественно, что это не ускользнуло от вражеской авиации, и когда появились пикирующие бомбардировщики врага, дело еще более усложнилось.

А ведь во многом повинны те, кто первым сюда пришел и не принял мер по обеспечению порядка. Как и на фронте, когда находишься во втором эшелоне армии, трудно судить о размерах и ожесточенности сражения на переднем крае, так и здесь, находясь где-то на подходе к переправе, трудно судить об истинных размерах бедствия на ней.

Чем ближе мы подходили, тем запутаннее, непоправимее становилось положение переправляющихся. Все стремились как можно ближе оказаться к переправе, и в силу напора задних машин на передние и движения между ними масс людей, все было уже так тесно и перепутано между собой в самых невероятных положениях, что не было уже никакой возможности привести войска в какой-то порядок иначе, как постепенно направлять их вперед.

Офицеры, ведавшие переправой, уставшие от бессонницы, от пыли, осипшие от ругани, доведенные до огромной степени нервной усталости, все же продолжали свою титаническую работу. Что-либо другое, кроме того, что принимали эти люди, вряд ли можно было сделать.

На основании данных разведки было принято решение захватить переправу в районе Уриво-Покровское. Туда и были направлены основные силы дивизии и некоторые части 21-й армии.

Подготовительная атака на рассвете 7 июля вначале проходила успешно, враг был отброшен. Переправа пошла полным ходом. С подходом танков и мотопехоты врага с целью срыва переправы наших войск, вновь завязался бой. В схватку вступили 6-й и 16-й мотострелковые полки при поддержке 10-го арtpолка дивизии. Все бойцы,

но особенно артиллеристы, проявили образцы мужества и высокого воинского мастерства.

Батарея старшего лейтенанта Константина Ведрова 10-го артполка подпустила вражеские танки на дальность прямого выстрела и открыла огонь. Расчеты сержантов А. И. Кошубы, И. М. Расткина, младшего сержанта М. С. Султанова, ефрейтора Н. К. Пархоменко били по танкам. У панорамы орудия — наводчик, комсомолец узбек Магды Султанов. Вот уже горит головной танк. Следела башня со второго. Волчком перевернулся и встал поперек дороги третий, четвертый, пятый, шестой... А всего орудие подбило восемь танков. Магды Султанов был ранен, но продолжал борьбу с врагом. Мастерство Султанова, помноженное на мужество, принесло сверхожидаемый успех. Подполковник В. К. Потанин по-отечески обнял истребителя вражеских танков, поблагодарил за верность воинскому долгу. За героизм, бесстрашие в борьбе с немецкими захватчиками Магды Султанов удостоен ордена Красного Знамени.

Награждены были и другие. На батарею 16-го мотострелкового полка старшего лейтенанта С. Г. Кракасьянца шли четыре немецких танка, за ними пехота. Подпустив на верный выстрел, расчет сержанта Н. Д. Евстигнеева третьим выстрелом зажег вражеский танк. Евстигнеев был ранен, орудие принял наводчик младший сержант В. И. Кудинов. Ему удалось подбить еще один танк и остановить врага.

Как ни старался противник вернуть себе переправу, дивизия прочно удерживала ее за собой.

В одной шеренге с артиллеристами стояли бронейщики и пулеметчики. Пулеметным расчетам Н. К. Кардаша, Д. П. Ериги было приказано остаться на берегу реки для прикрытия фланга 8-й роты 16-го мотострелкового полка. Бронейщик Т. Симовонян тут же избрал позицию. На пулеметчиков двигалось два танка и два взвода автоматчиков. Кардаш и Ериг пулеметным огнем отсекали автоматчиков, а Симовонян подпустил танк на убойный выстрел и подпалил его.

Вечером 8 июля 8-я мотострелковая дивизия переправилась на восточный берег Дона.

После неоднократных схваток с гитлеровцами дивизия вышла из окружения и к 10 июля сосредоточилась в районе Бутирлиновки на реке Медведица.

Солдаты шли размеренно, переставляя тяжелые, свинцовые ноги. Казалось, уже нет сил сделать и сотню шагов,

а они шли и шли... Потные, усталые, с пустыми вещмешками, пригнувшись под тяжестью оружия.

Когда объявляли привал, валились там, где заставала команда. Сон не разбирал места. Засыпали сидя, прислонившись спиной к дереву или пеньку. Фыркали танки, стучали трактора, грохотали повозки, а солдаты спали тяжелым, непробудным сном. Их кусали комары, мухи ползали по лицам. Солдаты спали.

С выходом в район сосредоточения 14 июля 1942 года директивой командующего Юго-Западным фронтом 8-я мотострелковая была переименована в 63-ю стрелковую дивизию. Изменилась и нумерация ее частей и подразделений.

Позднее Военный совет 21-й армии, характеризуя боевые действия 63-й стрелковой дивизии за время отступления, доносил Военному совету Донского фронта: «В июле 1942 года в период общего отхода армии с рубежа р. Северского Донца 63-я стрелковая дивизия, находившаяся на правом фланге и оказавшаяся арьергардом армии, с первых же дней попала в исключительно тяжелую обстановку. Под угрозой полного окружения превосходящими силами противника командование дивизии сумело вывести личный состав и боевую технику.

Ведя ожесточенные бои, части дивизии уничтожили более 2000 солдат и офицеров противника, 26 танков, 4 бронемшины, 17 минометов, 8 орудий и сбили 5 самолетов»*.

Успешный выход дивизии в столь сложной обстановке был обеспечен упорством и решительностью действий личного состава, партийно-политической работой, которая велась непрерывно и целеустремленно. С особой благодарностью вспоминаю комиссара П. Г. Коновалова, начальника политотдела дивизии Н. В. Вадехина.

Командиры частей и подразделений в самых тяжелых условиях боя не теряли управления войсками и личного общения с людьми. Все это положительно сказалось на выполнении задачи выхода из окружения.

Противник, имея превосходство в силах, не один раз пытался охватить колонны с флангов, окружить и уничтожить на водных рубежах, но это ему не удалось.

Впоследствии бывший командир 586-го полка Герой Советского Союза полковник И. М. Некрасов, который после двух тяжелых ранений был назначен офицером свя-

* ЦАМО, ф. 305, оп. 5111, д. 4, л. 7.

зи Генерального штаба при 21-й армии, рассказывал, как решался вопрос о нашей 8-й мотострелковой дивизии на Военном совете армии. Возможность выхода дивизии исключалась. Но дивизия вышла в готовности выполнять новые боевые задачи. Иной, не искушенный в военном деле человек, может посчитать, что отступление дело более простое, чем наступление. Нет, это совсем не так. Отступающий всегда находится в менее выгодном положении, его по пятам преследует противник, а если он еще сильнее тебя и стремится разобщить, окружить, то и того хуже.

Это одна сторона дела. Другая — моральный фактор. Отход, отступление всегда действует на человека угнетающе. У наступающего бойца совсем другое положение — бодрое, победное. Он хозяин положения, рвется вперед, и это еще больше придает ему сил. Поэтому отступление, выход из окружения является одним из сложных видов боя, это сложнейший маневр: надо уметь вывести свои войска из-под носа врага, обмануть его, при этом не только сохранить, но и накопить силы для нового неожиданного удара. И все это в условиях, когда инициатива находится в руках противника. В эти до предела напряженные дни выхода из окружения дивизии, Коновалов рассказал мне, как они с полковником Ф. М. Мажириным выводили четвертую дивизию войск НКВД из-под Киева через аэродром Борисполь на Харьков.

— Однажды один из офицеров доложил мне, что они поймали гада, который среди солдат вел агитацию: «Хватит в лесу сидеть, идите к немцам. Они хорошо принимают сдавшихся»: И вот я перед собой увидел человека в форме советского лейтенанта. Требую: «Ваши документы!».

— Вот мой партийный билет, а вот удостоверение личности. Я работник особого отдела... В данном случае, о котором идет речь, я интересовался настроением бойцов.

Я, внимательно просмотрев документы, получив неудовлетворяющие меня ответы на ряд вопросов, пришел к выводу, что этот человек и документы не внушают доверия. Оказалось — самый настоящий шпион, посланный к нам немецкой разведкой. Затем привели еще несколько человек, также в нашей красноармейской форме, у которых были обнаружены листовки. В них говорилось: «Москва, Харьков взяты! Немецкие войска под Ростовом!».

Разоблаченных диверсантов мы расстреляли перед строем.

— Да, Павел Георгиевич! Это были сентябрь—октябрь 1941 года, а сейчас июль 1942 года, и мы тоже выходим из окружения. Мы должны при любых обстоятельствах, пробиваясь вперед штыком, гранатой, вывести войска из окружения. А кто погибнет — погибнет солдатом великой Родины.

Уже после выхода из окружения как-то полковник Иван Михайлович Некрасов передал мне его разговор с П. Г. Коноваловым.

— А ты все такой же, каким я знал тебя под Ельней. Отрадно слышать мне было такое о тебе. Правильно поступал. Решительно вступал в бой с любой силой врага и выигрывал.

Говорят, плохое забывается скоро, исчезает из памяти бесследно, а радость — никогда. А вот это, испытанное нами, забудется ли оно? Тогда, когда тебе, мужчине в самом расцвете сил, говорит пожилая женщина: «Стыдно!». Ты бежишь, покидаешь ее, больную, слабую. А эта женщина, похожая на твою родную мать, — забудется ли эта горькая явь?..

После таких встреч мы шли дальше почти без разговоров. Хмурые и злые. Злые на себя, злые на весь белый свет.

Дон! Дон! Твои крутые берега заставили меня повзростеть на целое столетие.

Более трех месяцев босв, переправ в четырех направлениях научили меня распознавать людей, понимать суровую жизнь, разбираться в самом себе.

Тут бушевал огонь, лилась кровь, косила людей смерть, а я уверовал в человека, полюбил его до боли в сердце. Сейчас во всей земной красе встают передо мной образы воинов, моих боевых товарищей: недосыгаемой высоты богатырь Николай Александрович Король; другого склада, но вылитый из того же сплава Магды Султанович Султанов, Полевченко, С. С. Пугачев, И. П. Сокирко. И рядом с ними командир батальона капитан И. К. Ступлиц, командир дивизиона майор А. Е. Плысюк, комиссары полков Е. А. Лелюк, В. И. Еремин, И. В. Захаров, И. Н. Горшков.

Нет, мне никогда не забыть героики солдат в преодолении Дона, как и многих других водных преград, под огнем врага с земли и воздуха.



Главное — выиграть время

После поражения немцев под Москвой на фронте наступило временное затишье. Обе стороны на некоторое время перешли к обороне.

Директивой № 41 от 5 апреля 1942 года Гитлер предусматривал нанести удар на южном крыле советско-германского фронта, захватить Кавказ и выйти к Волге, отрезать от Советского Союза богатые промышленные и сельскохозяйственные ресурсы (в первую очередь кавказскую нефть), занять господствующее стратегическое положение, а затем вновь атаковать Ленинград и Москву.

Из этого видно: какую бы новую операцию ни готовил Гитлер, он никогда не забывал о Ленинграде.

Ни на одну из операций после злосчастного «Тайфуна» Гитлер не возлагал столько надежд, сколько на это свое «второе наступление» на юге, начавшееся 1 июля 1942 года под кодовым названием «Блау».

В первоначальном варианте немецкого наступления предусматривалось одновременное нанесение двух ударов. Но Гальдер и Йодль убедили Гитлера, что вести «генеральное» сражение одновременно на двух направлениях немецкая армия уже не в силах.

Чтобы сохранить в тайне направление главного удара в летнем наступлении 1942 года, обеспечить его скрытность, генеральный штаб сухопутных войск Германии решил создать впечатление, будто немецкие войска развернут наступление на западном направлении в целях разгрома центральной группировки советских войск и захвата Москвы. Весной 1942 года советское Верховное Главнокомандование наиболее вероятным направлением главного удара вермахта считало московское, хотя не исключало возможности одновременного наступления на Москву и из Донбасса — на Ростов и Кавказ. Военные действия, развернувшиеся на советско-германском фронте в мае—июне 1942 года, внесли соответствующие коррективы. Предположение Верховного Главнокомандования о нанесении противником главного удара на московском направлении не подтвердилось. Вермахт наступал только на южном крыле фронта.

В конце июня противник начал более широкие наступательные действия против войск Юго-Западного фронта. Положение их на воронежском направлении резко ухудшилось. К середине июля, отбросив наши войска за Дон от Воронежа до Клетской и от Суровикина до Ростова, войска противника завязали бой в излучине Дона. Так началась историческая битва под Сталинградом.

Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и на Северный Кавказ, угроза потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом, потери важнейшего экономического района.

И тогда Сталин издал приказ. Самый суровый из тех, которые адресовались Советской Армии за все годы войны. Приказ Верховного Главнокомандующего № 227 определялся тремя короткими словами: «Ни шагу назад!».

Этот приказ обращался со словами гневного упрека к тем, кто проникся мыслью, что возможности для отступления безграничны, напоминал им о муках вражеской оккупации, на которые обрекает советских граждан отступление Советской Армии. Требовал объявить решительную борьбу трусам, паникерам и всем иным нарушителям воинской дисциплины. В основе этого приказа лежала убежденность в том, что у Советской Армии имеются объективные возможности не только противостоять врагу, не только мужественно обороняться, но и наступать, бить захватчиков так же, как они уже были биты под Москвой.

Моральное воздействие приказа № 227 на войска было огромным. Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации разъясняли его воинам применительно к их боевым задачам. Этот приказ еще раз подтвердил громадное значение морального фактора для хода и исхода вооруженной борьбы*.

Развернулись тяжелые оборонительные бои на подступах к Сталинграду. 12 июля был создан новый, Сталинградский фронт, в состав которого вошла и 21-я армия. Задачей нового фронта было остановить противника, не допустив его выхода к Волге, и прочно оборонять рубеж по реке Дону от Павловска до Клетской и далее по линии Клетская — Суровикино — Суворовский — Верхнекурмоярская**. 21-я армия, куда входила 63-я стрелковая дивизия, заняла полосу обороны северо-западнее Сталинграда от

* История второй мировой войны 1939—1945 гг. М., Воениздат, 1973—1982, т. 5, с. 167.

** Там же, с. 157.

реки Медведицы до станицы Клетской. Справа 63-я армия, слева — 62-я. Против этих армий действовала 6-я армия врага, значительно усиленная. К 22 июля в ее составе оказалось 18 хорошо укомплектованных и технически оснащенных дивизий. Это была главная ударная группировка врага, нацеленная на Сталинград.

Гитлер и его генералы, усиливая напор, все еще надеялись сломить сопротивление наших войск. Несмотря на огромные потери, они изо всех сил рвались к городу. Особенно усердствовала их авиация. Фашисты хотели потопить город в крови, вызвать среди населения панику, страх, чтобы все-таки овладеть городом и выйти к Волге.

День 23 августа был для сталинградцев беспредельно тяжелым. Но вместе с тем он показал врагу, что стойкость и героизм наших людей, их выдержка и беспримерное мужество, воля к борьбе и вера в победу ничем не могут быть поколеблены. Это было результатом той большой воспитательной работы, которую вела Коммунистическая партия с советскими людьми в мирные годы, которую в дни тяжелых испытаний продолжали вести партийные, комсомольские, профсоюзные организации, наши командиры и политработники.

В это время основные бои на Сталинградском фронте шли южнее, в полосе 62-й и 64-й армий. Войска 21-й армии имели задачу решительными наступательными действиями не дать возможности врагу подводить свежие силы, не допустить их подхода к Волге с северо-запада и тем самым оказывать помощь защитникам города.

63-я стрелковая дивизия 30 июля занимала оборону на левом берегу Дона севернее Серафимовича. Западнее города оборонялась 304-я, левее 124-я стрелковые дивизии.

Согласно приказу командующего генерала А. И. Данилова 63-я дивизия имела задачу во взаимодействии с 304-й и 124-й дивизиями расширить плацдарм на правом берегу Дона южнее Серафимовича.

291-й и 346-й стрелковые полки, переправившись на противоположный берег, не успели занять исходное положение и увязать свои действия с соседями. Противник, разгадав наш замысел, сосредоточил основные усилия против 304-й дивизии, потеснил ее и занял г. Серафимович.

В результате главные силы 63-й и 124-й дивизий оказались отрезанными от переправы, не имея связи с тылом обеспечения. Сложившаяся обстановка требовала принятия срочных мер.

Командарм приказал вводом 226-го полка 63-й стрелковой дивизии и отошедшими 807-м и 809-м полками 304-й дивизии, переправившись, выбить врага и восстановить положение. В ночь на 2 августа 226-й полк во взаимодействии с полками 304-й дивизии с юго-запада ворвались в город, но удержать его и на сей раз не удалось.

Противник не мог примириться с нахождением наших войск на правом берегу Дона, угрожавших его флангу с севера. Подтянув резервы, создав численное превосходство в живой силе и технике, он предпринял ряд контратак, в результате ему удалось отбросить наши войска и 3 августа вновь овладеть городом.

Сложившаяся обстановка на правом берегу Дона требовала ввода в бой всего личного состава, всех видов оружия. Решили, сделав соответствующую перегруппировку сил, увязав взаимодействие со 124-й дивизией и 346-м полком, при поддержке 124-го арtpолка майора В. А. Чепова, атаковать во фланг и отбросить врага. После артиллерийско-минометного налета, использовав ружейно-пулеметный огонь, личный состав, возглавляемый командиром полка майором Я. В. Закревским и батальонным комиссаром Н. В. Захаровым, поднялся как один. Враг не выдержал удара штыка русского солдата и с большими потерями отступил.

Эта победа досталась нам кровью и большими жертвами, пали в числе других смертью храбрых командир и комиссар полка.

Можно ли перечислить все героические боевые действия солдат, сержантов и офицеров? Назову только некоторые эпизоды: 3 августа рота автоматчиков младшего лейтенанта Н. Н. Смирнова, пулеметный взвод младшего лейтенанта Т. В. Барабаша, стрелковый взвод младшего лейтенанта В. В. Карпухина, прикрывая отход подразделений 226-го полка ружейно-пулеметным огнем, уничтожая одну за другой атакующие цепи врага, несли большие потери. Многие из них отдали жизни, в том числе лейтенанты Карпухин и Барабаш. Но они свой долг выполнили, обеспечили выход подразделений полка.

Под руководством комиссара того же полка майора В. Н. Еремина лейтенант В. Ф. Желтухий, замполитрук Г. Г. Ворончихин под смертельным огнем противника вплавь переправились на левый берег Дона, отыскивали и доставили лодки, на которых санинструктор Елена Розенбаум под губительным огнем противника переправила 15 раненых бойцов.

Переправу раненых от наседавших групп фашистов, хорошо замаскировавшись, обеспечивали автоматчики — старший сержант Ф. Б. Степанов и рядовой С. С. Максимович. Они не раз подвергались окружению, но уверенно, до конца выполняли поставленную перед ними задачу.

Надо сказать, что решительность действий воинов 63-й дивизии в ту пору смертельной опасности вызывалась жизненной необходимостью. В авангарде всех событий боя стояли коммунисты и комсомольцы, в том числе командир и комиссар 346-го полка. Все эти воины за героизм и мужество были удостоены правительственных наград.

С потерей города Серафимовича, хутора Бобровского наши войска лишились почти всех населенных пунктов на правом берегу Дона, за нами оставались лишь небольшие клочки земли*.

5 августа части 63-й дивизии юго-восточнее хутора Бобровского перешли к обороне и упорно сдерживали противника до 10 августа. Враг не раз пытался сбросить нас в реку, но все его попытки не увенчались успехом.

Сражение в большой излучине Дона принимало весьма напряженный характер. Если противнику и удавалось продвинуться вперед, то темп его наступления был не таким, на который рассчитывало немецкое командование, к тому же оно стоило больших потерь.

Командующему 21-й армией генералу А. Н. Данилову было ясно, что оборона юго-восточнее хутора Бобровского потеряла всякое тактическое значение. В связи с этим по его приказу части 63-й дивизии перебрасывались на левый берег Дона.

Прикрытие переправы частей и подразделений возлагось на опытного командира 291-го стрелкового полка подполковника П. С. Бабича.

Этого враг не мог не заметить и не раз пытался атаковать на водном рубеже, но шквальным ружейно-пулеметным, минометным огнем и контратакой батальона капитана И. К. Стулина при поддержке 1-го дивизиона 26-го артполка капитана Н. Е. Плысюка эти попытки сорвать переправу были отражены с большими потерями для противника.

В ночь на 11 августа 63-я дивизия успешно переправилась и была брошена на левый фланг 21-й армии, в район населенных пунктов Лебяжий и Казиновский, имея задачу 17 августа овладеть хуторами Мело-Клетский и Мело-Меловский (на правом берегу Дона) и прилегающими к

* ЦАМО, ф. 335, оп. 5113, д. 129, л. 170.

ним высотами, а также перехватить дорогу, дабы упредить возможность выхода противника на фланг 1-й гвардейской армии, которая имела задачу с 21-й и 62-й армиями разгромить противостоящие вражеские войска, обеспечивающие левый фланг 6-й немецкой армии.

С выходом 63-й дивизии в район Лебяжьего, Казиновского мы стали размышлять, как лучше организовать выполнение поставленной задачи. По указанию начальника штаба дивизии подполковника П. Н. Прихно командующий артиллерией полковник В. К. Потанин, начальник разведки майор С. С. Бессонов и командиры частей организовали разведку наблюдением и захват пленного.

За дело взялись саперы 170-го саперного батальона капитана Н. Г. Баклана и саперные роты полков.

Заместитель по тылу подполковник интендантской службы П. Е. Конанчук принимал меры по обеспечению наступательных действий дивизии всем необходимым. Трудностей было хоть отбавляй, а тут еще дополнительные выявились: барханы сыпучих песков прямо-таки отрезали нас от станций снабжения, которые находились за 75—100 километров.

Лошади и автотранспорт за одну поездку выводились из строя. От водителей и ездовых требовались большие усилия. Выбываясь из сил, они делали все в пределах человеческих возможностей. Мы не помним, чтобы кто-нибудь хоть словом обмолвился о трудностях. Пусть это был не боевой, но настоящий человеческий подвиг. Должен отметить, что на настроении бойцов положительно сказалась политико-воспитательная работа политотдела дивизии.

Мы получили указание о заготовке продовольствия на местах. Но продовольствие — это ведь одна сторона снабжения. Другая, еще более важная — обеспечение дивизии всеми видами боеприпасов, к тому же надо эвакуировать раненых.

Решением Военного совета армии дороги были восстановлены, и дивизия нашла возможность почти полностью обеспечить себя всем необходимым для активных действий. Данные инженерной разведки позволили наметить пункты переправ на участке форсирования. Разведчиком 226-го полка сержантом Н. А. Королем был захвачен пленный 376-й немецкой пехотной дивизии, от которого стало известно, что хутор Мело-Меловский и прилегающие безымянные высоты одно из слабых мест обороны противника.

Оценив обстановку, приняли решение с наступлением темноты передовыми отрядами захватить плацдарм с

целью обеспечения переправы главных сил дивизии. К 18 часам вся артиллерия должна быть готовой к бою на правом берегу Дона.

Задачи были поставлены следующие: 226-му передовому батальону овладеть хутором, а главным силам — высотой безымянной; 291-му передовому батальону выйти северо-восточнее хутора Мело-Меловского, а главным силам перерезать дорогу, идущую вдоль Дона, и прикрыть фланг первой гвардейской армии.

Начальнику связи дивизии капитану В. Н. Настечнику обеспечить двухканальной связью управление войсками.

С наступлением темноты передовые отряды полков капитанов В. Т. Широкумова и Н. Л. Лискунова форсировали реку и в решительном коротком бою сбили боевое охранение, захватили плацдарм и при помощи артогня обеспечили переправу главных сил полков.

18 августа после короткой массивированной артиллерийской подготовки с боем продвигались вперед. В первой половине дня дивизия выполнила поставленную задачу. Овладела хуторами Мело-Клетский, Мело-Меловский, безымянной высотой, перерезала дорогу и не допустила выхода врага на фланг 1-й гвардейской армии. С целью восстановления потерянного рубежа обороны противник силою до батальона с танками атаковал 226-й полк. 291-й полк был атакован такой же силой при поддержке дивизиона артиллерии среднего калибра.

Воины подразделений полков, огнем отрезав пехоту от танков, выдержали натиск врага. В это время 1-я гвардейская армия нанесла удар в направлении Ближней Перекопки. Расширение плацдарма на правом берегу Дона положительно сказалось на действиях 63-й стрелковой дивизии.

19 августа враг дважды бросался на наш передний край — сначала десятью, а затем 30 танками с пехотой, чтобы сбить подразделения 226-го и 291-го полков с занимаемого рубежа. До танков оставалось 400—500 метров. Батальонная и полковая артиллерия открыла огонь и подбила 4 вражеских танка. На переднем крае обороны полков находились расчеты противотанковых ружей, в том числе и расчет А. А. Мельникова, которые и приняли на себя удар прорвавшихся танков. Мельников с В. Олениным следили за приближением танков. До головного осталось 300 метров... Выстрел! Танк задымился, а пехота, идущая за машинами, отсекалась пулеметным огнем. Потеряв еще два танка, до взвода автоматчиков, враг отошел.

С утра 20 августа и весь день румыно-фашистские войска, сменившие подразделения 376-й немецкой пехотной дивизии, одну за другой повторяли атаки, но ни одна из них не достигла своей цели. Необходимо отметить действия 26-го арtpолка подполковника В. А. Ченова, в частности артиллеристов 1-го дивизиона капитана Н. Е. Плысюка, батальон 291-го полка капитана И. К. Стулина. Особенно отличились воины 226-го полка майора Г. Г. Пантюхова. Батарея старшего лейтенанта Н. Ф. Гусева, маневрируя огнем и колесами, уничтожила 3 танка и до взвода пехоты. Расчет сержанта В. Н. Маймолина подбил два вражеских танка. Сержанты Л. К. Метелев, П. Н. Крюк и В. Ф. Оленин подбили еще три танка врага. Чтобы удержать захваченный рубеж, в бой вводится 346-й полк майора И. Ф. Юдича. Воины полка с ходу контратаковали, отбросив врага, и заняли оборону на левом фланге 291-го полка в готовности развить наступление и не допустить выхода противника в тыл дивизии.

С утра 21 августа с целью расширения плацдарма дивизия возобновила наступление, но успеха не имела. Враг не только оказал сопротивление, но и предпринял яростные контратаки. Два дня шли бои с превосходящими силами противника, наши атаки сменялись контратаками вражеских войск, не раз доходило до рукопашной схватки. Особенно трудные бои пришлось выдержать 4-й роте 346-го стрелкового полка лейтенанта П. С. Лисового. Личный состав дивизии дрался стойко и мужественно. Как показали пленные офицеры, в этих боях они потеряли около 2100 солдат, офицеров, больше десятка танков. Это же 24 ноября 1942 года мне подтвердил пленный командир корпуса генерала Стэнеску.

22 августа командующий 21-й армией генерал А. И. Данилов приказал дивизии перейти к обороне и прочно удерживать захваченный рубеж. Для этого в первую очередь необходимо было укрепить правый фланг 226-го и левый фланг 346-го стрелковых полков, полкам иметь подвижные отряды заграждений. Полковнику В. К. Потанину необходимо было подготовить заградительные огни на флангах и стыках полков и с соседом справа, а также на основных направлениях действий врага. 170-му саперному батальону и саперным ротам полков установить противотанковые и противопехотные минные поля.

24 августа в распоряжение командующего 6-й немецкой армии генерала Паулюса следовала 100-я Восточно-Прусская дивизия генерала Занне. Несколько позднее от Занне

мне стало известно, что он имел задачу отбросить войска русских на левый берег Дона и восстановить положение частей генерала Стэнеску. Эту задачу генерал Занне решил выполнить танковым батальоном при поддержке артиллерии. Появление танков врага с десантом мы обнаружили вовремя, и поскольку их было больше, чем появлялось обычно на этом участке, стало ясно, что перед нами новая часть противника.

Посоветовавшись с командующим артиллерией, прикинув свои возможности (около 15 стволов для стрельбы прямой наводкой, ружья ПТР, минные поля, артиллерия левого берега), мы нашли, что сил на отражение танков врага хватит, хотя и маловато бронебойных снарядов. А прорвавшиеся танки можно уничтожить бутылками с горючей смесью.

Дано указание — подпустить танки противника с десантом как можно ближе. Они шли двумя эшелонами.

— Ничего, организованно встретим, товарищ полковник, опыт борьбы с танками у нас есть, — сказал полковник В. К. Потанин.

Небо было чистым. Но меня именно это и беспокоило — как бы не появилась вражеская авиация. Тогда куда сложнее будет. В первом эшелоне шло 20—25 танков, которые на ходу и во время коротких остановок вели огонь.

— Вот они ближе, ближе. По команде полковника Потанина артиллеристы из орудий, выставленных для стрельбы прямой наводкой, открыли огонь. Вскоре подала свой голос артиллерия левого берега Дона. Внезапность массированного огня нашей артиллерии ошеломила противника. Его танки усилили огонь с места. Завязалась упорная борьба.

Вот уже подбито пять вражеских танков. Загорелись еще шесть. Атака с ходу, на которую Занне рассчитывал, не удалась. Под прикрытием дымовой завесы танки стали отходить. На поле боя осталось 17 подбитых и горящих машин врага. Из них несколько танков были подорваны на минном поле и подвижным отрядом заграждения, которым командовал заместитель командира 170-го саперного батальона старший лейтенант А. А. Козин.

Не добившись успеха, генерал Занне решил ввести авангардный полк при поддержке артиллерии дивизии. Но и на этот раз враг со значительными потерями от артиллерийско-минометного огня дивизии и решительной контратаки полков первого эшелона был отброшен.

В отражении врага в этот раз отличились: 5-я батарея

старшего лейтенанта Е. Терезова, дивизион капитана Д. А. Тыквича 26-го арtpолка, орудие сержантов М. В. Васильева и Магды Султанова, минометная рота старшего лейтенанта А. Н. Усенко 226-го стрелкового полка, пулеметчик 291-го полка сержант В. В. Смирнов, личный состав стрелковой роты старшего лейтенанта Сомова и батареи лейтенанта П. К. Лепина 346-го полка, командир отделения разведвзвода И. Т. Мельник и другие.

Как ни тяжело было, а настроение личного состава дивизии оставалось боевым. Так, 27 августа 346-й полк майора И. Ф. Юдича овладел хуторами Малые Ярki и Ярковский.

Ни в августе, ни позже врагу так и не удалось отбросить на левый берег Дона части 63-й стрелковой дивизии, словно вросшие здесь в землю. Непрерывно атаковавший враг встречал стойкую, организованную, маневренно-управляемую оборону частей дивизии.

Вскоре закрепленную полосу обороны от 63-й стрелковой дивизии приняла 321-я стрелковая дивизия генерал-майора И. А. Макаренко. Докладывая командующему 21-й армией о сдаче полосы обороны и выходе дивизии на левый берег Дона, я попросил для личного состава дивизии отдых на три—четыре дня, чтобы пополниться всем необходимым, дать бойцам помыться и провести с офицерским составом минометных рот, батальонов стрелковых полков и минометного дивизиона учебные сборы. Минометы — грозный вид оружия и лучше обеспечиваются минами, считал я. А в данном случае минометный огонь по пехоте эффективнее артиллерийского, особенно при подавлении противника в окопах, траншеях, складках местности и при отражении атак.

Командующий дал свое согласие, но предупредил:

— Высота 163,3 северо-восточнее станицы Распопинской занята противником, все попытки 304-й стрелковой дивизии захватить ее успеха не дали, а с этой высоты хорошо просматривается зеркало Дона и наш тыл на левом берегу на 15—18 километров. Это одно. И второе: посоветуйтесь с Меркуловым, как лучше овладеть этой высотой.

В тот же день по моему указанию начальник штаба дивизии, командующий артиллерией, начальник разведки и командиры полков в полосе 304-й стрелковой дивизии организовали разведку наблюдением. Дивизионный инженер занялся изучением участков и пунктов форсирования, подготовкой средств переправы и разведкой проходов в минных полях.

Приведя личный состав в порядок и проведя учебные сборы офицеров минометных подразделений, мы принялись за изучение разведанных штаба 304-й дивизии и личного наблюдения офицеров своей дивизии. Учли и информацию командира 304-й дивизии С. Л. Меркулова о том, что его дивизия не раз наступала на высоту, занятую превосходящими силами противника. И каждый раз штурм не давал должных результатов, оборона противника проходит по выгодному для него рубежу, в то же время тыл 304-й дивизии отрезан Доном.

Тщательно изучив все данные, решили просить командующего армией дать указание провести разведку боем одним из подразделений 304-й дивизии, чтобы скрыть появление нашей дивизии на этом участке фронта. Генерал Данилов дал свое согласие.

— Товарищи командиры, мы только что вернулись с Военного совета армии. Дивизии поставлена задача наступать!

Начальник штаба не поверил своим ушам:

— Не может быть!

Командир 346-го полка спросил:

— С кем же, товарищ полковник, наступать?

Я сочувственно посмотрел на майора Юдича и ответил твердо:

— И все равно будем наступать. С тем, чтобы не дать возможность немцам снимать войска с этого участка фронта и перебрасывать под Сталинград. Поймите, не одним нам тяжело, все дивизии армии ведут наступление на пределе своих возможностей. Своим наступлением мы должны сорвать планы врага. Комиссар П. Г. Коновалов уже занимается пополнением стрелковых рот за счет тыловых подразделений и штабов. Эти люди обстреляны и будут драться не хуже других. А в тылах и штабах до пополнения поработают двое за троих, а то и один за двух, как это делают в ротах и батареях.

Комиссар дивизии продолжил мою мысль:

— Товарищи, мы знаем, как вы и солдаты устали. Но под Сталинградом решается наша общая судьба. Разъясните это всем, и люди нас поймут. Коммунистам и комсомольцам надо первыми подниматься в атаку и вести других за собой.

А в это время полным ходом велась подготовка средств форсирования. Как много добрых слов хочется сказать о саперах, этих бесстрашных бойцах, которые, независимо от характера боевых действий, всегда были впереди, всегда в

самом пекле, на самом опасном участке. И действительно, готовятся подразделения к обороне — саперы тут как тут: роют траншеи, окопы, эскарпы, наблюдательные пункты, блиндажи, укрытия, часто под огнем противника закладывают минные заграждения на нейтральной полосе, опоясывают передний край колючей проволокой.

Командир саперной роты, ныне майор в отставке, Василий Николаевич Горбачев вспоминает разговор с сапером.

— Вот ты, Буршаков, скажи, какой раз мы собираемся форсировать Дон?

— Четвертый. И все на подручных средствах, кто что схватил, на том и поплыл!

— И правильно: успех достигается усилием всех и каждого. А вот теперь нам надо овладеть высотой на том берегу Дона. Командир и офицеры штаба уже две ночи не спят и в первую очередь обеспокоены переправой, которую мы должны как можно скорее закончить...

С началом разведки боем с наблюдательных пунктов мы уточняли систему огня, расположение огневых точек противника, наиболее уязвимые места обороны. Установили, что высоты северо-восточнее станицы Распопинской являются сильно укрепленными опорными пунктами, взять которые без хорошо организованного артиллерийского обеспечения невозможно. К тому же складки местности дают возможность врагу располагать часть артиллерийско-минометных батарей в местах, недосягаемых для огня нашей артиллерии. Враг имеет сильный резерв, который будет использован для отражения нашей атаки. Наш тыл отрезан рекой, и мы не имеем постоянной переправы. Могут быть перебои в обеспечении подразделений всем необходимым для боя.

Из докладов командующего артиллерией полковника Потанина, начальника разведки майора Бессонова, начальника штаба подполковника Прихно было видно, что нам после артподготовки необходимо иметь не больше двух часов светлого времени для использования звена самолетов, танкового батальона и последовательного сосредоточения артогня на главном направлении наступления, а затем нас скрывает темнота.

Эти условия боя по времени могут затруднить, а то и лишить врага возможности использовать танки, авиацию и сильный резерв. Подсчитав все плюсы и минусы, мы пришли к выводу, что для выполнения поставленной задачи — разгрома подразделений 13-й пехотной дивизии врага —

нам не достает сил и средств. Было ясно и то, что если и захватим высоту, то без средств усиления едва ли сможем ее удержать. Противник предпримет все зависящее от него, чтобы выбить нас с этого рубежа.

Доложив обстановку и свое решение командующему армией, я попросил усилить дивизию танковым батальоном, пушечным артполком и поднять звено самолетов, которое подавит артиллерийско-минометный огонь батарей в укрытиях и скорректирует огонь нашей артиллерии.

Генерал А. И. Данилов нашу просьбу удовлетворил. В ночь на 22 сентября 63-я стрелковая дивизия переправилась на правый берег Дона, сменила части 304-й дивизии на плацдарме севернее Староклетской и заняла исходное положение. 304-я дивизия выводилась в резерв.

После рекогносцировки и уточнения задач на местности я отдал приказ: боевой порядок в два эшелона. В первом 226-й и 291-й полки, во втором 346-й уступом за левым флангом 291-го полка. С обозначением успеха первого эшелона вводится в бой 647-й отдельный танковый батальон. Справа наступает 278-я стрелковая дивизия.

Считали, 63-я дивизия должна к рассвету 23-го успеть не только занять высоту с отметками 163,3 и 140, но и закрепиться в готовности отражать атаки, которые, надо ожидать, последуют одна за другой, чтобы сбросить нас с высот.

Мы ни на минуту не забывали, что за удержание данного рубежа враг будет драться смертным боем. Значит, служба обеспечения должна работать четко и надежно.

В мужестве и отваге своих бойцов мы не сомневались, каждый будет драться до последнего вздоха. Дивизия, овладев высотами, перерезает дорогу Распопинская — хутор Каряженский, тем самым содействует 278-й дивизии в захвате станицы Распопинской. А части 76-й дивизии должны захватить высоту и хутор Каряженский.

После 20-минутной артиллерийской подготовки и последовательного сосредоточения огня на направлении главного удара наступление пехоты во взаимодействии с танками стало углубляться в оборону врага, свертывая ее с правого фланга на левый.

Решительные действия солдат дали свои положительные результаты. Командиры частей докладывали: противник ошеломлен, в панике бежит, бросает на поле брани убитых, раненых и вооружение. Взято более 200 пленных, 2 артиллерийских и 2 минометных батареи, 100 станковых и ручных пулеметов, несколько сот винтовок и автоматов.

Танковый батальон и звено самолетов не дают возможности врагу опомниться и привести себя в порядок. Прорыв обороны и захват высот закончился полным разгромом частей 13-й пехотной дивизии врага.

24 ноября 1942 года пленный командир 5-го армейского корпуса генерал Стэнеску нам доложил: «В ночь на 23 сентября с наступлением темноты личный состав готовился к ужину, а тут, как гром на голову, артподготовка и ваше наступление. Мы не в состоянии были использовать силы, спланированные для отражения атаки ваших войск, нас захватила темнота ночи!»

291-й полк в тяжелой схватке с врагом овладел высотой с отметкой 140, а с вводом в бой 346-го полка и 647-го танкового батальона, продвигаясь, полки перерезали дорогу от станции Распопинской на Каряженский.

226-й полк захватил высоту с отметкой 163,3 и вышел к восточной окраине Распопинской. Западной частью станции овладела 278-я стрелковая дивизия.

В продвижении и выполнении полками задачи решающую роль сыграл огонь 26-го артполка подполковника Чепова, тяжелого пушечного артполка подполковника Телегина, танкового батальона и самолетов капитана Любавина. Только к 11 часам 23 сентября противник, оправившись от неожиданного удара, подразделениями свежей 15-й пехотной дивизии предпринял 14 атак, которые не принесли ему успеха.

И нам и противнику было ясно: кто удерживает в своих руках высоты 163,3, 140 и прилегающие к ним безымянные высоты, тот фактически является хозяином положения на этом участке фронта.

Это и предопределило в дальнейшем ожесточенность боев, которые фактически не прекращались ни днем, ни ночью. Дело заключалось не только в овладении весьма важным тактическим рубежом господствующих высот в этом районе, но и в том, что в это время немецко-фашистская армия Паулюса рвалась к Сталинграду. Именно туда гитлеровское командование решило бросить все свои резервы, сняв их с пассивных участков, так как на сталинградском направлении, по его замыслу, решалась судьба летней кампании 1942 года. Нам нужно было сковать силы врага и не дать ему возможности перебрасывать новые части под Сталинград.

Потеряв рубеж выгодных позиций, противник, разумеется, не мог успокоиться. На следующий день после короткой, но сильной артиллерийской подготовки он перешел в

атаку. Лишь с вводом 346-го полка противник был остановлен и отброшен. Таким образом, 63-я стрелковая дивизия с приданными ей частями во взаимодействии с 76-й дивизией овладела ключевыми высотами, перерезала дорогу Распопинская—Каряженский, освободила несколько ближайших хуторов. В течение пяти суток непрерывных боев дивизия отразила 38 атак и контратак, нанеся врагу большие потери. Румынско-фашистские войска только на этом участке, в полосе 63-й дивизии, за пять суток потеряли 4968 солдат и офицеров убитыми и 7853 ранеными, много боевой техники и снаряжения*.

Личный состав дивизии еще раз убедился, что фашист не так страшен, как он себя стремится показать, и что если на него нажать как следует, то он побежит без оглядки. Но в том-то и дело, что силенок для того, чтобы нажать на врага, пока у нас как раз и не хватало.

25 сентября противник потеснил подразделения 226-го полка и ему почти удалось достичь вершины высоты 163,3, которую упорно обороняли 1-я и 4-я роты. Части генерала Стэнеску вновь начали операцию по захвату высоты 163,3 и юго-западных скатов высоты безымянной.

С рассветом 25 сентября на подступах к высоте загрохотали артиллерийско-минометные разрывы. Одновременно на высоту, где находился командно-наблюдательный пункт командира 226-го стрелкового полка майора Г. Г. Пантюхова, сыпались авиабомбы.

Мне было приказано командующим армией о любых активных действиях врага докладывать ему лично. При докладе генерал потребовал: «Следи за правым флангом».

Через некоторое время я снова связался с командующим и доложил, что активный артобстрел врага продолжается и, судя по гулу моторов, он готовит танки на том же участке — видимо вновь намеревается овладеть высотой в лоб. Генерал внимательно слушал, и когда я закончил, сказал: «Возможно, и так, а все же следи за своим правым флангом». Артиллерийско-минометный обстрел закончился так же внезапно, как и начался. И сразу же пехота противника поднялась и устремилась к высоте в атаку.

Казалось, теперь сомнений нет — враг, уже который раз, пытается овладеть высотой с юга, а не обходом ее, как мы предполагали. Отбивая атакующего противника в лоб, наши подразделения умело пользовались всеми преимуществами командной местности. Кроме того, за двое суток

* ЦАМО, ф. 2265, оп. 1, д. 30, лл. 19, 145.

боя вся наша и приданная артиллерия, ведя огонь по тылам и переднему краю обороны врага, хорошо пристрелялась, и под этим прикрытием подразделения 226-го и 291-го полков контратакой отбросили подразделения 15-й пехотной дивизии фашистско-румынских войск.

Выяснилось: не только мы, но и командир дивизии, брошенной на штурм высоты, не знал, что бой, который сейчас ведут его части, имеет не решающее, а второстепенное значение. Ни командующий армией, ни командир корпуса генерал Стэнеску не посвятили командира 15-й дивизии в свой замысел.

Обходить высоту 163,3 было приказано командиру 6-й пехотной дивизии, которая, пользуясь тем, что все внимание русских приковано к частям, наступающим с юга, надеялось овладеть высотой. Но опять безрезультатно. Этот бой для 63-й стрелковой дивизии, особенно для 226-го полка, был весьма тяжелым, только с вводом вторых эшелонов полков и резерва командира дивизии, мощи огня артиллерии, звена истребителей капитана Любавина положение было восстановлено.

Особенно отличились пулеметчики старшего сержанта Л. Г. Шестака солдаты А. И. Журавский, И. К. Рахно, А. Г. Романов, И. П. Донченко, П. Н. Силигин. Не давал гитлеровцам поднять головы расчет станкового пулемета старшего сержанта М. С. Сукача. Насмерть держали свои позиции стрелки 4-й роты, руководимые лейтенантом П. Г. Мисюрой.

Только в ночь на 26 сентября враг не выдержал нашей контратаки и был отброшен.

Бойцы, командиры и политработники дивизии проявили чудеса храбрости и героизма. Приведу один из примеров.

Во время отражения атаки противника политрук роты 226-го полка Смирнов поднял бойцов одного взвода и повел их в контратаку. Смело преследуя врага, взвод занял в его обороне высоту и удержал ее, отбивая многочисленные атаки врага. Дивизионная газета «За Родину» в статье «Подвиг 16 героев» так писала об этом:

«Воины нашей Родины! Запомните имена героев. Вчера бойцы под командой политрука Смирнова в ходе контратаки овладели высотой. Вскоре до роты румын атаковали наших бойцов. Атаку отбили. Через три часа снова атака. И эту атаку отбили. К вечеру шла в атаку рота немцев. Красноармеец Чирков громко объявил об этом на всю высоту. Коммунист младший сержант В. Н. Манойлин сказал: «Били румын, побьем и «чистокровных». Подпустив к

себе противника на близкое расстояние, в упор расстреляли около сотни фашистов. Шестнадцать бойцов удержали высоту, в их числе: душа роты комсомолец азербайджанец младший сержант Амилов Салат, старший сержант Бирюков Василий Иванович, красноармеец Молоканов Владимир Петрович, Царенков Владимир Петрович и санитарка Вера Федоровна Салишникова, которая еще вчера вынесла с поля боя более десятка раненых бойцов и сама вслед за взводом пробралась на высоту, перевязывая раны ее защитникам»*.

Замполит П. Г. Коновалов, вернувшись с обхода полков, сказал мне:

— Нестор Дмитриевич... Не перестаю восхищаться нашими бойцами! Такой бой, а никакой растерянности, паники. Устали безумно, а снова рвутся в бой.

К концу октября положение наших соединений, оборонявшихся на плацдарме, значительно укрепилось.

Части 5-го армейского корпуса румын в течение почти трех месяцев предпринимали атаки и каждый раз разбивались о стойкость обороны 63-й дивизии. Бойцы и командиры ясно понимали, как необходимо было захватить и удерживать важный в оперативном отношении плацдарм, оседлать выгодные высоты и тем самым лишить противника возможности контролировать наш тыл.

Младший офицерский состав научился использовать все виды огня, в том числе и минометного. Сочетание огня с маневром солдат — сила грозная. Старший офицерский состав овладел техникой прорыва обороны противника, умением закреплять захваченный рубеж, отражать атаки и активно взаимодействовать подразделениями и огнем всех видов, смело переходить в решительные контратаки. Командиры стали более уверенно действовать, и эта уверенность предопределяла действия солдат.

Каждый из нас каждый день, в каждом бою учился воевать и тогда, когда противник наступал, а мы отступали, и теперь, когда мы стали его теснить.

За период подготовки к решительному наступлению под Сталинградом, то есть до середины ноября, только наша дивизия уничтожила свыше десяти тысяч румынских, итальянских и немецких солдат и офицеров. Более 15 тысяч противник имел раненых. Это подтверждается документами штаба и данными журнала боевых действий 5-го армейско-

* ЦАМО, ф. 2265. оп. 1, д. 159, л. 81.

го корпуса и личного доклада румынского бригадного генерала Трояна Стэнэску*.

Решающее значение в укреплении дисциплины и воспитании стойкости в бою играл личный пример командира, политработника, коммуниста и комсомольца. Слабость, малодушие и недисциплинированность резко осуждались. Однако мы, старшие командиры, понимали, что стойкость бойцов зависит не только от одного желания хорошо воевать, но и от умения. Поэтому и командование и политотдел дивизии постоянно проводили большую работу среди воинов, особенно молодых, по изучению оружия и методов его применения. Боевому мастерству учились все: и рядовые бойцы, и командиры, и политработники всех рангов и степеней. Только сочетание умения, мастерства с храбростью, с чувством беззаветной любви к народу, к Родине делают солдата непобедимым. Вспоминаю таких воинов, как сержант Сухоплюев, рядовой Чепкасов, лейтенант Михайлов, рядовой Коледов, политрук Никифоров, комиссар полка Захаров, рядовой Гаврилов, санитарка Салишникова, истребитель танков Люба Земская, комсомолец Сашко, комиссар полка Лелюк и многие-многие другие. Они стояли у истоков всех героических дел гвардейцев, чьи славные традиции свято оберегались и приумножались.

Активные действия войск 21-й и 1-й гвардейских армий и других северо-западнее Сталинграда значительно ослабили удар 6-й немецкой армии Паулюса, противник вынужден был повернуть крупные силы для обеспечения своего фланга с севера и на несколько дней отказаться от наступления на Сталинград**. А выиграть время, хотя бы на несколько дней, чтобы подтянуть свои силы и резервы, для нас было тогда главной задачей в подготовке к решительному наступлению.

С захватом северо-восточных скатов высот 163,3 и 140 части дивизии проделали большую работу по укреплению полосы обороны. Нам важно было исключить всякую возможность внезапности нападения противника. Поэтому на наблюдательных пунктах имели по два-три человека наблюдателей. Эти люди закреплялись за секторами наблюдения на несколько суток. Мы их учили и требовали от них изучать местность и каждое утро проверять, не произошло ли за ночь каких-либо изменений. Такой метод наблюде-

* ЦАМО, ф. 301, оп. 6732, д. 30, лл. 52—54.

** История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1963, т. 2, с. 435—437.

ния оправдал себя, и мы в этом убеждались не один раз. Вовремя замечали передвижение, накапливание сил врага для атаки, которого встречал наш огневой щит.

В наблюдении хорошо себя проявили пограничники, они привыкли придавать большое значение каждой мелочи, появившейся новой кочке, брошенной лопатке черной земли.

Приведу один из примеров. На одном из наблюдательных пунктов полковник В. К. Потанин задает обычный вопрос:

— Что нового, товарищи?

Наблюдатель капитана Д. П. Тыквича докладывает:

— Товарищ полковник! Что-то мудрит враг: вчера ночью появились бревна, и мы их наблюдали весь день, а этой ночью их не стало. Видимо, хотели и раздумали строить наблюдательный пункт.

Командир взвода управления лейтенант В. А. Гапа, наблюдавший во время нашего разговора, доложил: «Да он его за ночь построил».

Вскоре начальник штаба 346-го полка капитан М. З. Скрылев подтвердил это же. Так был установлен наблюдательный пункт противника.

А сколько еще было таких моментов бдительности наших солдат и офицеров.

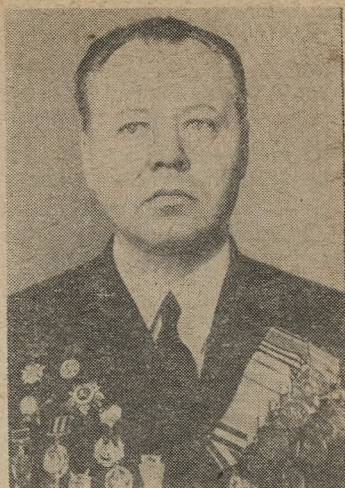
Можно ли передать свои чувства, когда ежедневно, ежедневно видишь героизм советского солдата. Это было 23 октября 1942 года. Начальник штаба дивизии подполковник П. Н. Прихно срочно направил лейтенанта В. Н. Ряписова ночью с приказом командира дивизии. Ряписов с двумя автоматчиками на рыбацкой лодке отправился через Дон, но попал под артиллерию врага. Взрывной волной лодку перевернуло, все оказались в ледяной воде Дона. Автоматчик С. П. Корчан стал тонуть. Ряписов бросился спасать товарища, сам выбился из сил, и, уже чувствуя свою гибель, вспомнил, что у него боевой приказ командира. Чувство ответственности придало сил, помогло победить страх. Ряписов спас товарища и доставил приказ командиру 291-го стрелкового полка.

Должность офицера связи выполнял и старший лейтенант Петр Александрович Казанцев, уроженец села Кашкарагаиха Тальменского района Алтайского края. Много на пути офицера связи встречалось непредвиденных бед, и он с честью их преодолевал.

Сейчас В. Н. Ряписов работает на Курганском машиностроительном заводе, активно участвует в общественной



В. Н. Ряписов



М. З. Скрылев

жизни коллектива. Он народный заседатель и председатель товарищеского суда цеха.

П. А. Казанцев после службы в армии 20 лет проработал в родном селе учителем, пять лет на партийной работе, а сейчас лесничий, депутат сельского Совета.

Считаю своим долгом рассказать особо об офицерах связи потому, что мы, командиры, мало говорили тогда о тех, от оперативности которых зависел исход боя. Они выполняли свой долг службы несмотря на невзгоды, на опасность попасть в лапы врага.

Еще один из примеров мужества солдат и офицеров двух бронемашин. Начальнику химической службы капитану С. А. Ступаку было приказано доставить приказ командира дивизии командирам частей и уточнить участки обороны полков. К вечеру они добрались в район хутора Белявский, где размещались штабы.

Выполнив приказ, ночью на двух бронемашинах возвращались в штаб дивизии. На пути к ним подсел начальник штаба 26-го артиллерийского полка майор В. Д. Радченко.

К этому времени противник, рвущийся к переправе Дона, потеснил левый фланг нашего соседа и бронемашины оказались в расположении вражеских частей. Что делать? Пока враг не разобрался, решили использовать внезапность и прорваться. Бронемашина Радченко открыла огонь из пулемета, а капитан Ступак из пушки.

Неожиданность, внезапность ошеломили врага. Солдаты и офицеры бросились кто куда, но больше падали. Водители бронемашин Дмитрий Юрченко и Александр Приходько, умело маневрируя, беспощадно давили фашистов. Через некоторое время те, придя в себя, открыли огонь, снарядом противотанкового орудия вывели из строя бронемашину капитана Ступака.

Экипаж взял что можно из машины, испортил пушку и под прикрытием огня бронемашины Радченко вышел. Смелыми действиями наших двух бронемашин было уничтожено около 100 солдат и офицеров, легковая машина, два пулемета и пушка с расчетом. Об этом написала в заметке «Мужество побеждает» газета «Сталинградский фронт».

Таков был бой восьми красных воинов. Вот их имена: майор Радченко, капитан Ступак, бойцы Юрченко, Приходько, Медведев, Потанин, Абрамов, Рязанцев.

Ведя бои на правом берегу Дона, 63-я дивизия тесно взаимодействовала с подразделениями авиации. Мне особенно хочется отметить звено авиации капитана Любавина. Это звено в моменты отражения атак и контратак врага не один раз подавляло невидимые для нас артиллерийско-минометные батареи в укрытиях и резервы противника. В знак боевой благодарности бойцы и командиры частей дивизии писали летчикам письма, посылали трофейные подарки. Одно из писем от 21 октября было послано и подписано мной и начальником штаба дивизии: «Летчикам-истребителям капитану Любавину и старшему лейтенанту Ковалеву. Ваши воздушные атаки подавления артиллерийско-минометных батарей и подхода резерва врага имели большое значение в захвате и удержании дивизией высот. За неоценимую помощь вовремя от имени бойцов, командиров и политработников дивизии посылаем Вам pistolsеты парабеллум за № 7234 и № 4556 и другие трофеи. Солдаты дивизии гордятся вашими смелыми появлениями и действиями в боевых порядках противника. Желаем вам успеха в борьбе с немецко-фашистскими войсками»*.

Трофеи и письмо летчикам вручил капитан И. В. Каркин.

23 октября 1942 года от имени Президиума Верховного Совета СССР мной вручены ордена и медали отличившимся в боях бойцам, командирам и политработникам. В том числе летчикам и артиллеристам пушечного артполка.

Орденом Красного Знамени были награждены В. К. По-

* ЦАМО, ф. 335, оп. 5136, д. 16, л. 570.

танин, Н. П. Прихно, Г. Г. Пантюхов, И. Ф. Юдич, А. Н. Голенков, П. И. Донченко, С. С. Егоров, А. И. Журавский, П. Г. Мисюра, Л. К. Метелев, И. А. Никифоров, Ф. М. Пономарев, Л. М. Робинович, М. С. Сукач, П. Т. Сегада, Н. Н. Смирнов, С. М. Слукин, Л. Г. Шестак, Г. Л. Ширяев, И. Д. Щербаков.

А всего награждены орденами и медалями 132 человека.

До ноября продолжались упорные бои в районе Сталинграда, тогда как на флангах немецкой группировки сосредоточивались силы Советской Армии для решительного контрнаступления.

К этому времени закончилась реорганизация фронтов, то есть Сталинградский был переименован в Донской под командованием генерала К. К. Рокоссовского, а Юго-Восточный фронт переименован в Сталинградский.

А 29 октября из части войск Донского фронта и прибывающих из резерва был создан Юго-Западный фронт под командованием генерала Н. Ф. Ватутина.

21-я армия, в составе которой оставалась 63-я стрелковая дивизия, вначале вошла в Донской, а затем в Юго-Западный фронт и заняла оборону на левом фланге с 65-й армией генерала П. И. Батова. Справа оборону занимала наша 5-я танковая армия.

Но тут же по приказу командующего 21-й армией генерала Ивана Михайловича Чистякова 63-я стрелковая дивизия перебрасывается в район станицы Клетской, где упорные бои вела 76-я стрелковая дивизия.

Отрекогносцировав район боевых действий, увязав вопросы взаимодействия внутри частей и с соседями, доложил командующему.

30 октября после 15-минутного артиллерийского налета 63-я дивизия атаковала противостоящего противника.

Успешно наступали и атаковал 1-й батальон 226-го стрелкового полка капитана Д. Н. Кудрина.

Особо отличился автоматный взвод Галикберова, обеспечивший маневр ввода резерва командира полка майора Г. Г. Пантюхова. Вот их имена: П. М. Сладков, А. С. Какаулин, П. Е. Петряев, М. Талипов, И. В. Маликов, Ю. Турунбаев, А. Турусамбеков, И. К. Васильев. Они уничтожили более пятидесяти гитлеровцев.

В первой половине ноября 63-я стрелковая дивизия стойко оборонялась, улучшая позиции на плацдарме, ведя разведку юго-восточнее Клетской, одновременно готовясь к наступательным боевым действиям.



Станица Раснопинская — Сталинград

Бои под Сталинградом принимали все более напряженный характер. Стремление противника овладеть городом становилось все упорнее. Гитлеровское командование стягивало сюда громадные силы, перебрасывало с других направлений новые десятки своих дивизий, а также дивизий стран-сателлитов. К осени противник имел 56 дивизий. Однако воины 62-й и 64-й армий мужественно и стойко защищали волжскую твердыню.

Враг был уверен, что ему все же удастся овладеть Сталинградом. Еще в начале борьбы за город Гитлер хвастливо заявил, что немецкие войска скоро возьмут Сталинград. Письма немецких солдат и офицеров также вначале свидетельствовали о такой уверенности гитлеровцев, но затем тон этих писем изменился и в них появились нотки сомнений и неуверенности. Ефрейтор Вальтер, например, писал: «Сталинград — это ад на земле, Верден, Красный Верден с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удастся утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно»*.

Уже несколько месяцев продолжались ожесточенные схватки. Успехи фашистов исчислялись метрами захваченной территории, зато потери в живой силе и боевой технике были огромные. За время боев на Сталинградском направлении враг потерял до 700 тысяч убитыми и ранеными, более 1000 танков, свыше 2 тысяч орудий и минометов и 1400 самолетов**.

Силы главной вражеской группировки с каждым днем ослабевали. Свыше 50 дивизий было втянуто в изнурительные бои. На флангах гитлеровской группировки действовали румынские и итальянские дивизии, которые по подготовке и боеспособности уступали немецким. Не сумев добиться успеха, противник вынужден был перейти к обороне. Инициатива была у него вырвана. А Ставка Верховного Главнокомандования в глубочайшей тайне разработала

* Битва под Сталинградом. М., Воениздат, 1944, с. 19.

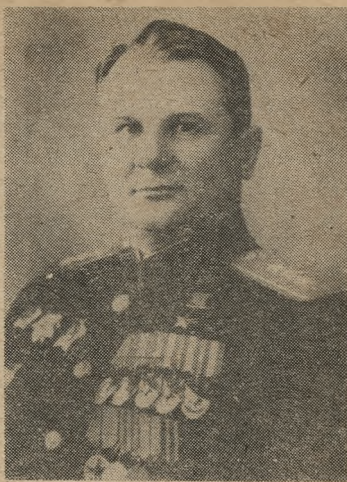
** 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., Воениздат, 1968, с. 323.

план контрнаступления с целью окружения и полного разгрома немецко-фашистских войск, прорвавшихся к Волге, силами трех фронтов — Сталинградского, Донского и Юго-Западного. В состав последнего входила и 21-я армия, командование которой 14 октября 1942 года принял генерал И. М. Чистяков.

Задачей войск армии в ходе контрнаступления было: действуя в составе ударной группировки фронта, прорвать оборону противника на участке Распопинская—Клетская и наступать в направлении хуторов Осиновки-Манойлина, затем, выйдя в тыл гитлеровских войск, во взаимодействии с 5-й танковой армией окружить и уничтожить части 4-го и 5-го румыно-фашистских корпусов и в дальнейшем наступать на Калач для окружения гитлеровской группировки под Сталинградом*.

63-я стрелковая дивизия со средствами усиления имела задачу — прорвать оборону частей 15-й пехотной дивизии врага юго-восточнее высоты 163,3 и во взаимодействии с 96-й и 293-й стрелковыми дивизиями наступать в направлении населенного пункта Иванушенский, окружить и уничтожить части 5-го армейского корпуса.

В полосе наступления дивизии находился трудно преодолимый овраг, поэтому 291-й полк подполковника П. С. Бабица пришлось растянуть широко по фронту с задачей активно сковать врага огнем с фронта, продвигаться по мере продвижения 226-го и 346-го стрелковых ударных полков. На войне нельзя допустить неуверенного решения — это ослабляет силы и волю личного состава к выполнению задачи. Командир уверен в подчиненных — ему людям, смело идет на сосредоточение сил в ударной группировке, не боясь за сознательно ослабленный участок. Везде сильным быть нельзя. Артиллерийским группам (ПАГ), артиллерийской группе дальнего действия, танко-



И. М. Чистяков

* ЦАМО, ф. 359, оп. 5041, д. 21, лл. 13, 19.

вому полку ставилась задача обеспечить прорыв переднего края обороны противника.

Офицерский состав изучал противника, доразведывал его оборону, уточнял систему огня, силы и расположение резервов. Было установлено, что оборона противника имеет систему опорных пунктов и узлов сопротивления на высотах и в населенных пунктах, обороняемых, как правило, ротой или батальоном. По данным разведки штаба армии и показаний пленных нам было известно, что полоса фашистской обороны состоит из двух позиций глубиной до 8 километров. На позициях оборудованы дзоты, отрыты окопы полного профиля, соединенные ходами сообщения. Подступы к переднему краю обороны прикрыты минно-взрывными и проволочными заграждениями. Большое препятствие в полосе действий наших войск представлял Дон, лед на котором как следует еще не установился. Поэтому немало сил и средств требовалось для сооружения настила усиления льда. В тяжелых условиях работали саперы, строившие переправы через реку и проделывавшие проходы в своих и вражеских минных полях. В частях и подразделениях соблюдались строжайшие меры маскировки. Инженерные работы, передвижения, сосредоточение и маневрирование войск проводились скрытно, только ночью, так как активно усердствовала авиация врага. Например, с 10 по 18 ноября она совершала в отдельные дни до четырехсот и более самолето-вылетов.

Большую работу по подготовке контрнаступления провели и подразделения тыла, возглавляемые подполковником интендантской службы П. Е. Конанчуком. К началу наступления дивизия имела запас продовольствия почти на неделю, боеприпасов — более двух комплектов и горючего в среднем на 2,5 заправки.

В период подготовки с новой силой проявлялась организующая и вдохновляющая роль коммунистов и комсомольцев. Особенно велика роль личного примера коммунистов и комсомольцев была в ротах, батареях, расчетах, экипажах.

Позднее пленные румынские офицеры и генералы говорили, что им почти ничего не было известно о готовящемся контрнаступлении советских войск. Такое признание врага еще раз подтвердило боевое мастерство и умение наших солдат, командиров, политработников скрытно готовить большие операции.

Наши войска занимались устройством ложных переправ, имитировали сосредоточение артиллерии и танков.

Это являлось эффективным средством введения врага в заблуждение. При появлении разведсамолета «Фокке-Вульф» саперы имитировали стрельбу ложных батарей вспышками небольших зарядов дымного пороха. Это имело успех. Ложные батареи неоднократно обстреливались артиллерией врага по данным самолета-корректировщика. Ложный паром с макетами орудий и танков не раз подвергался групповым налетам авиации*. О подготовке операции знал небольшой круг руководящего состава фронта, армии.

О заблуждении врага говорят такие факты. За неделю до нашего контрнаступления, 12 ноября, отдел иностранных армий стран Востока генерального штаба сухопутных войск Германии так характеризовал положение на юге: «Перед фронтом группы армий «Б» для развертывания широких операций противник, по-видимому, не располагает достаточным количеством сил**».

А 14 ноября, почти накануне контрнаступления, командующий итальянскими войсками, действовавшими на сталинградском направлении, генерал Моссе докладывал министру иностранных дел Италии Чиано, что большевики не имеют достаточных сил, чтобы предпринять действия крупного масштаба***.

Мы не можем сказать, что немецкое командование под Сталинградом не замечало признаков готовящегося наступления. Однако можно с уверенностью утверждать, что оно не имело ясного представления ни о масштабах его, ни о сроках. И с еще большей уверенностью можно считать, что командование фашистских войск оказалось совершенно неспособным оценить истинные размеры грандиозной опасности. Оно не могло определить ни времени перехода наших войск в наступление, ни состава ударных группировок, ни направлений их ударов. Объяснение подобной слепоты гитлеровских генералов следует искать в их самоуверенности.

Во второй половине дня 16 ноября мы получили приказ командующего армией.

...Приближалось утро 19 ноября 1942 года. В 7 часов в ротах, батареях был зачитан боевой приказ о наступлении. В воздух взлетели ракеты. Первый залп гвардейских минометов разорвал морозную предрассветную тишину. Это был сигнал для артиллерийского наступления. И тотчас же сотни орудий и минометов ударили по вражеской обороне.

* ЦАМО, ф. 375, оп. 5113, д. 125, л. 143.

** История Великой Отечественной войны..., т. 3, с. 15.

*** Там же.

Час двадцать минут гремела орудийная канонада. Со стороны противника — никакого ответа. Огневые точки его на переднем крае были в основном подавлены.

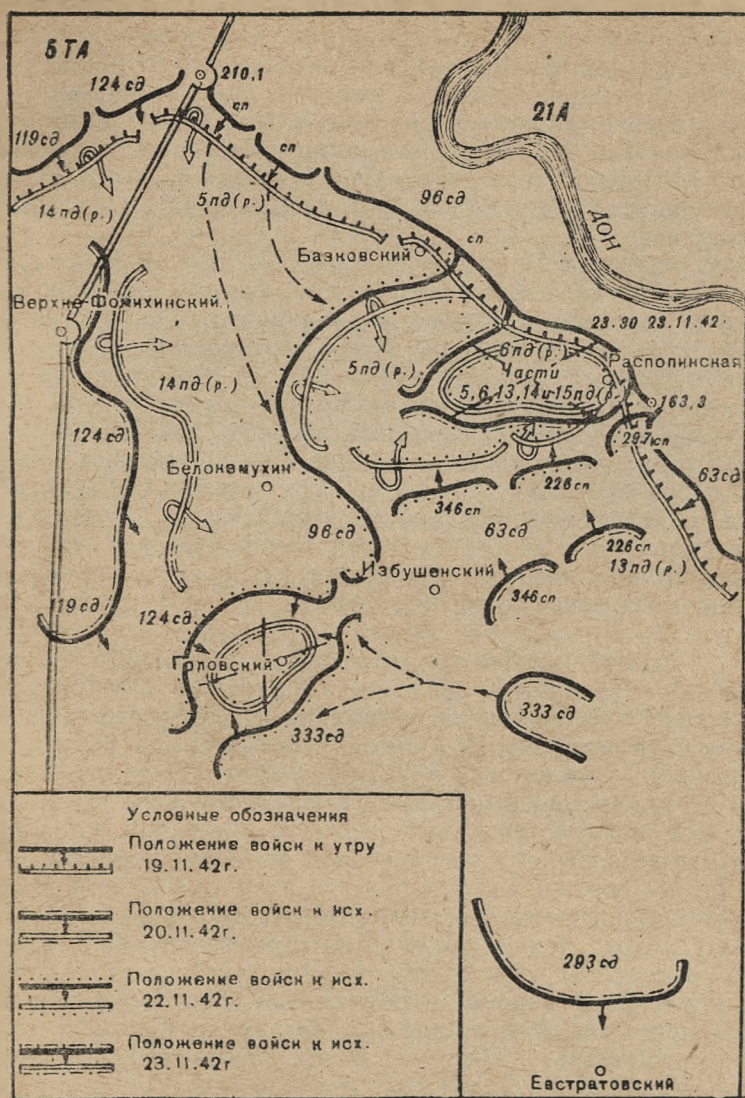
В 8 часов 50 минут 226-й и 346-й стрелковые полки 63-й дивизии при поддержке артиллерии, танков прорвали передний край обороны противника на участке 3 километра, но, встретив сильное огневое сопротивление, продвинулись вперед всего на полтора—два километра. А тут еще дало себя знать неудачное наступление нашего правого соседа — 96-й стрелковой дивизии, подразделения которой не смогли сломить сопротивления врага и отошли на исходные позиции, что дало врагу возможность усилить действия против нашей дивизии.

Перед 291-м стрелковым полком была поставлена задача: продолжать активные действия с фронта, не позволяя противнику маневрировать живой силой и контратаковать 226-й и 346-й полки. И надо отдать должное командиру 291-го полка П. С. Бабичу — действовал он умело. Особенно отличился 3-й батальон капитана И. К. Стулина, на долю которого достался самый трудный участок — глубокий овраг. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня батальон преодолел его, ворвался в расположение противника и удерживал за собой захваченный участок до выхода полка, тем самым содействовал успешному продвижению левофлангового 346-го полка, в задачу которого входило во взаимодействии с левым флангом 226-го полка, используя успех 293-й стрелковой дивизии, выйти в тыл 6-й и 13-й пехотным дивизиям противника и перекрыть им отход на Громки*.

Далее события развивались следующим образом. В этот же день, 19 ноября, по приказу командарма в 13 часов в сражение был введен 4-й танковый корпус генерал-майора А. С. Кравченко, а в 16 часов — 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора И. А. Плиева. Их действия способствовали успеху стрелковых дивизий на главном направлении удара армии.

Танковые и кавалерийские соединения, завершив прорыв неприятельской обороны, двумя колоннами устремились на юго-восток. Румынские войска, расположенные в районе станицы Распопинской, хуторов Головского и Базковского, оказались между этими колоннами. Ликвидация окруженной группировки была возложена на 63-ю и 96-ю стрелковые дивизии.

* ЦАМО, ф. 335, оп. 513, д. 123, л. 14.



Окружение и ликвидация распопинской группировки противника.

Боевые действия 63-й стрелковой дивизии протекали с переменным успехом. Сказалось то, что танковый полк и приданная артиллерия, за исключением 114-го минометного полка резерва Главного командования, были взяты на направление главного удара армии. Из данных же разведки и показаний пленных нам стало известно, что окруженный противник по численности в 5—6 раз превосходит наши войска, имеет много артиллерии и автоматического оружия.

С рассветом 21 ноября на участках 226-го и 346-го полков разгорелись ожесточенные бои. Атаки противника с целью прорыва в южном и юго-западном направлениях следовали одна за другой. Пришлось активизировать действия 291-го стрелкового полка, а 226-й и 346-й полки направить в тыл врага и перерезать ему дороги на юг.

Неудачные боевые действия нашего правого соседа, 96-й стрелковой дивизии, в направлении Головского и Базковского вынудили командарма ввести в бой 333-ю стрелковую дивизию полковника М. И. Матвеева, которая совместно с частями 5-й танковой армии отрезала путь отхода оборонявшемуся противнику. В ночь на 22 ноября было завершено окружение 4-го и 5-го румынских корпусов.

С утра 22 ноября яростные бои возобновились. В этот день враг предпринял 20 атак на части 63-й дивизии. Любой ценой вырваться из окружения и всем составом корпуса бить по тылам 21-й армии с целью срыва фронтовой операции — таков был приказ Паулюса. Но ни одна атака не дала фашистам положительного результата.

Как впоследствии стало известно, генерал Стэнеску возмущался, буйствовал, требовал от командиров дивизий усилить удар, но ничего добиться не мог. Все командиры словно сговорились, твердили, что русские оказались сильнее, чем ожидали, а упорство их солдат граничит с фанатизмом.

Командиры полков — Пантюхов, Юдич, Чепов мне докладывали: «Бойцы устали до предела. Они в упор расстреливают врага. Пока мы живы, противник на этом участке обороны не пройдет».

Используя успех 63-й и 333-й стрелковых дивизий, 124-й дивизии, 5-й танковой армии, 96-я дивизия полковника Г. Л. Исакова прорвала оборону противника и продвинулась вперед на 20 километров. Выйдя северо-западнее хутора Избушенского, части почти соединились с 346-м полком 63-й дивизии.

В результате решительных действий группировка противника, окруженная юго-западнее Распопинской, была разорвана на две части. Это решило судьбу румынских дивизий в хуторах Базковском и Головском: здесь противник вынужден был прекратить сопротивление.

Вторая, основная часть группировки, зажата в кольцо в районе Распопинской, продолжала сопротивляться. Но положение противника с каждым часом становилось безнадежнее. Он только в боях с частями нашей 63-й дивизии в районе хуторов Избушенского, Караженского потерял свыше 5500 солдат и офицеров*.

Однако теперь нашим частям и подразделениям, значительно ослабленным в тяжелых четырехсуточных боях, было трудно, тем более, что противник по численности в живой силе и боевой технике превосходил нас в несколько раз. Не теряя надежд на обещанную помощь, он продолжал отчаянно сопротивляться, неоднократно переходя в яростные контратаки.

Об этом было доложено командующему армией генералу И. М. Чистякову.

— Я вас не узнаю, товарищ Козин, — сказал Чистяков. — Разве вам до этого легко было воевать? Не запугивайте себя противником. Следует подумать о другом: как обойти и заставить вражескую группировку сложить оружие.

— Это я знаю. Но нельзя и преуменьшать способности врага к сопротивлению. К тому же возможности дивизии уже не те, что были 19 ноября.

За трое суток ожесточенных боев были потери, и немалые.

— Я вас понимаю, но помочь не могу, — сказал И. М. Чистяков.

Тогда мы решили применить военную хитрость, смысл которой заключался в том, чтобы ввести в заблуждение противника насчет истинных наших сил и тем самым принудить его к капитуляции. «Воевать не числом, а умением» — так учил великий русский полководец А. В. Суворов.

А исходили мы вот из чего. С начала наступления наших войск 19 ноября противник должен был знать, что в составе нашей армии действуют танковый и кавалерийский корпуса. Однако то, что сейчас они уже далеко на юге с главными силами 21-й армии, по-видимому, противнику

* ЦАМО, ф. 301, оп. 6732, д. 30, лл. 49, 61—68.

вряд ли известно. По согласованию с командующим артиллерией были даны указания: командиру 26-го арtpолка подполковнику В. А. Чепову с наступлением темноты иметь несколько «кочующих» у переднего края орудий на тягачах со снятыми глушителями (для создания эффекта роко-та танковых моторов). Непрерывно меняя огневые позиции, они должны вести огонь. Из моего резерва роты автoподвоза капитана М. А. Ковзуна выделялось 15 автомашин ЗИС-5 для доставки к фронту всего необходимого, за каждой машиной оборудовалось 6—8 светоточек, для чего использовались карманные фонари. Этим мы должны были показать «подход» танков, «увеличить» число артбатарей и создать впечатление подфарников автомашин и габаритных огней танков, идущих из тыла к переднему краю. Командарм И. М. Чистяков одобрил наш план.

— Вы в непосредственном соприкосновении с противником, вам там виднее. Делайте все зависящее от вас, чтобы как можно скорее покончить с этой группировкой, — сказал он.

И мы до рассвета действовали.

Начальник разведки майор С. С. Бессонов в полузашифрованном виде по радио в эфир передал «дивизиям» распоряжения, приказы: какой дивизии где сосредоточиться и с рассветом быть готовой к уничтожению противника в таком-то районе. Словом, пытались создать картину сосредоточения больших сил для уничтожения окруженной группировки врага.

Как потом стало известно, командир румынского корпуса бригадный генерал Траян Стэнеску, возглавлявший войска в Распоинской, был очень встревожен. Он хотя и сомневался, но пришел к выводу, что у русских происходит перегруппировка и сосредоточение войск и скоро должна наступить развязка. Надежда на обещанную ему помощь не оправдалась, попытка прорваться в южном направлении ничего не дала. Чувствуя свою обреченность, Стэнеску послал через линию фронта к нам четырех парламентаров для переговоров о капитуляции. Встретили мы их как положено. Спросили: «Что заставляет вас капитулировать?» Старший парламентар: «Ваша железная дивизия на рубеже хутор Мело-Меловский—высота безымянная разбила наши 9-й и 89-й пехотные полки. Там же потерпела поражение 100-я егерская Восточно-Прусская дивизия. А на высоте северо-восточнее станицы в конце сентября и октябре наш 5-й армейский корпус в 38 атаках и контратаках за высоту 163,3 и на северо-западных скатах

потерял около 8 тысяч убитыми и вдвое больше ранеными».

Доклад старшего парламентаря был правдив. Мы в качестве своих ответных парламентарей с текстом условий капитуляции решили послать капитанов Е. И. Иткиса и И. В. Стулина. Командирам частей и подразделений был дан приказ о прекращении огня, но быть в готовности номер один.

В то время, пока наши парламентары с двумя румынскими офицерами преодолевали нейтральную, Л. И. Соколов и П. Г. Коновалов выехали в 291-й полк, на участке которого появились парламентары противника. Нужно было осторожно принять все меры, чтобы противник не разгадал нашу хитрость.

Встретив наших парламентарей, Стэнеску не очень спешил закончить дела.

— Господа, вы, очевидно, устали и вам полезно будет поесть и отдохнуть. Ваша русская пословица говорит: «Утро вечера мудренее».

Генерал пытался затянуть переговоры, выиграть еще одну ночь в надежде, что гитлеровские войска помогут ему выбраться из окружения.

Е. И. Иткис решительно возразил:

— Мы ограничены временем. Через два часа должны сообщить своему командованию о принятии предложения немедленно сложить оружие. Если вы это сделаете, тысячи ваших солдат и офицеров останутся живы. Итак, господин генерал, разрешите вручить вам текст условий капитуляции.

...23 ноября 1942 года в 23 часа по московскому времени акт о капитуляции румыно-фашистских войск, окруженных в районе станицы Распопинской, был подписан.

Перед рассветом штабные машины с генералом Стэнеску, офицерами штаба и командирами полков корпуса прибыли в штаб нашей дивизии. С утра 24 ноября из станицы потянулись колонны пленных. Было пленено 27000 солдат и офицеров, в том числе 160 старших офицеров, из них 13 командиров полков. Трофеи: 15 тысяч винтовок, 1000 автоматов, 1500 пулеметов, 3000 минометов, 150 орудий, 5 тысяч лошадей, 5 складов армейского назначения*. С генералом Стэнеску у меня в присутствии начальника политотдела 21-й армии полковника Л. И. Соколова, начальни-

* ЦАМО, ф. 335, оп. 5113, д. 123, л. 20.

ка политотдела дивизии П. Г. Коновалова и полковника В. К. Потанина состоялся следующий разговор:

Стэнеску: Господин генерал!* Имею честь представить вверенные мне королевские войска на вашу милость и великодушие. Могу ли я просить вас, господин генерал, устроить мне свидание с командующим армией, перед войсками которого вверенные мне королевские войска сложили оружие.

Я: К сожалению, господин генерал, ваша просьба не может быть выполнена. Командующий армией генерал Чистяков находится километрах в ста юго-восточнее. Вести с вами переговоры он уполномочил меня. Да будет вам известно, генерал, что оружие ваши войска сложили не перед армией, а только перед частью ее сил.

Стэнеску: Сколько же ваших солдат приходилось на каждого моего солдата?

Я: Наших войск было в пять раз меньше.

Стэнеску (сомневаясь): Это невозможно!

Я: Но это факт, генерал.

Стэнеску: О, если бы я знал такое положение, мои войска могли бы вырваться из окружения.

Я: Ваши парламентары доложили, что ваш корпус за пять суток боев на высотах северо-восточнее Распопинской потерял около восьми тысяч убитыми и пятнадцать тысяч ранеными. Так ли это?

Стэнеску: Да, мы имели большие потери.

Я: Выходит, вряд ли вам стоило делать попытку вырваться из окружения, генерал. Вы бы понесли еще большие потери. Допустим, если бы вам удалось вырваться из окружения, вас постигла бы та же судьба, что и гитлеровскую армию Паулюса, окруженную под Сталинградом.

Стэнеску: Окруженную? Это непонятно.

Я: Вчера войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе восточнее Калача-на-Дону сомкнули кольцо окружения.

Стэнеску, подумав, сказал:

— Кто не испытал горечи войны на Востоке и кому не довелось увидеть своими глазами это потрясающее по своей грандиозности зрелище, тот не может знать, что такое окружение в излучине Дона, а затем под Сталинградом, тот никогда не может оценить глубины и реальных размеров этой катастрофы.

* В то время я имел звание полковника, но генерал Стэнеску, обращаясь ко мне, называл меня «господин генерал».

И это, действительно, было так. 23 ноября в 3 часа дня части 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта соединились у хутора Советского с частями 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта.

Свершилось историческое событие: кольцо окружения вражеских войск, прорвавшихся к Волге, сомкнулось. Трехсоттысячная немецко-фашистская армия, оснащенная мощной боевой техникой, оказалась в «котле».

...А поток пленных не прекращался. Судя по их лицам, румыны, в отличие от немцев, кажется, не очень были опечалены своим поражением. Из колонны то и дело слышались возгласы: «Спасибо, спасибо, русские солдаты! Руманешты свои!» Что и говорить, в этой грязной войне участь румынских войск была незавидной: немцы толкали их туда, где труднее, в первую линию, под удары огня.

От пленных офицеров и солдат нам было известно, что были и такие фашисты, офицеры, которые считали: «Какой позор! Мы разбиты. Мы добровольно сдались на волю победителя. Почему? Разве не было почетно умереть во имя Родины?» Наконец, не все, но и такие поняли, что правда о войне куда более горька, чем они ее до сих пор представляли, и что она, эта тяжелая и неизбежная правда, будет безжалостно владеть ими до самого конца жизни.

Каковы же источники нашей победы? Прежде всего, с нами шла вся страна, руководимая ЦК КПСС, а враг был наедине со своей нечистой совестью. А это плохой союзник. Огромную роль сыграла, партийно-политическая работа среди личного состава частей и подразделений дивизий, мощь огня артиллерии и удара танковых и авиационных частей. Умелое и решительное руководство командиров частей П. С. Бабича, Г. Г. Пантюхова, И. Ф. Юдича, командира артполка В. А. Чепова. Они правильно организовали взаимодействие подразделений, обеспечивали стыки огнем, умело проводили контратаки. С возросшим мастерством воевали командиры полков и подразделений.

Только благодарных слов заслуживает неутомимая работа личного состава 170-го отдельного саперного батальона майора Н. Г. Баклана и его помощника капитана А. А. Козина, комсорга батальона лейтенанта Гусакова, которые безукоризненно выполняли все указания дивизионного инженера. Похвалы заслуживают работники тыла, интендантской службы дивизии, руководимые подполковником интендантской службы П. Е. Конанчуком. В столь тяжелых условиях, когда даже не было дорог, дивизия регу-

лярно обеспечивалась всем необходимым. Солдаты, как правило, дважды в сутки получали горячую пищу. В их рюкзаках всегда можно было найти килограмм хлеба, банку консервов или кусок отварного мяса.

Самоотверженно выполняли свой долг и работники медсанбата. Начальник медслужбы дивизии военврач первого ранга Гонтарев, хирург капитан Кондратьев и другие врачи по суткам не отходили от операционных столов.

И, наконец, нельзя не сказать о службе связи, руководимой капитаном В. Н. Настечиком. Он четко выполнял указания начальника штаба П. Н. Прихно. Двухканальная связь обеспечивала бесперебойное оперативное управление войсками как в обороне, так и в наступлении.

Таким образом, успех обеспечивался общими усилиями, слаженностью действий всего личного состава дивизии. А это исходило от четкого понимания каждым поставленной задачи — от рядового до старшего командира и политработника. Критерием высокого уровня воспитательной работы в массах наша партия всегда считала и считает ее действенность, результативность. Эту истину политотдел 63-й стрелковой дивизии, возглавляемый полковником П. Г. Коноваловым, доводил до парторгов, комсоргов, всех коммунистов, комсомольцев и боевого актива.

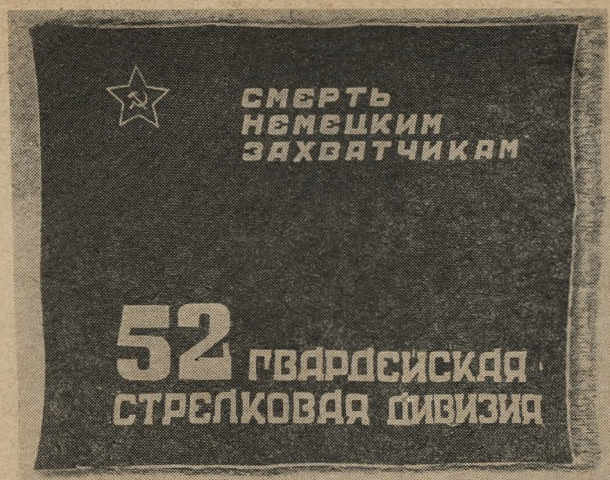
Широко пропагандировался боевой опыт отличившихся. Делалось все возможное, чтобы в короткий срок подготовить войска к переходу от обороны к наступлению, добиться высокого наступательного порыва, поднять авторитет командиров.

Большое значение в успешном исходе операции по окружению и пленению крупной группировки врага имели артиллерия, минометы и авиация. Командующий артиллерией полковник В. К. Потанин действовал смело и решительно, умело руководил огнем артиллерии, у него всегда все было спланировано и предусмотрено.

Верховное Главнокомандование высоко оценило боевые действия 63-й стрелковой дивизии. В октябре—ноябре большая группа офицеров и солдат была награждена орденами и медалями Советского Союза. Я получил орден Суворова II степени.

А день 27 ноября 1942 года навсегда останется в памяти тех, кто сражался в рядах дивизии. Приказом Народного Комиссара Обороны 63-я стрелковая дивизия была переименована в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В приказе № 378 от 27 ноября 1942 года говорилось: «В боях на нашу Советскую Родину против немецких за-



Знамя 52-й гвардейской стрелковой дивизии

хватчиков 63-я стрелковая дивизия показала образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. Ведя непрерывные бои с немецкими захватчиками, 63-я стрелковая дивизия нанесла огромные потери фашистским войскам и своими сокрушительными ударами уничтожила живую силу и технику противника, беспощадно громя немецких захватчиков.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава 63-я стрелковая дивизия преобразована в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Командир дивизии — полковник Козин.

Преобразованной дивизии вручается гвардейское знамя.

Народный комиссар Обороны Союза ССР
Маршал Советского Союза *И. Сталин*».

Присвоение почетного гвардейского звания служило признанием массового героизма, особо высшей доблести, мужества и воинского мастерства, проявленных в ожесточенных сражениях. Став под гвардейское знамя, личный состав 52-й гвардейской стрелковой дивизии не раз отличался в боях и вписал немало ярких страниц в историю Великой Отечественной войны. Это гвардейское знамя личным составом дивизии овеяно неувядаемой славой. На сче-

ту 52-й дивизии только с июля 1942 по 2 февраля 1943 года более 13 тысяч убитых, еще больше раненых солдат и офицеров противника и около 30 тысяч взятых в плен. Такие примеры массового подвига солдат и офицеров дивизии говорят сами за себя. Русские дрались насмерть не потому, что они русские, а потому, что они советские русские! И другие народы нашей страны, потому что они советские люди.

После разгрома врага в Распопинской, дивизия совершила 100-километровый марш и 30 ноября сосредоточилась в районе Советского. А в ночь на 1 декабря заняла полосу обороны на правом фланге армии южнее лагеря имени Ворошилова — Мариновки. Справа от нас оборону заняла 15-я гвардейская дивизия 57-й армии, слева — 96-я стрелковая дивизия.

И опять потянулись дни и ночи непрерывных боев, о которых обычно сообщалось: «Идут бои местного значения». А для солдат ратный труд оставался тяжелым, изнурительным, всегда связанным с опасностью.

Нам необходимо было срезать мариновский выступ, который глубоко врезался в линию нашей обороны. Он был опасен тем, что из этого выступа войскам врага лучше было выйти на соединение к своим за внешнюю линию окружения.

С целью ликвидации опасного выступа 5 декабря войска 21-й армии перешли в наступление. 52-я дивизия после артиллерийско-минометного налета во взаимодействии с соседями атаковала противника, но успеха не имела. Враг из заранее подготовленных деревоземляных укрытий оказал упорное сопротивление и частыми контратаками остановил продвижение подразделений 151-го и 155-го стрелковых полков.

Однако командующий армией требовал продолжать истребление окруженных войск противника, не давать ему покоя ни днем, ни ночью. Все наши и соседней потуги овладеть Мариновкой, кроме неоправданной потери, не дали положительных результатов. Тогда из расползания боевых порядков обороняемых частей 52-й дивизии к соотечественникам обратился с призывом положить конец кровопролитию видный немецкий писатель Вилли Бредель. Не один раз выступал он с призывом к солдатам, но каждый раз его обращения оставались без ответа.

В боях под Мариновкой смертью храбрых пали командир взвода разведки 155-го полка младший лейтенант А. И. Журавский, командир пулеметной роты младший

лейтенант Л. М. Рабинович, старший сержант А. П. Головки и другие.

Лишь 19 декабря при помощи выставленных орудий прямой наводки были подавлены вновь выявленные пулеметы в дзотах и артиллерия отсечно-заградительного огня. Батальону 151-го и батальону 155-го стрелковых полков удалось овладеть южной окраиной Мариновки.

Гитлеровские войска продолжали оказывать упорное сопротивление. А вскоре обстановка под Сталинградом еще более резко изменилась: 12 декабря фашистская группа войск генерала Гота нанесла нам сильнейший удар из района Котельниково с целью деблокирования 6-й армии Паулюса.

В силу сложившихся обстоятельств уничтожение окруженной группировки было на некоторое время отложено. Нам стало известно, что по приказу Паулюса в районе Мариновка—Атамановский—Карповка должны были сосредоточиться танковые и моторизованные дивизии с задачей прорваться в юго-западном направлении навстречу группе Гота.

Командующий фронтом К. К. Рокоссовский приказал 21-й армии крепко держать оборону на своем рубеже и ни в коем случае не допустить прорыва противника. Оборону указанного рубежа командарм возложил на 52-ю гвардейскую и 96-ю стрелковые дивизии, укомплектованные на 55—60 процентов.

Получив столь ответственную задачу, мы решили использовать все виды трофейного оружия. Около двух суток на автомашинах и тягачах собирали орудия, крупнокалиберные авиационные и тяжелые пулеметы. Все это значительно укрепило нашу обороноспособность. Гвардейцы с небывалой энергией взялись за оборудование артиллерийских и пулеметных гнезд, окопов. «Все — в землю!» — таков был лозунг. Саперы ставили противотанковые и противопехотные мины на вероятных направлениях действий противника, стыках полков и подразделений. Был создан сильный подвижной отряд заграждения. Гитлеровцы неоднократно предпринимали усиленную разведку боем, чтобы прощупать мощь нашей обороны, но безуспешно.

Огонь вели и мы, особенно сильно по лагерю имени Ворошилова. Услышав стрельбу, командующий И. М. Чистяков подумал, что противник ведет артподготовку с целью прорыва, и позвонил соседу слева, узнать, где идет стрельба. «На участке Козина», — ответил Исаков. Звонюк мне:

- Что делает противник?
- Молчит.
- Как молчит? А кто стреляет?
- Мы.
- Кто разрешил?
- Стреляем из трофейного оружия.

Через некоторое время И. М. Чистяков приехал на мой наблюдательный пункт. Посмотрев, расспросив, как мы собирали трофейное оружие, и оставшись доволен, он объявил благодарность всем участникам «трофейного» похода.

Что же представлял собой противник в полосе готовившегося наступления 21-й армии? По данным разведки и показаниям пленных, это были две сборные дивизии, в которых имелось около 90 орудий, свыше 90 минометов и до 60 танков. Оборона противника состояла из трех рубежей. Перед 52-й гвардейской дивизией на первом рубеже в районе Мариновки находился один из узлов сопротивления. Здесь оборонялось до 1000 человек с двумя дивизионами артиллерии среднего калибра, одной тяжелой батареей и ротой танков.

Второй рубеж тянулся по восточному берегу реки Россошки. Третий — железнодорожная станция Гумрак-Алексеевка — являлся последним на ближних подступах к Сталинграду, он прикрывал основные силы окруженной группировки противника восточнее окружной железной дороги. На этом рубеже, особенно в районе станции Гумрак, были установлены десятки бронеколпаков для пулеметов и орудий прямой наводки, проволочные заграждения. Подступы к позициям прикрывали минные поля.

К 8 января 1943 года наши войска были готовы к боевым действиям. Мы ждали сигнала к наступлению. Но его не было. Как стало известно позднее, Верховное Главнокомандование, учитывая безнадежность сопротивления окруженной группировки и желая избежать напрасного кровопролития, предъявило противнику ультиматум о капитуляции. Попытка парламентаров 24-й армии окончилась неудачей: гитлеровцы, не ответив, открыли пулеметный огонь. Тогда командующий 21-й армии приказал нам выслать парламентаров в Мариновку. Сержант А. П. Егоров и ефрейтор М. Д. Харитонов, разведчики 151-го гвардейского полка, лично истребившие около 100 солдат врага, первыми вызвались пойти к немцам и вручить условия сдачи в плен. И вот парламентары с белым флагом отправились к неприятелю. Все с тревогой ждали возвращения своих по-

сланцев. Они вернулись только к исходу дня. Противник отверг гуманное предложение советского командования. Ну что ж, тем хуже для фашистов. Осталось одно: разговор вести языком оружия.

10 января 1943 года после 55-минутной артиллерийско-авиационной подготовки вражеские артиллерийские и минометные батареи и пулеметные гнезда были в основном подавлены. Большинство дзотов и блиндажей сметено, началось мощное наступление нашей пехоты и танков.

К исходу первого дня части 21-й и 65-й армий углубились в оборону противника на 4—5 километров. Этот успех оказался решающим, поскольку важные опорные пункты врага — Дмитриевка, Оторвановка, Полтавский — были обойдены с запада и севера. Противник, боясь окружения в районе Мариновки, лагеря имени Ворошилова, Карповки, предпринимал отчаянные контратаки, чтобы выйти из-под удара наших войск.

Вскоре позвонил командарм генерал И. М. Чистяков и спросил меня, как ведет себя противник. Я ответил, что враг усилил огонь и, надо полагать, с целью оторваться в северо-восточном направлении.

— Ни в коем случае не допустите безнаказанного отхода врага на второй оборонительный рубеж — на реку Россошку, — предупредил меня командарм.

52-я гвардейская дивизия во взаимодействии с 96-й стрелковой дивизией к 14 часам 11 января освободила Мариновку. Части дивизии, тесня врага, во второй половине дня 12 января достигли населенного пункта Карповки, преследуя разрозненно-потрепанные подразделения 767-го пехотного полка 376-й и 3-й моторизованной дивизий, 13 января вышли ко второму рубежу вражеской обороны на реке Россошке.

Учитывая наиболее выгодное положение, достигнутое войсками 21-й армии, командующий Донским фронтом генерал К. К. Рокоссовский перенес главный удар из полосы 65-й армии в полосу наступления нашей 21-й армии, передав ей основные средства усиления, которые в несколько раз увеличили мощь армии*.

13 и 14 января шла перегруппировка войск, велась разведка, организовывалось взаимодействие между родами войск, готовились проходы в минных полях для наступления. И, естественно, ничуть не ослабевала партийно-политическая воспитательная работа среди личного состава,

* ЦАМО, ф. 35, оп. 5113, д. 248, л. 43.

особенно пропагандировался опыт отличившихся, вскрывались недостатки в бою. С удовольствием отмечаю действия 1-го дивизиона 124-го гвардейского арtpолка майора Н. Е. Плысюка. Он всегда имел свой командирский глаз в наступающих ротах первой линии. Следовательно, огонь его дивизиона был эффективен. 5-я стрелковая рота старшего лейтенанта И. К. Левыкина уничтожила два взвода пехоты, дзот, 5-я батарея А. А. Гриба уничтожила 2 дзота, орудие, более взвода пехоты. Орудие батареи лейтенанта Д. Д. Быкова подбило танк врага и тем содействовало развитию наступательного успеха стрелковых подразделений. Разведчик 151-го гвардейского полка ефрейтор И. К. Молявин, выполняя задание командира разведки, уничтожил двух фашистов и одного взял в плен. Пленный оказался из 673-го пехотного полка и дал ценные сведения. Старший сержант 4-й стрелковой роты 155-го полка И. В. Пашков со своим взводом при поддержке артбатареи дважды отбивал контратаки фашистов, обеспечил продвижение 2-го батальона. Противник отступил.

Но наше наступление сдерживал ряд трудностей.

Прежде всего речь идет о дорогах, а вернее — об отсутствии их. Из-за плохих дорог, как правило, выходил из строя транспорт, которого и так не хватало. И самое страшное — это когда артиллерия остается в бою без сварядов. А без артиллерийской поддержки тяжело приходится и пехоте, наступление ее может просто-напросто захлебнуться.

И все же, должен сказать, снаряды и другие боеприпасы с трудом, но доставлялись. Выручали упорство, находчивость, смекалка нашего солдата. Правда, иногда арtpолки из-за нехватки тяги несколько отставали от стрелковых подразделений, тогда вся тяжесть огневой поддержки пехоты ложилась на батальонную, полковую и лишь частично на дивизионную артиллерию. Для этой артиллерии тоже доставало средств тяги, но тут находился выход: орудия эти были не так уж тяжелы — каких-нибудь 600—900 килограммов — по сравнению с орудиями дивизионной и армейской артиллерии, вес которых колебался от трех до девяти тонн. Поэтому пушки эти можно было перекатывать вручную. Конечно, легко катить пушку расчеху из 5—6 человек по хорошей дороге, но не так просто тащить по снежному полю, изрытому окопами, траншеями, воронками от бомб и снарядов, даже самую легкую 45-миллиметровую пушечку. Но тащить пушки надо было, и артиллеристы при помощи стрелковых рот тащили.

С утра 15 января после нашего общего артиллерийского налета 151-й и 153-й гвардейские полки при поддержке артиллерии прорвали передний край обороны противника и продолжили наступление в направлении Питомник—Гумрак. Враг, потеряв основные узлы сопротивления, стал отходить на восток и северо-восток, прикрываясь сильными арьергардами. К вечеру того же дня был полностью очищен от врага восточный берег Россошки. Подразделения 29-й механизированной и 376-й пехотной дивизий противника в беспорядке отступали на третий внутренний оборонительный рубеж.

Приближался завершающий этап исторической битвы на Волге. Советские войска готовились к одновременному штурму противника на всем фронте. Дивизиям 21-й армии во взаимодействии с другими предстояло расчлнить вражескую группировку, прорвавшуюся к Сталинграду, и уничтожить ее по частям.

52-я гвардейская стрелковая дивизия с приданными средствами усиления вышла к железной дороге в четырех километрах юго-западнее станции Гумрак.

«Скорее к Волге, к русской матушке-реке! Вот она! Главная улица России...»

22 января в 10 часов после артиллерийской подготовки 151-й и 155-й полки, прорвав последний неприятельский оборонительный рубеж на подступах к Сталинграду, начали уверенно продвигаться вперед. Яростными контратаками враг пытался сдержать наступление гвардейцев, но положение складывалось не в его пользу.

24 января 151-й гвардейский полк подполковника И. Ф. Юдича при поддержке танков после упорных боев овладел окраиной окружной станции Гумрак. Но тут противник предпринял контратаку: из-за домов с юго-западной стороны, стреляя на ходу, выскочили пять вражеских танков. Их встретила батарея старшего лейтенанта П. Т. Симоненко. Видя, что тут дело оборачивается туго, танки повернули в сторону. Но здесь их уже ждала 4-я рота старшего лейтенанта И. М. Щербинина.

— Подготовить гранаты! — крикнул старшина Борис Мусатов, завидев танки противника.

Выкатив пушки полковой батареи на насыпь, артиллеристы прямой наводкой подбили танк. Танки фашистов снова застопорили, стали вести огонь с места. От прямого попадания вражеского снаряда в ящик с боеприпасами раздался взрыв, несколько человек было ранено, одна пушка вышла из строя.

— Товарищи, без паники! — Раздался голос Мусатова. — Все внимание на врага! Постоим за Сталинград! Гранаты бросать только по моей команде.

Танки приближались. Вот уже совсем близко один, другой. «Огонь!» — крикнул старшина и бросил гранату, за ним другие. Два танка завертелись на месте. А в это время наша артиллерия «долбила» вражеские дзоты, доты, саперы проделывали проходы в минных полях, обеспечивая действие танкового полка.

На наблюдательный пункт прибыл начальник политотдела 21-й армии полковник Леонид Иванович Соколов. Обращаясь ко мне, он сказал:

— Вот он, главный опорный пункт врага — Гумрак. А там и многострадальный Сталинград! А ведь ждут нас сталинградцы, ой как ждут. Ну ничего, теперь недолго осталось.

Он помолчал. А затем продолжил:

— Можно ли победить наш народ! Вот, посмотрите, — он показал на бойца. — Сколько ему? А ведь молодым в бою не уступит. — Это был дядя командующего артиллерией дивизии полковника Виктора Кузьмича Потанина. Участник гражданской войны, воевавший в одной из дивизий Семена Михайловича Буденного, Илья Маркович Матушкин пришел к нам добровольцем. Матушкин заметил, что на него обратили внимание, представился.

— Матушкин воевал в этих местах в годы гражданской войны, — доложил полковник Потанин.

— Так что, товарищ полковник, довелось. Вон там, — показал в сторону, — оборонялась наша кавалерийская дивизия, защищая тогда Царицын. Прошусь в строй, да вот племянник говорит, здесь ты заменишь молодого, а молодой лучше тебя воевать будет.

— Спасибо, — Соколов пожал руку Матушкину.

После четырехчасового ожесточенного боя мы полностью овладели важным опорным пунктом — окружной железнодорожной станцией Гумрак. В этом районе был лагерь наших военнопленных, в котором содержалось более 10 тысяч человек. Надо ли говорить о радости их освобождения!

Когда мы с командующим артиллерией дивизии полковником В. К. Потаниным въехали в Гумрак, то увидели, что более двух десятков дотов разворочено, наблюдательные пункты разрушены. Все тупики станции забиты товарными вагонами, переполненными ранеными и обмороженными гитлеровскими солдатами и офицерами.

Хочется привести выдержку из дневника немецкого офицера — казначея санитарной роты Отто Рюле, который вместе с другими был взят в плен. Он писал:

«...На мне лежала ответственность за снабжение раненых. И я решил лично явиться в штаб армии, который размещался в руинах универмага.

— Да, пожалуйста, — услышал я в ответ на свое: «Разрешите войти?» — Что вы хотите?

Я назвал свое воинское звание, фамилию и часть.

— Полковник фон Хоовен, начальник связи армии, — ответил он. — Что вас привело ко мне?

— Мне необходимо срочно достать продовольствие для раненых. А со вчерашнего дня, я слышал, вошел в силу приказ, согласно которому раненым и больным больше не выдавать никаких продуктов.

— Я знаю об этом, — ответил полковник. — Продовольствие выдается только боевым частям.

— Я не знаю, известно ли командованию, какое тяжелое положение в госпитале? По-моему, этот приказ страшнo несправедлив по отношению к раненым и больным.

— Ваша откровенность мне нравится. Вы правы. То, что здесь происходит, — настоящее безумие. В штабе армии вряд ли есть хоть один здравомыслящий человек. В конце декабря я прилетел сюда, в «котел», из штаба вермахта. Уже тогда не было возможности к деблокированию. Выход один — капитуляция. Тогда как главнокомандующий отдает приказ: «Драться до последнего солдата, до последнего патрона». Нас бросают в мясорубку, и мы даем это делать... Тогда как многие наши офицеры и солдаты понимали, что кроме плена из создавшегося положения выхода нет...»*

Эти откровенные записи немецкого офицера полностью соответствовали действительности. При отступлении гитлеровцы в панике бросали все и нисколько не заботились, как и в окружении, о больных и раненых, которых можно было видеть повсюду. На дорогах и обочинах сидели и лежали немецкие солдаты и офицеры, те, кто не мог уйти, побитые, обмороженные, брошенные, никому не нужные. И поэтому плен они считали счастливым избавлением от всех бед и мук, от голода и холода.

С северо-западной части станции, у крайних домов, было немецкое кладбище, расположенное большим квадра-

* Отто Рюле. Исцеление в Елабуге. М., Воениздат, 1969, с. 100—103.

том. По моему приказу саперы роты 61-го отдельного саперного батальона старшего лейтенанта В. Н. Горбачева вскрыли одну из могил. В ней оказалось около 20 трупов. И это под одним крестом! Так фашисты старались скрыть свои потери.

Еще были слышны отдельные выстрелы на юго-западной окраине Гумрака, когда ко мне подъехал командующий 21-й армией генерал-лейтенант Чистяков.

Я доложил обстановку, сказал, что уже в этом часу должны полностью очистить станцию от фашистов.

— От противника не отрывайтесь, преследуйте, — приказал командарм. — На здании станции водрузите красный флаг.

Флаг был установлен 151-м гвардейским полком майора Юдича. К вечеру нам стало известно, что западнее станции Гумрак 155-й полк майора Г. Г. Пантюхова добывает подразделения 100-й Восточно-Прусской дивизии генерал-лейтенанта Занне. Читатель помнит, с этой дивизией врага 63-я стрелковая дивизия вела бой у хутора Мело-Клетский—Мело-Меловский.

...Непрерывные и все нарастающие удары наших войск значительно деморализовали противника. Казалось бы, при нашем мощном ударе враг должен был полностью сложить оружие, но он продолжал упорно сопротивляться, местами переходя в яростные контратаки.

Мы удивлялись: на что он рассчитывает? Оказывается, были причины. При допросах пленные солдаты и офицеры из 100-й, 376-й и других дивизий говорили, что они боялись мести за содеянные преступления, не надеялись на пощаду, поэтому и дрались как смертники.

Командование окруженной группировки у Сталинграда прекрасно понимало безнадежность и бессмысленность дальнейшего сопротивления. Об этом убедительно свидетельствует донесение генерал-фельдмаршала Паулюса Гитлеру 24 января 1943 года: «Докладываю обстановку на основе донесения корпусов и личного доклада тех командиров, с которыми я смог связаться: войска не имеют боеприпасов и продовольствия, связь поддерживается только с частями шести дивизий. На южном, северном и западном фронтах отмечены явления разложения дисциплины. Единое управление войсками невозможно. На восточном участке изменения незначительные. 18000 раненым не оказывается даже самая элементарная помощь из-за отсутствия перевязочных средств и медикаментов. 44-я, 76-я, 100-я, 305-я и 348-я пехотные дивизии уничтожены. Ввиду вкли-

нения противника на многих участках, фронт разорван. Опорные пункты и укрытия есть только в районе города, дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию»*.

Однако ответа на это донесение не последовало.

А вот что пишет полковник вермахта Луитпольд Штейдле в книге «От Волги до Веймара» (М., Прогресс, 1975): «10 января 1943 года в 8 часов 05 минут русские начали артобстрел еще более сильный, чем 19 ноября... Начался последний штурм котла.

Орудийный гром смолкает, приближаются танки, за ними — автоматчики. Мы оставляем Мариновку, затем Дмитриевку. Все живое драпает в долину Россошки. Через два дня оказываемся в районе станции Питомник.

Котел сжимается с запада на восток: 15-го — до Россошки, 18 — до Воропоново—Питомник—Ганчара, 22 — до Елшанки—Гумрак.

Наша 376-я дивизия перестает существовать, от моего 767-го полка остается в живых 11 офицеров и 34 солдата. От полка полковника Вебера также ничего не осталось, не лучше положение и в других частях...

Могилы копали в первые дни. Но скоро уже не хватало живых, чтобы копать могилы мертвым»*.

Для нас наступал решающий момент. Части 21-й и 62-й армий получили приказ встречным ударом на поселок Красный Октябрь расчленить окруженного противника, а затем силами войск фронта уничтожить его по частям.

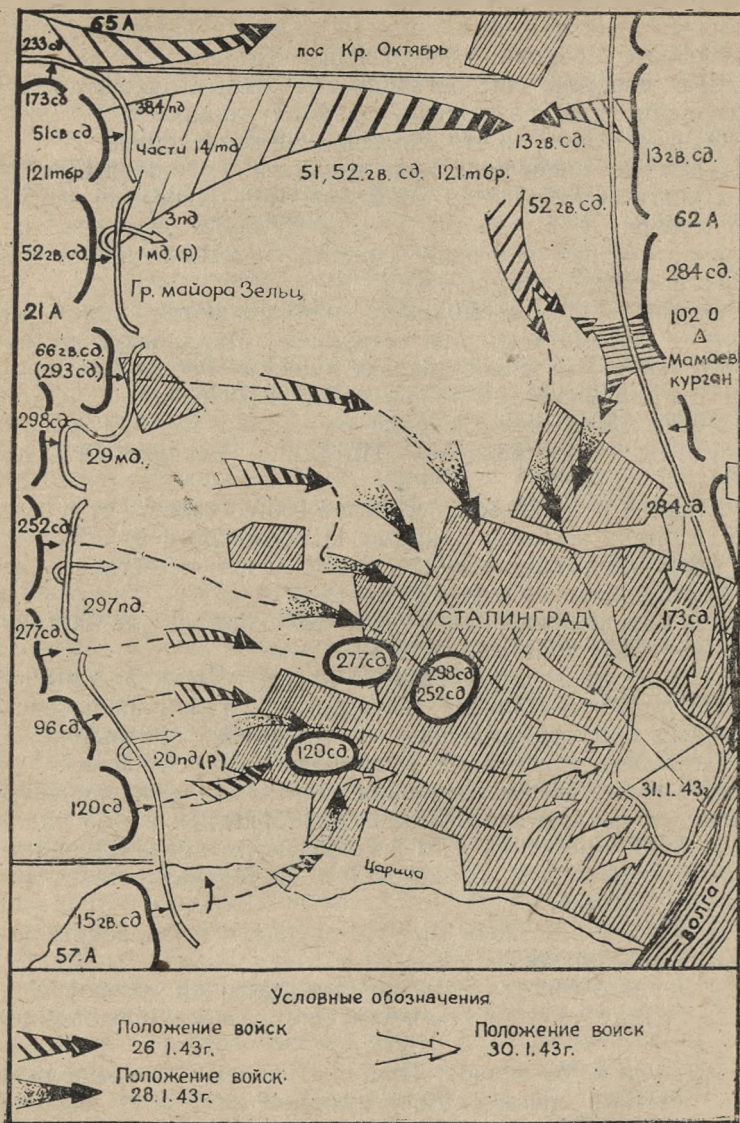
52-я гвардейская стрелковая дивизия с 9-м гвардейским танковым полком и 121-й танковой бригадой имела задачу во взаимодействии с 51-й гвардейской дивизией наступать навстречу 13-й гвардейской и 284-й стрелковым дивизиям 62-й армии.

В течение всей ночи мы готовились к выполнению поставленной задачи.

У личного состава дивизии был высокий боевой дух, была полная уверенность в успешном исходе предстоящего боя.

Наступило 26 января. Природа ничем не выделила этот обычный пасмурный, с туманом на Волге, зимний день. Но для бойцов, командиров, политработников он навсегда связан с незабываемой радостной встречей войск двух армий, двух фронтов — Донского и Сталинградского.

* Ганс Дерр. Поход на Сталинград. М., Воениздат, 1957, с. 121.



Соединение 52-й и 13-й гвардейских дивизий у поселка Красный Октябрь

На рассвете 52-я гвардейская дивизия перешла в наступление. События разворачивались быстро.

В 9 часов 20 минут, преодолев сопротивление врага, полки 52-й и 51-й гвардейских дивизий и части 121-й танковой бригады полковника М. В. Невжинского соединились южнее поселка Красный Октябрь с 34-м и 42-м полками 13-й гвардейской и 284-й стрелковой полковника Н. Ф. Батюка дивизий 62-й армии*.

Это была радостная волнующая встреча на Мамаевом кургане! Объятиям, поздравлениям не было конца.

— Кто вы?

— Из 52-й гвардейской!

— А мы гвардейцы Родимцева и воины 284-й дивизии Батюка!

У многих бывалых воинов и пограничников, не раз смотревших в глаза смерти, выступали слезы. Слезы счастья, радости. Это была поистине выстраданная радость.

Капитан Гушин из дивизии Родимцева вручил майору В. И. Еремину, капитану С. А. Усенко и старшему лейтенанту В. И. Горбачеву от начальника политотдела 284-й дивизии подполковника В. З. Ткаченко знамя-вымпел, на алом полотне которого было написано: «В знак встречи 26. 1. 43 в 9 часов 20 минут».

После соединения двух армий северная группа окруженных немецких войск оказалась отрезанной от южной. Ее связь с командующим 6-й армии прекратилась.

Места недавних боев представляли страшную картину. Все было разрушено, разворочено, превращено в нагромождения камня и железа. Вокруг разбитые бронетранспортеры, автомашины, орудия, танки. Куда ни помотришь, всюду колонны пленных.

После встречи с частями 62-й армии 52-я гвардейская дивизия с 9-м танковым полком и ротой танков старшего лейтенанта Семена Васильевича Коновалова 121-й танковой бригады получила задачу повернуть в южном направлении. После 3-минутного митинга 52-я и 284-я дивизии начали совместное наступление в южном направлении, расширяя коридор, образованный войсками 21-й и 62-й армий. Один из танков Т-34 танковой роты С. В. Коновалова навсегда остался на месте исторической встречи 26 января 1943 года как свидетельство бывших боев.

Командиром танка был старший лейтенант Николай Михайлович Канунников, а механиком-водителем старши-

* ЦАМО, ф. 335, оп. 5113, д. 248, лл. 33—34.



26 января 1943 года соединились войска 21-й и 62-й армий Донского фронта

на Николай Ефимович Макурин. На танке установлена мемориальная надпись: «Здесь 26. 1. 43 года в 10 часов произошла встреча этого танка, шедшего с запада...»

В день 30-летия разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, 3 января 1973 года при встрече с бывшими офицерами 284-й дивизии начальником разведки В. В. Графчиковым и помощником начальника части Г. М. Малицким, организаторами встречи войск 21-й и 62-й армий, они рассказали: «Нам начальником штаба 62-й армии генерал-майором Н. И. Крыловым было приказано организовать круглосуточное наблюдение за подходом к нам войск Донского фронта. 26 января мы заметили движение советских танков, идущих к нам с боем, за ними шла пехота. Мы доложили полковнику Батюку и генералу Крылову. Нам было приказано кострами и ракетами обозначить свой передний край — «мы свои». С вашей стороны был дан установленный сигнал — красные ракеты — «видим».

И вот вновь мы на Мамаевом кургане слушаем грохот войны, вой снарядов, гранат, автоматные очереди. Это радиозапись, напоминающая о том, что происходившее здесь 26 января 1943 года никогда не должно повториться.

Последние четыре дня, до 30 января, 52-я дивизия вместе с другими вела уличные бои, шаг за шагом продвигаясь вперед, выбивая врага из развалин зданий и подвалов. Дни окруженных немецко-фашистских войск были сочтены. Положение южной группировки противника с каждым часом становилось безнадежнее, остатки враже-



Встреча на Мамаевом кургане

ских частей начали сдаваться в плен вместе с офицерами и генералами.

Утром 31 января частями 64-й армии были пленены командующий 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Паулюс и его штаб. Разгром южной группировки противника был завершен.

1 февраля вся артиллерия Донского фронта обрушила свой огонь на остатки вражеской группировки, зажатой в северной части города. Утром 2 февраля последние части 6-й армии сложили оружие.

Над Сталинградом воцарилась тишина. Впервые за шесть с половиной месяцев умолкли орудийные раскаты, не слышно стало взрывов авиабомб, пулеметных и автоматных очередей.

Общие потери вражеских войск с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года под Сталинградом составили около полутора миллионов человек. Вдумаемся сегодня в эту цифру! Нет, не хотели мы, советские люди, занятые мирным трудом, сделать черной старость немецких, румынских и итальянских матерей, не мы вырвали у жен мужей, у детей отцов, навек уложив их в мерзлую сталинградскую землю. Здесь, у великой русской реки Волги, пожали они плоды преступного авантюризма своих политических и военных руководителей.

4 февраля на площади Павших борцов состоялась торжественная встреча воинов с жителями города — поистине незабываемая встреча. Пропуская строй, мы напряженно вглядывались в лица бойцов. О чем думали сейчас эти люди? О противнике, который на их глазах уничтожал родной город?



И. Н. Горшков



К. Г. Губернаторов

— Во что город превратили... Страшно смотреть... — каким-то чужим голосом сказал полковник Потанин.

— Вижу, злее будем, Виктор Кузьмич! Хотя у нас и так злобы к немцам девать некуда, если кому не хватает — одолжить можем.

Отгремела великая битва на Волге, в которой активное участие принимала и 52-я гвардейская дивизия.

Успех, достигнутый частями и подразделениями дивизии, еще раз подтвердил, насколько важны хорошо организованная, непрерывная разведка обороны и намерений противника с учетом использования рельефа местности, тщательная и умелая подготовка к проведению любой операции, четкое и тесное взаимодействие с другими родами войск, быстрая организация на вновь захваченных рубежах надежной противотанковой, противопехотной и противовоздушной обороны.

Командиры и политработники подразделений и частей дивизии, прошедшие хорошую практику в предыдущих боях, к этому времени обладали высоким военным мастерством, умели со знанием дела организовывать и проводить боевые действия.

Опытными организаторами боя стали командиры полков полковник Г. Г. Пантюхов, полковник П. С. Бабиц, полковник И. Ф. Юдич, начальники полковых штабов ка-

питан М. З. Скрылев, К. Г. Губернаторов, заместители командиров по политической части майоры В. И. Еремин, И. Н. Горшков, командир 124-го гвардейского гаубичного артполка подполковник В. А. Чепов, его заместитель, а затем командир полка майор Н. Д. Чевала, командир дивизиона 124-го артполка Н. Е. Плысюк, командующий артиллерией дивизии полковник В. К. Потанин, начальник политотдела полковой комиссар П. Г. Коновалов, начальник штаба артиллерии дивизии майор В. Д. Радченко, начальник штаба дивизии П. Н. Прихно и другие. Сейчас, к сожалению, уже многих нет в живых.

После войны мне не раз приходилось бывать в Сталинграде. Особенно незабываемо отмечается День Победы — он всегда в слезах горя, в слезах радости. Горе — что многих потеряли, счастье — что выстояли и победили. Мы не могли не победить.

...Мамаев курган. Легендарный курган. Сейчас, как поется в песне: «На Мамаевом кургане тишина, на Мамаевом кургане похоронена война». И вот теперь отовсюду идут и едут сотни тысяч людей поклониться тем, кто защищал волжскую твердыню.

Здесь теперь памятник народной славы, памятник тысячам, десяткам тысяч героев, «похоронившим войну». Сюда идут и едут матери и отцы, жены и друзья. Сюда идут и едут сыновья и дочери погибших, они уже старше своих отцов и матерей.

К павшим обращаются, как к живым. Почитайте записи в книгах:

«Я обращаюсь к тебе, Герой Советского Союза Мишка Афанасьев. Извини, что пришел поклониться праху твоему только через 28 лет.

Твой друг *Петька Кулаков*».

«Дорогой Василий! Через 26 лет приехала я к твоей могиле. Просьбу твою выполнила — детей вырастила. Получили образование. Живут хорошо. От твоей любимой дочери Галины и сына Бориса низкий поклон. Вечная память тебе.

Твоя жена *Женя Саяпина*».

«Я думаю, что никто никогда не забудет этого.

Сережа Мамонов, 11 лет,
г. Тольятти».

Да, Сережа, этого никто никогда не забудет!
Память о погибших вечно жива. Такое не забывается.

На Курской дуге

После разгрома фашистских войск в районе Волги и Дона за три месяца наступления зимой 1942/43 годов наши войска с боями прошли на южном крыле советско-германского фронта более 700 километров, что не могло не сказаться на их боеспособности. Стремясь не допустить дальнейшего ухудшения обстановки, немецкое главное командование, перегруппировав силы еще во второй половине февраля, организовало контрнаступление против Юго-Западного фронта с целью отбросить его за Северский Донец, а затем нанести удар по войскам Воронежского фронта с целью захвата Харькова и Белгорода.

Тщательно и всесторонне подготовленное летнее наступление гитлеровцев в 1943 году должно было начаться операцией в районе образовавшегося в результате зимних боев Курского выступа. Эта операция получила название «Цитадель».

После большого поражения зимой 1942/43 года, и особенно после Сталинградской битвы, фашистская Германия оказалась в неблагоприятной политической обстановке. Неудачные операции и огромные потери в живой силе и боевой технике на Восточном фронте поколебали позиции ее союзников. Крупнейшая в истории войн победа Советской Армии резко изменила обстановку на советско-германском фронте. Гитлер решил любой ценой поддержать свой престиж и повернуть течение войны в свою пользу.

Фашистское командование рассчитывало одновременно встречным сходящимся ударом в направлении Курска двух крупных группировок, созданных южнее Орла и в районе Белгорода, окружить и уничтожить силы Центрального и Воронежского фронтов.

Успеха фашисты хотели добиться внезапностью ударов и применением новой боевой техники, в частности, танков «тигр» и «пантера» и штурмовых орудий «фердинанд». Всего в составе 50 хорошо укомплектованных дивизий, сосредоточенных в районе Курской дуги, имелось 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, почти 2700 танков. Наступление должны были поддерживать более двух тысяч самолетов. Операцией «Цитадель» фашистский вер-

махт надеялся изменить обстановку в свою пользу, взять реванш за Сталинград.

Противник готовил операцию в строжайшей тайне. Оперативным приказом № 6 предусматривалось проведение мероприятий с целью создания ложного представления о подготовке наступления южнее Харькова. В полосе группы армии «Центр» намечалось отвести войска в тыл и распространять ложные слухи о том, что немецкая армия наступать не собирается. Осуществлялись мероприятия по маскировке.

Ставка Верховного Главнокомандования советских войск, зная намерения противника, подготовила свой план операции на Курском выступе. Оборона войсками Центрального и Воронежского фронтов строилась прежде всего как противотанковая и противовоздушная с целью и задачей: измотать, обескровить противника в оборонительных сражениях, а затем решительно перейти в контрнаступление и разгромить Орловско-Харьковскую группировку противника.

После того как Ставка Верховного Главнокомандования приняла окончательное решение о переходе войск к преднамеренной обороне, важнейшей задачей войск стало повышение боевой и оперативной подготовки*.

5 июля мощные группировки немецко-фашистских войск перешли в наступление на северном и южном фасах Курской дуги. Но начатой гигантской битве предшествовали почти сто дней предгрозового затишья. В то время наши войска накапливали силы для последующих решительных боев, закреплялись на завоеванных рубежах, что сыграло впоследствии решающую роль в успешном контрнаступлении. И потому есть смысл вернуться к тем событиям весны 1943 года.

После ликвидации сталинградской группировки немцев 52-я гвардейская дивизия в составе 21-й армии 20—24 февраля 1943 года по железной дороге была переброшена до станции Елец. 24 февраля — 9 марта она совершила марш Елец—Ливны—Косаржа—Курск—Фатеж—Гремячье, причем только по ночам при полной светомаскировке. В ночь на 10 марта дивизия сменила части 211-й и 232-й стрелковых дивизий в районе Черни (южнее Орла).

В это время враг, перейдя в наступление одновременно из районов Полтавы и Краснограда, потеснил наши войска, создав угрозу Воронежскому и Юго-Западному фронтам.

* История второй мировой войны..., т. 7, с. 139—144.

Особенно трудная обстановка сложилась в районе Харькова. 16 марта после упорных боев ударные группировки противника заняли Харьков, Казачью, Лопань и без особого сопротивления устремились на Белгород. Было ясно, что если немцы захватят и Белгород, то будут развивать удар на Курском направлении.

В связи с создавшейся обстановкой распоряжением Ставки на усиление Воронежского фронта с Центрального фронта перебрасывалась 21-я армия, из резерва Ставки 64-я, и в районе южнее Курска сосредоточивалась 1-я танковая армия.

12 марта, получив приказ командующего 21-й армией о сдаче полосы обороны, в ночь 52-я дивизия выступила и следовала в голове войск армии по маршруту Фатеж—Курск—Обоянь с задачей сдерживать наступающего на Обоянь противника до подхода главных сил армии.

«Опять готовы были мы к походу. Что проще может быть: уверенно шагать, не трусить, верным быть народу, любить родную землю-мать, чтоб за нее в огонь и в воду. А если... — то и жизнь отдать».

Генерал-полковник И. М. Чистяков пишет: «Ранним утром 16 марта я прибыл к начальнику генерального штаба А. М. Василевскому в город Обоянь.

Он спросил: «Успеют ли войска вашей армии подойти к образовавшемуся разрыву, чтобы не допустить врага на Обоянь?»

Я доложил, что у меня на подходе 52-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Козина.

«Это хорошо, — с удовлетворением ответил Василевский, — эту дивизию я знаю по Сталинградской битве»*.

К 17 марта 52-я дивизия вышла в районе населенного пункта Козьмодемьяновка. Обстановка перед фронтом дивизии была крайне неясной. Предполагалось, что впереди должны быть подразделения наших войск. Для уточнения была организована усиленная разведка в двух направлениях: на Белгород и Тамаровку, с задачей установить наличие своих войск, их задачи и что им известно о противнике.

С рассветом 18 марта от начальника разведки майора В. Т. Широкумова нам стало известно: впереди нас наших войск нет. Белгород и Тамаровка заняты врагом, о чем доложено в штаб армии и тут же стало известно штабу фронта, где был Маршал Советского Союза Г. К. Жу-

* См. журнал «Дружба народов», 1973, № 5, с. 178.

ков. Он усомнился в данных нашего доклада и приказал мне лично проверить. Проверив, я доложил, что действительно, Белгород и Тамаровка заняты немцами. А ведь мы располагали другими данными, значит связь с дивизиями была потеряна. Столь неясная обстановка обеспокоила всех. Командующий 21-й армией генерал-полковник И. М. Чистяков приказал мне выслать передовой отряд (155-й полк) с задачей войти в соприкосновение с врагом и захватить пленных.

Около 13 часов того же числа охранение головной походной заставы обнаружило движение колонны на Обоянь и с боем стало отходить. Противник увлекся преследованием охранения, попал под засаду главных сил отряда в районе Шопино (севернее Белгорода). В результате боя были сожжены два бронетранспортера, тягач с пушкой и захвачены трое пленных, принадлежавших танковой дивизии «Мертвая голова». Как выяснилось, отряд противника имел задачу разведки на Обоянь—Курск. В этом бою отличились оружейные расчеты сержантов Г. А. Чумакова, В. Н. Манойлина и К. П. Тохтеева.

Передовой отряд 155-го гвардейского полка подполковника Г. Г. Пантюхова задачу выполнил, было приказано закрепиться на этом рубеже до смены.

К исходу дня 18 марта 52-я гвардейская дивизия заняла оборону. — высота 238,4—Сошенков—Нечаевка—Покровка, имея боевое охранение на рубеже Стрелецкое—Яхонтово—Шопино*. В дальнейшем, как ни пытался враг сбить наших гвардейцев, успеха он не имел.

Правее 52-й заняла оборону 67-я гвардейская дивизия. В тот же день на наблюдательный пункт мне позвонил начальник разведки майор В. Т. Широкоумов и сообщил, что начальник штаба полковник П. Н. Прихно выехал для встречи и сопровождения на командный пункт тов. Константинова (псевдоним Маршала Советского Союза Г. К. Жукова) и что туда должен прибыть и я. Когда я подъехал к командному пункту, там уже стояло несколько легковых машин и группа офицеров. Войдя в штаб-квартиру, я увидел Г. К. Жукова за рабочей картой штаба дивизии. Здесь же стояли начальник штаба дивизии Прихно и старший офицер для поручений генерал-майор Л. Ф. Меньюк. Я представился маршалу. Он встал, подал руку. А потом обратился к начальнику штаба:

* ЦАМО, ф. 203, оп. 2843, д. 323, л. 1.

— Рабочая карта, которую ведет оперативное отделение штаба, должна отображать обстановку более полно.

Он подробно интересовался противостоящим противником, его и нашими действиями и намерениями. Я доложил о схватке нашего передового отряда с передовым отрядом танковой дивизии «Мертвая голова», о захвате пленных. От них нам стало известно, что в районе Белгорода находится танковый корпус СС в составе трех танковых дивизий «Адольф Гитлер», «Райх» и «Мертвая голова». Попытка противника прощупать наши силы и сбить гвардейцев с занимаемых позиций пока успеха не имеет. Главный удар его надо ожидать по центру в направлении Яхонтово—Быково—Яковлево. Однако 52-я дивизия нуждается в пополнении, особенно в усилении противотанковой артиллерией и танками.

— Что вам конкретно надо? — спросил Георгий Константинович.

— Учитывая, что дивизия стоит на главном направлении удара тяжелых танковых дивизий СС, прошу противотанковую артбригаду, гаубичную бригаду, два истребительных противотанковых полка, дивизион РС М-13 и танковый полк Т-34.

— Товарищ Менюк, слышите, что генералу Козину надо? — и ко мне:

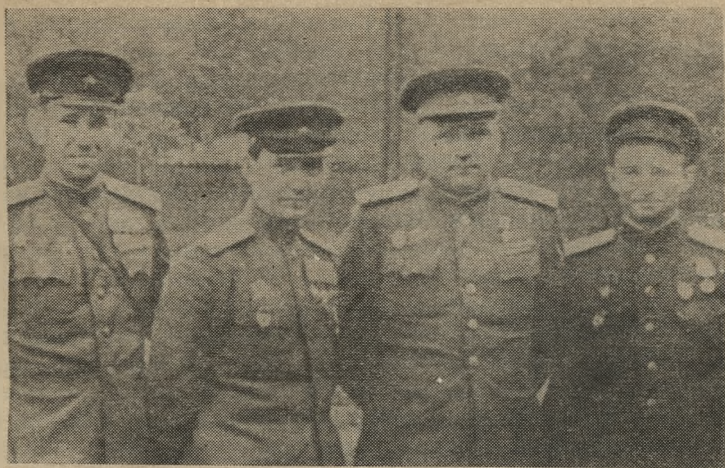
— Товарищ Козин, все получите, за исключением танков Т-34. Этот рубеж во что бы то ни стало надо удерживать.

После доклада я предложил Георгию Константиновичу пообедать. Он охотно согласился. За обедом он еще раз обратил внимание на то, как важно хорошо знать противника и свои возможности.

— Современная война требует от военных руководителей больших организаторских способностей. Командующий армией, корпусом, дивизией — это прежде всего организатор, он должен быть организатором людей, боевой техники и не только организатором, но и смелым новатором, применяя новые методы боя, а иногда вовремя ставить себя в положение врага: как бы сам поступил на его месте? К сожалению, не все любят новое и со времен первой мировой и гражданской ведут войну по-старому. Сейчас у такого командира ничего не получится. Так воевать нельзя.

Было отрадно слышать теплый отзыв о действиях 52-й гвардейской дивизии. Дивизия заняла ответственный участок полосы обороны армии.

«В конце марта и начале апреля, — пишет Г. К. Жу-



Слева направо: В. Т. Широкоумов, Г. Г. Пантюхов, Н. Д. Козин, Е. И. Иткин

ков, — мы с Н. Ф. Ватутиным* побывали почти во всех соединениях фронта, оказывая помощь командирам в правильной оценке обстановки, в уяснении своей задачи в том, как лучше ее выполнить в случае перехода противника в наступление. Меня особенно беспокоил участок 52-й гвардейской стрелковой дивизии, в которой за это время побывал дважды. Я считал, что этой дивизии придется принять на себя главный удар. Командующий фронтом и армией были того же мнения, и мы решили всемерно подкрепить этот ответственный участок артиллерийскими средствами**.

Мне не один раз довелось встречаться с четырежды Героем Советского Союза маршалом Г. К. Жуковым в самых сложных обстоятельствах: под Ельней, Москвой, Сталинградом, Белгородом, при штурме Берлина и после войны.

У этого человека умные глаза, лицо его никогда не теряло серьезности. Мне приходилось встречать немногих людей, в которых так совмещались бы серьезность, добродушие, энергия, рассудительность, настойчивость и талант.

Его ум и умение подчинить себе миллионы людей говорят за то, что это не простой, а переживший многое человек.

* Генерал армии Н. Ф. Ватунин незадолго до этого был назначен командующим Воронежским фронтом:

** Жуков Г. К., т. 2, с. 138.

Лично был дисциплинирован — этого же требовал от подчиненных ему войск.

Что Г. К. Жуков требователен, строг, порой даже суров — об этом мне было известно и от командующих 21-й Героя Советского Союза генерал-полковника И. М. Чистякова, 3-й ударной Героя Советского Союза генерал-полковника В. И. Кузнецова и адъютанта Жукова генерал-майора Л. Ф. Менюка. Что работать с Жуковым нелегко. С ним нельзя быть инертным, безынициативным. Он сам горит и других заражает: энтузиазмом, энергией. Он может поставить человека в такие условия, чтобы полностью раскрылся его талант, все его возможности, широкая натура, знания Жукова требуют размаха, простора, неограниченного поля деятельности. Один из главных его принципов — если готовить операцию любого масштаба, то только обдуманно, предусмотрев все от мелочей до большого.

Таким мне он представляется и сегодня. И вот, дочитав последнюю страницу его книги «Воспоминания и размышления», зримо представляешь человека, роль которого в победе над немецко-фашистской Германией трудно переоценить.

20 марта в 13 часов враг силою 40 танков, более батальона мотопехоты начал наступление из Белгорода вдоль шоссе на Обоянь. В результате тяжелого боя ему удалось прорвать оборону нашего боевого охранения и устремиться вперед. Но когда противник подошел к переднему краю обороны 155-го гвардейского стрелкового полка в районе колхоза «Смело к труду», то огнем артиллерии и контратакой с большими потерями был отброшен. В этих боях неприятель потерял сожженными и подбитыми 15 танков, 8 бронемашин, 200 солдат и офицеров танковой дивизии «Мертвая голова».

В боях отличились старший сержант 124-го гвардейского артполка Арнаутов, его расчет 76-миллиметровой пушки уничтожил 4 вражеских танка, рядовые Самопулин из 155-го полка и Зубков из 153-го, подбившие из противотанковых ружей по танку и бронемашине, командир орудия противотанковой батареи старший сержант И. Ф. Иванов, расчет которого подбил танк и две бронемашины. Отличились и другие. Все эти героин-гвардейцы получили правительственные награды.

Во второй половине того же дня, 20 марта, в Козьмодемьяновку прибыл Г. К. Жуков. Туда был вызван и я.

Первый вопрос маршала был:

— Все ли дивизия получила из средств усиления?
— Все, товарищ маршал. Это и дало возможность отразить не одну танковую атаку врага.

— Как решили использовать?

— Готовим основные и две запасные позиции для противотанковых артиллерийских батарей, усиливаем стыки полков, фланги и стык с соседом слева — 375-й стрелковой дивизией. На важнейших танкоопасных направлениях создаем артиллерийско-противотанковый резерв в составе истребительно-противотанкового полка, роты противотанковых ружей и роты подвижного отряда заграждений. Особое внимание обращаем на организацию противотанковой обороны, состоящей из ротных противотанковых опорных пунктов, объединенных в батальонные противотанковые узлы. Подразделения линии боевого охранения обеспечиваются огнем двух артполков и орудий, выставленных для стрельбы прямой наводкой с переднего края обороны. Увязывается и взаимодействие с соседом справа — 67-й стрелковой дивизией.

После моего доклада и ряда указаний Георгий Константинович приказал пригласить тех, кто заслужил правительственные награды. Вручая от имени Президиума Верховного Совета СССР ордена и медали группе бойцов и командиров, особо отличившимся в боях, он выразил надежду, что воины прославленной гвардейской дивизии и впредь будут выполнять свой священный долг перед Родиной. Мне маршал вручил еще и именные часы. Именные награды есть и другие, но эта награда мне особенно дорога. Потому что она принята от первого заместителя Верховного Главнокомандующего, из рук Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, человека выдающихся полководческих способностей, человека, которого я глубоко уважал.

Проводив Г. К. Жукова, мы тут же обсудили, как лучше выполнить его указания, чтобы «не закружилась голова» от успеха и похвалы. С большим удовлетворением вспоминаю и отдаю должное личному составу дивизии: высокая оценка боевых действий маршала воодушевила всех — это было видно по результатам не раз отбитых танковых атак врага.

Теперь хотелось бы несколько подробнее сказать о сложившейся обстановке в 16 километрах севернее Белгорода и состоянии дивизии к моменту занятия обороны. Как уже известно читателю, после завершения Сталинградской эпопеи дивизия в Елец прибыла по железной дороге. А потом

совершила 12-суточный ночной марш Елец—Курск—Орел, пройдя по разбитым дорогам более 300 километров. А через два дня снова марш Орел—Курск—Белгород. И снова ночью по вконец разбитым мартовским дорогам. Дивизия была малочисленна, без средств усиления. В инженерном отношении полоса обороны севернее Белгорода пока нами была оборудована более чем примитивно: имелись лишь окопы для стрельбы лежа. Позиции артбатарей и орудий для стрельбы прямой наводкой также были оборудованы слабо. Ощущался острый недостаток в шанцевом инструменте, который находился в отставших и растянувшихся обозах.

Заняв оборону в ночь на 18 марта, дивизия уже 20 марта вынуждена была вести бои с танками дивизии «Мертвая голова».

Если учесть состояние дивизии и то, что она заняла оборону на главном направлении удара крупных сил противника, нам было над чем задуматься. Об отходе и речи не могло быть. Выход у нас был один: применить особый вид борьбы — воевать морально. Для этого необходимо было прежде всего создать у врага впечатление, что он напоролся на заранее подготовленный рубеж сильного противника. Было отдано распоряжение «без команды не стрелять». Верность нашего замысла потом подтвердилась ходом боя, показаниями пленных, утверждавших, что они напоролись на заранее подготовленный рубеж сильного противника, который и не бежит, и не стреляет.

И вот, когда вражеские танки и бронетранспортеры, ведя артиллерийско-минометную стрельбу на коротких останковках, подошли к переднему краю обороны 155-го стрелкового полка, с нашей стороны не раздалось ни одного выстрела, хотя командир полка подполковник Н. Д. Чевала, командующий артиллерией полковник В. К. Потанин просили разрешения открыть огонь.

— Пока не время! — отвечал я.

«Или командир дивизии не полностью отдает себе отчет в происходящем, или он воистину из тех, которые в напряженной ситуации обретают полное спокойствие духа», — эти слова начальника политотдела подполковника И. С. Воронова позднее мне передал В. К. Потанин.

— Только спокойствие, Виктор Кузьмич, а не растерянность приводит к правильному решению в любой сложившейся обстановке и положительно влияет на подчиненные войска, — ответил я ему.

Противник продвинулся еще метров на 400—500, стрель-

ба с коротких остановок стала все реже и реже, танки прекратили движение. И тут была дана команда «Огонь!»

К этому времени подоспел дивизион РС М-13, который убедил врага в нашей силе. Бросив горящие танки, бронетранспортеры, немцы отошли к Белгороду. В воодушевлении солдаты запели песню. «Все мы любим душеньку-«Катюшу», любим слушать как она поет. Из врага песня вытряхивает душу, а друзьям отвагу придает». Эту песню я впервые услышал в Смоленском сражении 1941 года.

На рассвете следующего дня с самолетов на наши позиции немцы сбросили листовки, где поминали недобрым словом и нас, и Сталинград.

— Видно, здорово мы им насолили, — говорили гвардейцы-артиллеристы. — А реванша за Сталинград им не видать, как собственных ушей.

Артиллеристы 124-го артполка, в частности 2-го дивизиона капитана А. Л. Дубицкого и батареи 151-го полка лейтенанта П. К. Лепина и впрямь крепко досаждали гитлеровцам: не только били метко, но и проявляли при этом исключительную дерзость. Частенько, скрытно расположив свои орудия, а то и батарею, и хорошо замаскировав ее от глаз наземной и воздушной разведки, они затем из засады внезапно в упор расстреливали атакующую фашистскую пехоту, танки, бронетранспортеры.

Не зря дивизия за мужество, проявленное в борьбе с частями фашистского танкового корпуса СС под Белгородом, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 года была награждена орденом Ленина. Особо отличившиеся в этих боях бойцы и командиры были награждены орденами и медалями: командир истребительной танковой батареи 151-го полка лейтенант П. К. Лепин, командир взвода противотанковой батареи А. С. Калюшин, командир роты автоматчиков младший лейтенант Н. Н. Смирнов, командир взвода из этого же полка старший сержант И. Ф. Иванов, командир огневого взвода 124-го артполка лейтенант Александр Табаре, командир орудия сержант Магды Султанович Султанов, командир 124-го артилполка майор Н. Д. Чевала, командир 1-го дивизиона этого же полка майор Н. Е. Плысюк, командир 237-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона капитан Г. Г. Перцев, командир 155-го стрелкового полка Г. Г. Пантюхов и другие.

20—25 марта фашисты многократно пытались сбить подразделения боевого охранения дивизии, наступая батальоном мотопехоты с 5—7 танками, но безрезультатно.

Оборона севернее Белгорода стала крепкой. Потеряв еще 12 танков, 9 бронемашин и около 400 солдат и офицеров убитыми и ранеными, гитлеровцы прекратили наступление в полосу обороны дивизии.

Вспоминаю — не один раз нам и мы напоминали, что советский офицер должен обладать мужеством более ценным, чем простая личная храбрость. Он должен сочетать смелость с осторожностью, гибкость с настойчивостью, способность подчинить своей воле волю противника, твердость и стойкость в управлении войсками с сознанием огромной ответственности за выполнение боевой задачи, умение предвидеть ход развивающихся событий. Командиры 151-го, 153-го, 155-го стрелковых и 124-го артиллерийского полков и отдельных подразделений умело организовали взаимодействие, твердо держали управление в своих руках. Не помню случая растерянности в сложных видах боя. Их доклады об обстановке были полны и объективны, а решения почти не требовали уточнения, это говорило об их приобретенной опытности и тактической грамотности. Припоминаю, как в особо трудные минуты они спокойно докладывали: «Духом не падаем, товарищ 21-й, можете не беспокоиться, задачу выполним». Эта уверенность командиров передавалась воину-гвардейцу, непоколебимо стоявшему насмерть. В ходе боя, сделав соответствующую перегруппировку, дивизия жесткой обороной и решительными контратаками, выбивая танки, уничтожая живую силу противника, остановила продвижение танкового корпуса СС на главном направлении и удерживала рубеж до подхода главных сил войск 21-й армии. Самые рискованные бои удаются подчас (в силу неожиданности для противника) лучше, чем тщательно подготовленные.

С подходом войск и средств усиления оперативное построение войск 21-й армии стало уплотняться. 26 марта 52-я дивизия с приданными частями усиления заняла оборону на рубеже Лог Лапин—Задельное—Березов—Гремячий в полосе 13 километров и в глубину 7 километров. Справа оборонялась 67-я гвардейская, слева 375-я стрелковая дивизии.

Передний край обороны дивизии проходил по рубежу, имевшему наибольшее количество естественных противотанковых препятствий. Отсюда хорошо было наблюдать за врагом, вести массированный огонь, поддерживать артогнем подразделения боевого охранения.

С занятием обороны дивизия приступила к срочному выполнению инженерных работ: оборудовались окопы, на-

блюдательные и командные пункты, блиндажи для личного состава, укрытия для боеприпасов и продовольствия. Затем отрывались траншеи и ходы сообщения в границах ротных, а потом и батальонных районов обороны, подтягивались тылы, которые растянулись почти на сто километров — это и многое другое составляло содержание фронтовой жизни. Невероятно трудной, полной лишений, опасностей, так как противник в несколько раз превосходил тебя в силах, но все же жизни! И она подбрасывала десятки важных вопросов, требующих немедленного решения.

Но три вопроса самых главных — как сделать, чтобы до подхода войск полки сохранили боевой порядок, не потерять связь управления с частями, штабом и армией, не допустить расчленения боевого порядка обороны врагом. Они и были главными для командования дивизии. И как ни трудно было поддерживать часто прерывающуюся связь, штаб ее сохранял, и командир имел возможность осуществлять управление войсками, отражавшими не одну танковую атаку врага.

Располагая данными, фашисты готовились к летнему наступлению. Особые надежды возлагались на массированные удары танковых войск. Поэтому оборона стрелковых полков дивизии строилась на основе сильных противотанковых опорных пунктов, эшелонированных в глубину. Большинство противотанковых опорных пунктов располагалось в батальонных районах обороны. Противотанковый опорный пункт включал до 6 орудий, до 7 противотанковых ружей, взвод станковых пулеметов, взвод автоматчиков, отделение саперов с противотанковыми минами.

Противотанковые опорные пункты совмещались с ротными районами обороны, что давало возможность командирам стрелковых рот управлять боем. Артиллерия обеспечивалась большим количеством подкалиберных и кумулятивных действия снарядов.

Система всех видов огня, и особенно артиллерийского, строилась по особому плану. Командир дивизии организовывал огонь всех видов оружия перед передним краем обороны и в глубине главной полосы обороны, определял места оборудования противотанковых районов полков и состав огневых средств для обеспечения стыков с соседями. Общая глубина огня артиллерии в обороне под Курском достигла 15 километров. Широкое развитие получил снайперский огонь (в каждом стрелковом полку действовали по 25 и более снайперов).

Пулеметные роты обычно придавались повзводно стрелковым ротам, от чего еще более возрастала глубина системы огня. В главной полосе обороны она достигала 7 километров, а на второй полосе — 3—4 километра.

Политотдел организовал между полками и подразделениями соревнование за перевыполнение норм земляных и других оборонительных работ. В частях проводились учебные сборы снайперов, пулеметчиков, разведчиков, истребителей танков.

Особое внимание уделялось организации разведки сил, действий, морального состояния, намерений противника. Использовались все виды, применялись все средства разведки. Большую помощь в этом нам оказывали партизаны и местное население.

Дивизия получила большое пополнение личного состава, а также вооружение, боевую технику, необходимое количество боеприпасов, горючего и продовольствия. В большинстве своем пополнение составляли люди, от года до полутора находившиеся на оккупированной немцами курской земле, на себе вдоволь испытавшие издевательства фашистов. Таких не надо было много обучать и, особенно, воспитывать. Среди них к тому же были солдаты и офицеры.

Неоднократно в наших подразделениях бывали секретарь Курского обкома партии П. Доронин, председатель Курского городского Совета депутатов трудящихся Надежда Алексеевна Масленникова. Встречаясь с воинами-земляками, они призывали их беспощадно бороться с врагом, скорее изгнать его со своей земли. Все было подчинено одной цели — развивать у солдат упорство, мужество, готовность к жестокой борьбе с врагом.

Волнующим событием в боевой летописи 52-й гвардейской дивизии был приезд делегации Монгольской Народной Республики во главе с заместителем Главнокомандующего Вооруженными Силами Монголии Лхабосуруном.

Она прибыла 1 апреля в 10 часов утра в штаб дивизии в Козьмодемьяновку. Делегация побывала в боевых порядках частей, подразделений, передала подарки от монгольских трудящихся.

Вернувшись с наблюдательного пункта дивизии, в торжественной обстановке глава делегации вручил мне, как командиру одной из прославившихся стрелковых дивизий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Красное знамя Монгольской Народной Республики.

Вручая знамя, Лхабосурун сказал:

— Не раз советский народ и его Вооруженные Силы оказывали помощь монгольскому народу, отстаивавшему свою свободу и независимость. В совместной борьбе против общих врагов крепло боевое содружество наших народов и армий. И вот теперь, в суровые годы Великой Отечественной войны СССР против фашистской Германии, партия и весь монгольский народ видят свой священный долг в том, чтобы оказать материальную и моральную помощь, всемерно содействовать ему в победе над ненавистным всеобщим врагом.

Принимая Красное знамя из рук Лхабосуруна, от имени воинов-гвардейцев я дал торжественное обещание, что гвардейцы пронесут его как святыню до полной победы. Воины дивизии поклялись и дальше приумножать боевую славу гвардейской дивизии. И эту клятву они сдержали...

В разгар оборонительных работ произошло и другое знаменательное событие: 22 апреля 1943 года за героические подвиги и отличные боевые действия по окружению и разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом 21-я армия была переименована в 6-ю гвардейскую. Эта высокая оценка боевых действий вдохновила воинов на новые достижения в ратном деле. С еще большим рвением гвардейцы укрепляли свои позиции, готовясь достойно встретить и отразить яростные атаки врага. К концу апреля части дивизии были готовы к решающей схватке с противником.

В апреле 1943 года в прифронтовой полосе командующий 6-й гвардейской армией генерал-лейтенант Иван Михайлович Чистяков организовал просмотр образцов той самой техники, которой гитлеровские войска вооружались, готовясь к реваншу. В марте-апреле 1943 года нам удалось подбить и захватить эту технику севернее Белгорода. Осматривая ее, мы особое внимание обращали на танки «пантера», «тигр» и тяжелые штурмовые орудия «фердинанд». Не раз нам приходилось слышать о неуязвимости новых немецких танков. Присутствующие на осмотре, особенно командиры противотанковой, дивизионной, да и полковой артиллерии, не особенно верили этим рассказам. К тому же многие из нас уже имели с ними дело. Но в душе нарастала озабоченность тем, как сложатся предстоящие бои с этой техникой.

Еще издали мы заметили массивную, с длинным стволом пушку, с нарисованной на борту пятнистой пантерой. Она всем своим сорокапятитонным корпусом словно готовилась к прыжку.

Рядом с «пантерой» шестидесятитонной глыбой стоит тяжелый танк «тигр». Генерал, объяснявший тактико-технические данные и боевые возможности новых танков врага, подначивал, как бы увеличивая их грозную силу.

— Ну как, страшновато? — спросил меня командарм.

— Страшновато было 18—20 марта, товарищ генерал! Дивизия тогда не имела достаточно стволов артиллерии, было мало подкалиберных и кумулятивных снарядов. К тому же мы сейчас имеем усиление, особенно противотанковой артиллерии. Мы, товарищ командарм, учитываем, что в полосе обороны дивизии враг пойдет не одной сотней танков звериной породы, борьба будет тяжелой, как на земле, так и в воздухе, к этому и готовим личный состав. Да и находимся мы сейчас глубоко в земле, имеем противотанковые и противопехотные минные поля, чего мало имели 18—20 марта.

Проходя, видим на подбитых «пантерах» и «тиграх» множество, словно выжженных, пробоин.

— Вот он, результат боевых действий гвардейцев, который дает право верить в непреодолимость обороны, — заключает командующий.

— Нам, товарищ генерал, побольше бы подкалиберных и кумулятивных снарядов, — отвечают командиры, — и гвардейцы не дрогнут.

Так готовились советские воины к решающей схватке на белгород-курской земле.

Несколько слов об Иване Михайловиче Чистякове. Как в Сталинградской, так и в Курской битве мне не раз приходилось от него получать указания в любой сложившейся обстановке. Меня удивляло его умение, как и Г. К. Жукова, выслушивать и конкретно ставить задачи. Уходя от них, я всегда знал, что от меня хотят начальники и, следовательно, что надо сделать мне. Они не терпели слишком объемистых, неконкретных докладов и распространенных документов. Иван Михайлович Чистяков требовал этого от нас и наших штабов, стараясь доводить документы до предельной ясности и простоты. От командиров полков требовал знаний всей полноты вопросов обеспечения войск, особенно в материальном отношении, вплоть до ручных гранат.

Зная требования командарма, мы тщательно к этому готовились. Не помню случая, чтобы кто-либо не знал, как обеспечен его полк.

15 апреля 1943 года 52-ю дивизию принял Герой Советского Союза полковник И. М. Некрасов. Отбывая в Моск-

ву, в госпиталь, начальнику штаба полковнику П. Н. Прих-
но, командующему артиллерией дивизии полковнику
В. К. Потанину и начальнику политотдела подполковнику
И. С. Воронову я сказал:

— Вы остаетесь здесь, и главное теперь — продолжать
готовить дивизию к участию в решающих схватках. Все
обучение вести так, как требует современный бой. Ника-
ких скидок, никаких послаблений, не допустить внезапнос-
ти нападения противника. Всякая потеря времени, благо-
душие и беспечность в учебе, потеря бдительности могут
очень дорого обойтись.

Я, конечно, не открываю здесь нового — это азбука во-
енного дела, но о ней никогда не следует забывать. Я толь-
ко хочу вам сказать, что, чем больше конкретных задач
по обороне будет поставлено перед людьми, тем выше бу-
дет их боевая готовность. Поймите, нам легче будет все
сделать сейчас, чем тогда, когда люди спросят, почему не
было принято необходимых мер.

В 24 часа 5 августа 1943 года прогремел салют 120 ору-
дий в честь освобождения Орла и Белгорода. А мне в это
время после госпиталя пришлось быть слушателем Акаде-
мии Генерального штаба. Прогремела слава Советской
Армии, выигравшей величайшую в истории битву, которая
начата была 5 июля немцами, а 5 августа победно закон-
чена Советской Армией. Немецко-фашистская армия в
этом году оказалась второй раз серьезно битой.

В месячной битве на Курской дуге немцы оказались
менее искусны в сравнении с нами, старомодны с военной
точки зрения. Немецкий солдат оказался плохим солдатом
в сравнении с отважным и преданным Родине советским.
Наша стратегия, наша тактика марксизма-ленинизма уп-
равляла войной.

Все дни в госпитале я думал об одном: не дать болезни
захватить себя, сломить ее, и как можно скорее выбра-
ться из госпиталя. Только поэтому все то, что прописыва-
лось мне врачами, я безропотно принимал. Вскоре попро-
сил лечащего врача выписать меня из госпиталя. Врач
удивленно раскрыл глаза:

— Да вы что, товарищ генерал?! Шутить изволите?!

— Серьезно, доктор, — ответил я. — Даю вам слово,
что буду аккуратно выполнять ваши указания там.

— Где это там?

— Под Белгородом.

— Вам нужен прежде всего постоянный режим и меди-
цинское наблюдение. В вашем состоянии в любой момент

могут произойти изменения и скорее не в лучшую, а в худшую сторону.

Я убедительно повторил свою просьбу.

— Об этом я не желаю слышать, — раздраженно заявил врач.

— В таком случае я уйду самостоятельно. Мне нужно быть там, я командир.

— Вы у нас всего тринадцать дней. А чтобы поставить вас на ноги, потребуется минимум еще пятнадцать. Придет время — выпишем. И дай вам бог выжить в этой битве.

На четырнадцатый день я все же сбежал.



В Прибалтике, Польше, Померании

Из госпиталя я рассчитывал сразу вернуться в свою 52-ю гвардейскую дивизию, за которую все время переживал, беспокоился: ведь она находилась на одном из главных и трудных участков фронта, вела с врагом тяжелые бои.

Прибыл к начальнику Управления кадров Советской Армии генерал-полковнику, ныне Маршалу Советского Союза Ф. И. Голикову, доложил, что готов убыть на фронт.

— Так быстро? Вы что, лечение уже закончили? — спросил Ф. И. Голиков.

— Да, чувствую себя вполне здоровым.

Однако Ф. И. Голиков, усомнившись, позвонил в госпиталь. Начальник госпиталя ответил, что «потеряли Козина», что «у него еще не снята с грудной клетки тугая повязка».

— Выходит, товарищ Козин, вы сбежали? Как же это так? Начальник госпиталя говорит, что вам еще с десятков дней надо полежать.

— Товарищ генерал-полковник, я чувствую себя хорошо и готов вернуться на фронт.

— Тогда вот что, товарищ Козин: завтра в 10 часов получите документы и летите к семье. А вернетесь — продолжим наш разговор.

4 мая 1943 года я прибыл на место. Встреча, организованная горкомом партии и горисполкомом, была самой теплой, сердечной.

Считанные дни пробыл я в отпуске, но за это время несколько раз выступил перед трудящимися города. Рассказывал о том, что больше всего их волновало и интересовало. О положении на фронте, о том, как сражаются земляки, выполняя свой долг перед народом, Родиной. В свою очередь, земляки говорили о своих трудовых делах, успехах и трудностях. Они просили меня передать сибирякам свой наказ драться с фашистами еще смелее, чтобы скорее изгнать извергов с родной земли.

Вылетая в Москву, я думал, что теперь-то непременно удастся попасть на фронт. Однако мне был зачитан приказ И. В. Сталина о зачислении меня слушателем курсов Военной Академии Генерального штаба. (В 1965 году на

приеме у правительства Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков сказал мне, что это он предложил тогда мою кандидатуру.)

Что ж, приказ есть приказ, его надо выполнять. Правда, я писал рапорт на имя начальника Академии Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова с просьбой отправить меня на фронт, но ответ был отрицательным. Много позже я понял, что начальник Академии, как и начальник Управления кадров, был прав: ведь одно дело иметь большой практический опыт, другое — когда этот опыт подкреплен теоретическими знаниями. Тогда легче замечаешь свои пробелы, просчеты в решении тех или иных задач. И это я понял с первых дней учебы в Академии.

Не буду подробно рассказывать, как мы учились, скажу лишь, что всем нам, «студентам», в 40—60-летнем возрасте нелегко было «поглощать» огромное военно-теоретическое богатство, накопленное веками. Тем более, что учеба шла в форсированном темпе, а у многих слушателей соответствующей подготовки не было. Нам же приходилось осваивать теорию военного искусства, основанную на глубоких наступательных и оборонительных операциях при вводе массы войск и современной боевой техники. Мы учились обеспечению, организации и управлению частями, соединениями и объединениями во всех видах боя.

Учебная нагрузка была очень высокая. Приходилось после лекций много заниматься самостоятельно. Теперь, на склоне лет, иногда удивляешься той выносливости и упорству в освоении военных знаний.

Эта учеба мне много дала. Нам регулярно читали и лекции о международном положении, и о важнейших решениях партии и правительства, о выполнении народнохозяйственных планов.

Приходилось нам выступать перед трудящимися Москвы. Помню, в октябре 1943 года генерал-майор Борисов, исполнявший обязанности для поручений Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, пригласил меня к начальнику Академии.

— Товарищ Козин, мы решили, чтобы вы выступили перед трудящимися заводов столицы.

И как ни боялся я быть «оратором», все же пришлось им стать на некоторое время. А это тоже своего рода учеба. Выступал перед рабочими, перед секретарями райкомов партии, находившимися на курсах при ЦК.

В ноябре 1943 года меня снова пригласил начальник Академии.

— Вы были у отца? — спросил он.

— Был у семьи.

— А теперь побывайте в Татарске, у отца, повидайте его, пока он жив.

...В апреле 1944 года, закончив учебу, я опять явился к Голикову. Он предложил мне 13-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Я сначала не соглашался: почти год находился в Академии, а теперь опять тыл! Но товарищ Голиков заверил меня, что дивизия скоро получит боевой приказ. В это время 13-я воздушно-десантная дивизия усиленно готовилась к боевым операциям. Шла напряженная боевая учеба день и ночь. Сколачивались взводы, роты, батареи, шли отрядные учения на наступление, оборону, по ночному бою, разведке и огневой подготовке. Подразделения, сдавшие зачеты по спецподготовке, допускались к прыжкам с самолета.

Однако дивизия оставалась на учебе до августа 1944 года, когда будет боевой приказ — было неизвестно.

В конце концов я не выдержал и снова явился к Голикову. Круто поговорили, после чего я получил назначение в 189-ю стрелковую дивизию.

1 сентября 1944 года я был у командующего 3-м Прибалтийским фронтом генерала армии И. И. Масленникова, войска которого заканчивали подготовку к проведению Рижской наступательной операции. Во время нашей беседы вошел начальник штаба фронта В. Р. Вашкевич и доложил, что противник потеснил 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию полковника Н. В. Симонова. Выслушав, командующий повернулся ко мне:

— Товарищ Козин, вы ведь в свое время, кажется, командовали 52-й?

— Да, — ответил я.

И. И. Масленников тут же связался с Москвой и попросил поставить меня снова на 52-ю. Но Ф. И. Голиков согласия не дал.

189-я стрелковая дивизия входила в состав 122-го стрелкового корпуса генерал-майора Николая Моисеевича Мартынчука 67-й армии генерал-лейтенанта В. З. Романовского.

В этот же день я был у командира корпуса. Он вкратце охарактеризовал дивизию, которую мне предстояло принять (командир ее Дмитрий Акимович Лукьянов погиб на наблюдательном пункте при прорыве группы вражеских танков), отметил, что дивизия в настоящее время выведена в тыл, приводит себя в порядок. «Надо, чтобы дивизия

через пять-шесть дней была готова к наступлению», — сказал Мартыничук. Я попросил еще два-три дня на проведение ротных и батальонных учений с боевой стрельбой, которые позволят мне ближе познакомиться с командирами частей и подразделений. Генерал-майор согласился, заметив при этом:

— Это отрадно, что вы с ходу решительно беретесь за подготовку наступательных действий дивизии.

— Теперь нам, — обратился я к своим заместителям, командирам частей и всему командно-политическому составу дивизии, — предстоит потрудиться в поте лица. Согласно утвержденному плану необходимо в течение 3—4 дней провести с боевой стрельбой учения на тему: рота, батальон в наступлении на сильно укрепленный рубеж обороны противника. Из ваших докладов видно, что нам необходимо учесть. Дивизия большей частью находилась в обороне. Если и проводились наступательные действия, то в них участвовали отдельные подразделения, с ограниченными целями, следовательно, в последнее время опыта наступательных боев крупного масштаба, какие нам предстоят, не имела, как не имел такого опыта основной офицерский состав.

Начальник политотдела Филипп Васильевич Гальчук подсказывает, что нам необходимо обратить внимание и на психологическую подготовку личного состава. У людей выработалась привычка сидеть в окопах и отражать атаки врага. А нам нужно наступать, идти на врага, взламывать его оборону, выбивать из окопов, траншей, дзотов, преодолевать минные поля, проволочные заграждения и встречный огонь неподавленных огневых точек, уберечься от которого можно только огнем выставленных на прямую наводку орудий, ведением сильного огня на ходу, вовремя умело использовать ручную гранату, чтобы не поразить товарищей и себя. Заставить врага молчать — это и есть искусство ведения ближнего боя. А это не так просто.

Думаем, используем оставшееся время для того, чтобы научить бойцов преодолевать «психологический барьер». Люди должны знать, что враг уже основательно надломлен своими неудачами и большими успехами Советской Армии под Москвой, Сталинградом, Курском и в Белоруссии. Он боится наших атак, особенно артогня, ударов авиации и танков. Это должен знать солдат. Наша задача собрать волю и энергию воинов в единый мощный кулак, добиться того, чтобы не нарушилось взаимодействие родов войск.

Главное — вызвать у бойцов, командиров наступатель-

ный порыв, убедить их в том, что в наступлении, хорошо организованном, безопаснее, чем в обороне, ибо не враг навязывает тебе условия боя, а ты ему.

Опыт войны показывает, что успех зависит от первых шагов боя. Поднимутся одновременно, сделают рывок вслед за огненным валом, упредят врага — тогда солдата не остановишь, противник будет сокрушен. Когда хорошо организована и обеспечена атака, мне не раз приходилось слышать голос солдата: «Наши пошли, пошли. Теперь хрен удержишь!»

Над этим трудились мы дружно, и каждый что-то свое вкладывал в общее дело — будь он начальник штаба дивизии, замполит, начальник артиллерии, командир полка или батальона. Конечно, эта учеба командно-политическому составу дивизии давалась не просто. Сколько стоила волнений, бессонных ночей, крайнего физического и нервного напряжения. Но фронтовая обстановка требовала от всех нас огромных усилий, и это было законом нашей жизни.

После соответствующей подготовки и перегруппировки войск 14 сентября 1944 года началась завершающая операция по освобождению Прибалтики. В наступлении на Рижском направлении участвовали одновременно ударные группировки всех трех Прибалтийских фронтов, особенно успешно 1-го, войска которого продвинулись в глубину до 50 и расширили прорыв до 80 километров. Группа фашистских войск армий «Север» оказалась под угрозой изоляции и рассеяния.

В полосе нашей 67-й армии враг продолжал упорное сопротивление, стремясь удержать город Валгу и тем самым обеспечить оперативной группе «Нарва» отход из Эстонии.

189-я стрелковая дивизия, введенная в бой во второй половине дня 14 сентября, встречая сильное огневое сопротивление и яростные контратаки врага, вначале имела малый успех. У нас ощущалась нехватка артиллерии и танков. От командиров и штабов требовалось умение, искусство малыми силами наносить большие удары. А это достигалось только одним возможным способом: сосредоточением наличных сил на узких участках фронта. Только так удавалось наращивать превосходство и обеспечивать движение вперед. И лишь к 19 сентября во взаимодействии с другими, ведя тяжелые бои, дивизия прорвалась и обошла Валгу с севера. Противник, боясь потерять последний путь отхода, прикрываясь сильными арьергардами, в тот день под давлением наших войск оставил Валгу — круп-

ный железнодорожный узел, являвшийся мощным опорным пунктом фашистской обороны на юге Эстонии.

В приказе Верховного Главнокомандующего генералу армии И. И. Масленникову по случаю овладения Валгой в числе отличившихся войск была названа 189-я стрелковая дивизия, наряду с другими ей было присвоено наименование «Валгинской».

Все подготовительные мероприятия проводились штабом дивизии, офицерами штабов, полков, политделов, партийными и комсомольскими организациями. Они обеспечили успешное выполнение боевой задачи. За успешные действия многие бойцы, сержанты, офицерский состав частей и подразделений дивизии представлены к правительственным наградам.

23 сентября 1944 года меня вызвал генерал-майор Н. М. Мартычук. Поблагодарив за успешные наступательные действия дивизии и сообщив, что я представлен к правительственной награде, сказал:

— Товарищ Козин, по указанию командующего армией, согласно приказу командующего фронтом вам необходимо 189-ю дивизию передать полковнику Н. В. Симонову, а от него принять 52-ю гвардейскую.

Не стану скрывать: в ожидании предстоящей встречи я испытывал огромное волнение. Ведь, как ни суди, а 52-я гвардейская для меня была во всех отношениях самой близкой дивизией. И вот я в ней.

К концу февраля войска Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов подошли к так называемому «Восточному валу» врага, представлявшему мощную, глубоко эшелонированную оборону. Именно здесь, на льду Чудского озера, ратниками Александра Невского, талантливого 20-летнего полководца, патриота земли русской в 1242 году были разгромлены немецкие псы рыцари. Здесь полки Ивана Грозного и Петра I также скрещивали оружие с иноземными захватчиками. Здесь в сражениях с немецкими оккупантами в 1918 году получили свое боевое крещение первые отряды Красной Армии. Теперь на этих рубежах предстоит нам прорвать вражеские укрепления и вышвырнуть противника за пределы Советской Прибалтики.

Наступательные действия по освобождению Прибалтики приобретали все более широкий и решительный размах и продолжались с июля по 22 октября 1944 года. Прибалтика имела для фашистской Германии важное значение. Она прикрывала с северо-востока Восточную Пруссию. Удержание Прибалтики позволяло немецкой армии бло-

кировать наш флот в восточной части Балтийского моря и держать связь с Финляндией, а также со Швецией, составлявшей Германию стратегическое сырье.

Крупная группировка войск, располагавшаяся в Прибалтике, могла, по замыслам гитлеровского командования, нанести фланговые удары по советским войскам в случае их наступления в направлении Польши и Восточной Пруссии. Поэтому немцы построили там глубоко эшелонированную оборону, которая проходила по выгодным рубежам и насчитывала большое количество дерево-земляных, бетонных сооружений, минно-взрывных полей и других инженерных прикрытий.

Общий замысел советского Верховного Главнокомандующего состоял в том, чтобы отсечь Прибалтийскую группировку врага от остальных сил немецкой армии путем выхода войск к побережью Рижского залива в районе Риги и рядом могучих ударов расчленить ее и уничтожить по частям. Предусматривалось нанесение одновременных ударов тремя Прибалтийскими и Ленинградским фронтами по сходящимся направлениям на Ригу.

Вражеская группировка в Прибалтике в своем составе имела 56 дивизий, в том числе 5 танковых и 2 моторизованных*. Однако быстрое выдвижение войск Ленинградского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов к Рижскому заливу создали угрозу полного разгрома 18-й немецкой армии в северной Латвии. Противник в ночь на 23 сентября стал отводить из-под удара войска на северо-восточные подступы к Риге. Наши войска перешли к преследованию.

52-я стрелковая дивизия с 51-м отдельным танковым полком, 137-й артиллерийской бригадой, батареями 370-го самоходного артполка, дивизионом 50-й минометной бригады, отразив контратаки противника и преследуя его, 24 сентября вступила в город Вальмиеру.

После двухдневного отдыха и приведения частей в порядок, дивизия совершила 120-километровый марш в составе 12-го гвардейского корпуса 1-й ударной армии и заняла место в оперативном построении войск 2-го Прибалтийского фронта на его правом крыле. Уничтожая отдельные очаги сопротивления, дивизия к 18 часам 10 октября развернулась в боевой порядок в полосе железнодорожной станции Кивули и Цикули. 151-й и 153-й полки форсировали реку Мазаюглу и завязали бой в восьми километрах

* «Военно-исторический журнал», 1969, № 10, с. 20.

восточнее Риги, где были остановлены хорошо организованным огнем частей 31-й пехотной дивизии противника.

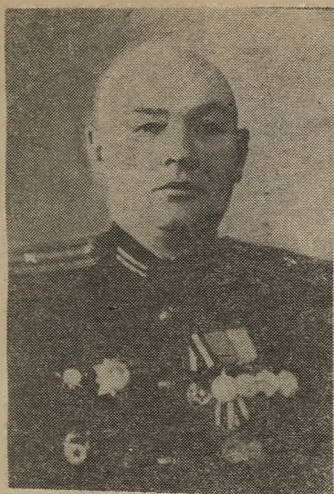
Потребовалось немало усилий 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, чтобы прорвать прочную, глубоко эшелонированную оборону гитлеровцев. Конечно, это можно было сделать значительно быстрее при наличии средств, которыми располагали наши войска, но тогда неизбежны были бы большие разрушения и жертвы среди жителей населенных пунктов и городов, в том числе и Риги.

Командующий 2-м Прибалтийским фронтом А. И. Еременко решил обходным маневром окружить главные силы противника на внешнем обводе рижских позиций и в самой Риге, а затем уничтожить их.

В операции по овладению Ригой 52-я дивизия с 31-м танковым, 1073-м истребительно-противотанковым артиллерийским, 504-м и 329-м минометными полками имела задачу: в ночь с 11 на 12 октября прорвать внешний обвод рижских позиций, разгромить обороняющегося противника на восточной окраине города и с ходу овладеть центральной его частью, а к исходу дня передовыми отрядами форсировать реку Даугаву (Западную Двину) и захватить плацдарм на западном ее берегу.

Двое суток дивизия готовилась к наступлению. Отрабатывалась организация взаимодействия и управления войсками при прорыве вражеской обороны. Создавались штурмовые группы и отряды ведения боя в большом городе, добровольные группы десанта по форсированию водной преграды. Политотдел, возглавляемый полковником В. Е. Горюновым, провел в частях и подразделениях большую работу, используя и положительные, и отрицательные примеры действия бойцов и командиров в предшествующих боях. Начальник штаба полковник Г. Г. Пантюхов и начальник разведывательного отделения майор В. Н. Горбачев организовали группу разведчиков и саперов, обеспечив ее всем необходимым для действия в тылу врага. Группой руководил прославленный на 3-й и 2-й Прибалтийские фронты командир 56-й гвардейской разведывательной роты старший лейтенант Н. А. Король.

В целом выполнение задачи планировалось следующим образом: два стрелковых полка со средствами усиления прорывают обвод вражеской обороны, после чего их усиленные передовые батальоны, не ввязываясь в затяжные уличные бои, как можно быстрее выдвигаются на восточный берег Даугавы в готовности под прикрытием артиллерийско-минометного огня форсировать реку и захватить



В. Е. Горюнов



И. Ф. Юдич

плацдарм на западном берегу. Уничтожение оставшихся отдельных очагов сопротивления возлагалось на подразделения вторых эшелонов наступающих полков.

12 октября в 2 часа 151-й полк И. Ф. Юдича со 2-м дивизионом 124-го арtpолка, 2-м дивизионом 320-го минометного полка, 501-м минометным полком, 1-м батальоном 31-го танкового полка, 153-й полк С. П. Зубова с 1-м дивизионом 124-го арtpолка, 2-м дивизионом 320-го минометного полка, 11-м минометным полком, 2-м батальоном 31-го танкового полка после 45-минутной артиллерийской подготовки прорвали внешний оборонительный обвод рижских позиций и, отражая контратаки 31-й пехотной дивизии врага, продвигались на Улброка и Ацоис.

Противник, пытаясь задержать наше наступление, разрушал мосты, шоссейные дороги, минировал все и вся, но не мог остановить наше продвижение. На рассвете 13 октября 1944 года части дивизии ворвались в окутанную дымом Ригу, где захватили автоколонну противника, ожидавшую пехоту для ее переброски.

Штурмовые группы и отряды при содействии разведчиков и жителей города обходили заминированные участки улиц, уничтожали засевшие группы врага и быстро продвигались вперед. На улицах Елизабетс (ныне ул. Кирова) и Леона Паэгле немецкая автоколонна пыталась на боль-

шой скорости уйти от преследования, но огнем наших танков несколько машин было разбито и на перекрестке образовалась пробка. Гитлеровцы, бросив автомашины, разбежались. Около сотни фашистов было взято в плен. Один из офицеров заявил, что его подразделения вели оборонительные бои у Юглы, в межозерном дефеле, против русских войск, имея задачу сдерживать натиск до 10 часов 13 октября, после чего по сигналу отходить с боем к железнодорожному мосту через Даугаву, и что ему было поручено подорвать мост. Однако мост был взорван раньше без его приказа и он сам попал в плен*.

Взаимодействуя с 12-й и 23-й гвардейскими дивизиями, опрокидывая врага передовыми отрядами, 52-я дивизия вышла 2-м батальоном капитана В. Н. Малютина 151-го полка и 1-м батальоном капитана И. Я. Тоткайло 153-го полка на восточный берег реки и вскоре под прикрытием полковых артиллерийских групп и огня танков с места приступила к переправе десанта на западный берег.

Мы прибыли в эти батальоны с начальником политотдела полковником В. Е. Горюновым. Здесь уже находились заместители командиров по политчасти полковник Иван Николаевич Горшков и майор Педанов.

Состоялись пятиминутные митинги. Мы поблагодарили личный состав за смелость, решительность действий и использование технических средств борьбы в освобождении с другими восточной части города, призвали к быстрой и четкой переправе батальонов для захвата плацдарма на западном берегу реки.

— Даугава — река широкая. Но мы и ее перемахнем, — заявил пулеметчик младший сержант В. В. Смирнов. — Так я говорю, братцы?

— Так!.. Правильно говоришь! — поддержали его другие.

— Выкурим немчуру и с того берега!..

И плацдарм был захвачен.

Роты старшего лейтенанта Носикова, капитана А. Мостового и старшего лейтенанта А. Т. Ерошкина вступали в ожесточенные схватки с врагом. Бойцы проявили образцы мужества и отваги. Первой западного берега достигла группа в составе 11 человек под командованием комсорга роты Н. Г. Ковалея. Вслед за ней высадилось отделение сержанта Н. Я. Жигарева и другие.

Младший сержант Тугунбай Худобердиев, увешанный

* Рижские гвардейцы. Рига, «Лиесма», 1972, с. 34.

гранатами и магазинами с патронами для автомата, прыгнул с лодки в воду, стреляя, бросился на немцев. Те растерялись и прекратили огонь. Худобердиев; выскочив на берег, стал расстреливать фашистов, а в группу сгрудившихся в окопе немцев метнул гранату. Он уничтожил восемь гитлеровцев.

Рядовой Георгий Семенович Бабаев ринулся в гущу немцев, двумя гранатами заставил их прижаться к земле и прекратить огонь. Шевченко, Шмагин и Таршин уничтожили более двух десятков фашистов. Снайперы комсомолка Муза Яковлевна Десятова и коммунист Тамара Константиновна Алферова уничтожили более пятнадцати гитлеровцев. Меткими выстрелами они прикрывали своих товарищей.

Небольшой плацдарм гвардейцы удерживали с 13 октября до 5 часов 14 октября, при поддержке артиллерии с восточного берега отразили шестнадцать контратак немцев. Многие из них за героизм и мужество были награждены орденами и медалями Советского Союза.

2-й батальон 153-го полка в ходе наступления захватил немецкие автобусы с документами, два штурмовых орудия с экипажами, уничтожил расчет зенитной батареи, взял в плен 26 солдат и захватил 12 автомобильных фуругонов противника.

3-й батальон капитана И. Т. Обушенко при поддержке танков пересек железнодорожные пути станции Рига-пассажирская. В этом районе 7-я стрелковая рота под руководством заместителя командира батальона старшего лейтенанта, И. Калинина уничтожила более пятидесяти фашистов, пытавшихся подорвать вагоны, паровозы и пути. Продвигаясь по улице Елизабетс, батальон попал под огонь вражеской роты автоматчиков, но все-таки разгромил ее.

Продолжая преследовать и уничтожать отдельные группы врага, батальон вышел к Даугаве. Действия пехоты умело поддерживали своим огнем танковая рота 31-го танкового полка и 1-й дивизион 124-го артиллерийского полка.

155-й полк подполковника И. А. Чистякова с приданными средствами усиления, следуя по улице Цесу, получил данные, что в районе кладбища засело до батальона противника. На его окружение и уничтожение было послано два батальона с танками и полковой артиллерийской группой. Бой закончился полным разгромом противника. До двух рот противника было уничтожено, остальные взяты в плен. Очищая улицу за улицей, гвардейцы пол-

ка вышли к стадиону и за товарной станцией захватили автоколонну и около ста солдат и офицеров.

Во второй половине дня 13 октября 155-й полк вышел к железной дороге западнее морского порта. После 45-минутной артподготовки 1-й батальон капитана А. С. Назаренко приступил к форсированию Даугавы. Однако лодки, паромы и плоты противник встретил сильным артиллерийско-минометным огнем и огнем танков, в результате чего 1-я и 2-я роты имели большие потери. Пришлось большую часть артиллерии дивизии переключить на подавление вражеской артиллерии и обеспечить форсирование реки.

Противник, боясь обхода и удара с северо-востока войск 67-й армии, а с юго-запада — 10-й гвардейской армии, значительно ослабил свои боевые действия против войск 1-й ударной армии, в частности против 12-го стрелкового корпуса, наступающего в центре города, и стал отходить.

Захваченным плацдармом дивизии воспользоваться не пришлось: она получила новое направление, и батальоны, форсировавшие реку, были сняты и снова переправлены на восточный берег. К сожалению, это не обошлось без потерь.

Неожиданный и стремительный удар наших войск лишил противника возможности осуществить варварский план — разрушить город. В тот же день, 13 октября, столица нашей Родины салютовала войскам 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, освободившим Ригу.

В приказе говорилось: «Войска 3-го Прибалтийского фронта при прямом содействии войск 2-го Прибалтийского фронта, развивая наступление, сегодня, 13 октября, штурмом овладели столицей Латвии — городом Рига — важной морской базой и мощным узлом обороны немцев в Прибалтике...» Жители столицы Советской Латвии радостно встречали освободителей.

Когда части 10-й гвардейской армии добивали врага в левобережной части города, 52-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена с плацдарма и поступила в резерв 1-й ударной армии. Ей предстояли бои на новом направлении.

Наиболее отличившимся шести дивизиям, в том числе и 52-й, было присвоено наименование «Рижская». Многие воины были награждены орденами и медалями.

Еще 10 октября войска 1-го Прибалтийского фронта на Клайпедском направлении вышли к побережью Балтийского моря. Восточнее прорвались к морю войска правого крыла 2-го Прибалтийского фронта. Группа армий «Се-

вер» противника оказалась отрезанной от Восточной Пруссии. После того, как 3-й Прибалтийский фронт был расформирован, 1-я ударная армия была передана 2-му Прибалтийскому фронту. Армия получила задачу наступать вдоль побережья на Тукумс.

После боев за Ригу, приведения себя в порядок, на это направление была переброшена и 52-я гвардейская дивизия. 16 октября после восьмидесятикилометрового марша в районе населенного пункта Пикшас дивизия вступила в бой. Противник ожесточенно сопротивлялся. Приведу один из примеров упорства противника и стойкости нашего солдата.

Командиру роты 3-го батальона 153-го гвардейского стрелкового полка младшему лейтенанту С. В. Басоргину удалось захватить выгодную в тактическом отношении высоту, которая давала возможность просматривать передний край обороны немцев. Остальные подразделения огнем и контратаками врага были остановлены. Командир батальона капитан И. Т. Обушенко имел возможность подержать роту только минометно-пулеметным огнем.

Противник, пытаясь отбить высоту, шел в атаки. Рота несла потери, после отражения двух атак в ней осталось всего двенадцать человек: командир роты С. В. Басоргин, лейтенанты А. Б. Коновалов, С. П. Скворцов, старший сержант Л. И. Плеханов, сержанты Н. Ф. Ермасов, В. Н. Васенко, А. Г. Штейн, С. В. Стасюк, рядовые К. П. Станенко, И. И. Радченко, П. С. Гудвин, И. В. Миличихин.

Эта горстка людей удержала высоту, а с наступлением темноты 3-й батальон, тесня подразделения вражеского батальона, вышел на линию роты. На высоте было установлено орудие старшего сержанта В. Д. Деревяженко, два расчета со станковыми пулеметами под командованием старшего сержанта В. Кульникова и сержанта Г. С. Васильева. Защитникам высоты были доставлены боеприпасы и горячая пища.

Командир полка подполковник С. П. Зубов, ожидая атаки противника, подготовил артиллерийский заградогонь. 17 октября с утра, после артналета противник силою роты при поддержке двух взводов танков и трех самоходно-артиллерийских установок пошел в атаку. Попав под заградительный огонь артиллерии, немцы потеряли два танка. Наводчик младший сержант И. Е. Курочкин из орудия, выставленного на позицию прямой наводки, подбил штурмовое орудие. Потеряв до 50 человек, враг отошел.

В этом бою были смертельно ранены бесстрашный ко-

мандир роты младший лейтенант Басоргин и командир взвода разведроты лейтенант И. В. Бондарев.

К 19 октября части дивизии с боями вышли на рубеж Пуракроге, Мыза Вексель.

В первых числах ноября 1944 года 52-я гвардейская дивизия в составе 12-го гвардейского корпуса вошла в состав 3-й ударной армии генерал-лейтенанта Н. П. Симоняка.

28 ноября был получен приказ командира корпуса генерал-лейтенанта С. М. Бунькова передать полосу обороны дивизии частям 10-й гвардейской армии и к 3 декабря сосредоточиться в районе южнее Елгавы, ближе к железной дороге.

Двигаться приходилось только ночью, соблюдая все меры маскировки. Прибалтийская погода давала о себе знать. Моросил холодный мелкий дождь, временами сменявшийся мокрым снегом. Ветер пронизывал до костей. Дороги раскисли, не только машины и артиллерия, но и гужевого транспорта то и дело застревал.

Куда направляется дивизия, пока никто из нас толком не знал, лишь позднее нам стало известно, что 3-я ударная армия выводилась в резерв Ставки. Сразу же по выходу дивизии в район сосредоточения началась подготовка к погрузке в вагоны: запасались всем необходимым для дальнейшего пути — продовольствием, фуражом, железными печками и так далее. Хлопот хватало всем. Проводились партийные, комсомольские и офицерские собрания, обсуждались вопросы соблюдения дисциплины, сохранения тайны, оружия и имущества.

Ни маршрута движения, ни пункта выгрузки и района сосредоточения мы не знали. Лишь по названиям станций во время движения эшелонов догадывались, куда направлялись: Елгава—Полоцк—Минск—Барановичи—Брест. Стало ясно — варшавско-берлинское направление. Последний эшелон тыла дивизии 5 января прибыл на конечную станцию Брошув.

После выгрузки части сразу же отводились в укрытие и только с наступлением темноты двигались в район сосредоточения — за 30—40 километров северо-восточнее Варшавы.

Нельзя не вспомнить добрым словом офицерский состав штаба армии, который под руководством начальника штаба генерала Михаила Фомича Букштыновича хорошо организовал отправку и встречу эшелонов. С прибытием на конечную станцию начальник эшелона тут же получал маршрут движения и пункт сосредоточения.

Двигались эшелоны в спокойной обстановке. Сейчас даже трудно объяснить «миролюбие» противника: на всем пути следования ни один эшелон не подвергся авианалету. Да, это не 41-й год, для фашистов наступили другие времена.

Все ждали наступления, ради которого мы сюда прибыли. Вскоре получили указания, которые свидетельствовали о неопределенном времени наступления. Мы занялись размещением и устройством личного состава в населенных пунктах Ромбеш, Яровек, Шатолин.

Дивизия пополнилась не только рядовым, но и офицерским составом, правда, большинство из них не имели боевого опыта. В пополнении были вернувшиеся из медсанбата, госпиталей, бывшие партизаны и молодежь, мобилизованная из освобожденных районов и областей. Ко всем этим людям требовался определенный подход.

Поступившие из медсанбатов и госпиталей были уже не один раз ранены. Однако жалоб на усталость, на боль от ран не отмечалось, бойцы стремились отомстить за все, в том числе и за свои раны. Партизаны были надежны в бою, но среди них были такие, которые не служили в армии, привыкли к другому образу действий. Необходимо было учить их действиям в условиях регулярных войск. Вновь призванные, естественно, никогда не держали в руках винтовки. С ними нужно было поработать основательно в столь короткий срок, чтобы с уверенностью за них вести в бой. Были среди пополнения и люди, совершившие в своей жизни не одну серьезную ошибку. Можно было встретить и таких, которые служили у немцев ездовыми, шоферами...

Были у нас и другие заботы. Мы находились в той части Польши, которую гитлеровцы называли «территорией государственных интересов Германии». Геббельсовская пропаганда долго и безудержно клеветала на Советский Союз, пытаясь разжечь в народе Польши ненависть к нашему народу и нашим воинам.

Фашистское командование всеми силами стремилось удержать в своих руках часть Польши. Позднее мы убедились, что из всех оборонительных рубежей между Вислой и Одером наиболее подготовленным был Висленский. Последующие рубежи имели задачу измотать и обескровить наши наступательные войска и не допустить их к Одеру. Решением Ставки разгром немецко-фашистских войск в Польше возлагался на войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Им предстояло завершить освобождение

ние польского народа и создать условия для наступления на Берлин.

Итак, 3-я ударная армия, а с ней и 52-я гвардейская дивизия, ставилась на главном направлении удара, на путь, ведущий к логову гитлеровской Германии. Дивизия сполна получила все необходимое, причем в таком количестве, о каком раньше мы не могли и мечтать. В целом накануне Висло-Одерской операции в составе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было сосредоточено столько сил и средств, которые позволили советскому командованию создать значительное превосходство над противником на варшавско-берлинском направлении.



На Огере

Таким образом, обстановка на главном стратегическом направлении фронта была благоприятной для советских войск.

Создание такой силы свидетельствует о мощи социалистического государства и высоком уровне советского военного искусства.

Наши войска к середине января были в основном готовы к наступательным боям, которые намечалось начать 20 января.

Но 6 января английский премьер-министр У. Черчилль обратился к Верховному Главнокомандующему СССР с просьбой о немедленной помощи, так как группировка немецко-фашистских войск на Западном фронте, в Арденнах, в середине декабря 1944 года перешла в наступление и поставила англо-американские войска в тяжелое положение.

И Советский Союз оказал помощь союзникам, начав свое наступление 12 января — значительно раньше намеченного срока, на огромном 1200-километровом фронте. Гитлеровское командование вынуждено было срочно перебросить с Западного фронта на Восточный более десятка дивизий. Участь англо-американских войск была облегчена. Ныне многие буржуазные историки «забыли» об этой помощи Советского Союза попавшим в беду союзникам.

Войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление 14 января и к концу дня прорвали главную полосу обороны противника. Спустя три дня прорыв был расширен до 200 километров по фронту, а его глубина составляла 60 километров. 16 января 47-я армия подошла к северо-западным окраинам города Варшавы.

С юго-запада столицу Польши охватила 5-я ударная армия. Поставленные под угрозу окружения немецкие войска, оборонявшие Варшаву, вынуждены были отходить. Этим воспользовалась 1-я армия Войска Польского. Перейдя в наступление, ее части утром 17 января одновременно с советскими частями ворвались в Варшаву.

Весь личный состав 52-й гвардейской дивизии награжден медалью «За освобождение Варшавы».

После этих боев покинул дивизию В. К. Потанин, по-

лучивший назначение на должность начальника артиллерии корпуса. Артиллерию дивизии возглавил прибывший полковник Чесноков.

Утром 20 января дивизия выступила с задачей выйти в район Сахачевлович, что в 80 километрах западнее Варшавы. К 25 января мы должны были быть в районе Избица, Коло. Путь далекий. А тут еще погода ухудшилась, похолодало, повалил мокрый снег, усилился ветер. Каждый километр давался с трудом.

22 января нам стало известно, что танковые и мехвойска 1-го Белорусского фронта вышли к Познаньской обороне немцев и местами вклинились в нее. Эти успехи подняли дух у солдат: все ближе желанный конец войны. Но к этому времени на правом крыле 1-го Белорусского фронта обстановка осложнилась: можно было ожидать удара врага во фланг и тыл войскам фронта. Разгромить эту группировку противника и овладеть территорией Восточной Померании должен был 2-й Белорусский фронт, который Ставка освободила от участия в боевых действиях на территории Восточной Пруссии*.

Когда 2-й Белорусский фронт вел тяжелые бои на рубеже Эльбинг—Меве—Черск—Шлахау, войска 1-го Белорусского фронта вышли к Одере и развивали боевые действия по расширению захваченных плацдармов на его западном берегу. В результате между фронтами образовался разрыв, достигавший 150—200 километров**.

Немецко-фашистское командование решило использовать этот разрыв и сосредоточило на территории Восточной Померании группу армий «Висла» с целью нанести контрудар по открытому правому крылу 1-го Белорусского фронта.

К середине февраля группировка немецко-фашистских войск в Восточной Померании насчитывала до 25 дивизий. 16 февраля около десяти дивизий этой группировки нанесли сильные контрудары по войскам правого крыла 1-го Белорусского фронта из района южнее Неренберга в направлении Арнсвальде и из района южнее Штаргарда на Пиритц, Берлинхен, в ходе которых им удалось потеснить советские войска на 12—18 километров***.

После контрудара наших войск, неся огромные потери, группа армий «Висла» перешла к обороне, продолжая накапливать силы и готовить более мощный удар по войскам

* ЦАМО, ф. 132-а, оп. 2642, д. 39, л. 25.

** ЦАМО, ф. 307, оп. 4151, д. 344, л. 143.

*** ЦАМО, ф. 307, оп. 4148, д. 431, д. 9.

1-го Белорусского фронта. К концу февраля обстановка на правом крыле фронта свидетельствовала о том, что если не принять срочных мер к быстрой ликвидации вражеской группировки в Померании, то она может резко ослабнуть.

Поэтому советское командование решило привлечь для проведения Восточно-Померанской операции войска 1-го Белорусского фронта.

Маршал Г. К. Жуков решил оставить часть войск для блокировки и уничтожения гарнизона в Шнайдемюле и Познани. Главными же силами фронта с ходу овладеть пограничными укреплениями, выйти к Одере и захватить плацдарм на его западном берегу. В связи с этим нашей 3-й ударной армии предстояла задача повернуть на северо-запад и двигаться на Иновроцлав, Бломберг. Это значило, надо пройти еще не менее 150 километров.

Трудностей прибавилось: тылы растянулись, снабжение горючим и продовольствием ухудшилось. Особенно беспокоили нас боеприпасы. Начальник артснабжения доложил, что дивизия в целом по всем видам не имеет и половины боекомплекта. А ведь мы шли в бой.

Совершив трудный, более чем 400-километровый марш в направлении Кутно, Черноглов, Окунев, Гросно, Гоглин, Шведы, дивизия 2 февраля 1945 года пересекла польско-германскую границу и, с ходу вступив в тяжелый бой с частями 15-й пехотной дивизии СС, овладела городом Цимпельсбург. Захватив первый немецкий город, дивизия заняла оборону в полосе 20 километров фронтом на север, имея соседом 33-ю стрелковую дивизию генерал-майора В. И. Смирнова. Против нас действовали 32-я и 15-я пехотные дивизии СС, неоднократно предпринимавшие против нас атаки и контратаки, которые каждый раз отбивались с большими потерями для противника.

Приведу один из примеров.

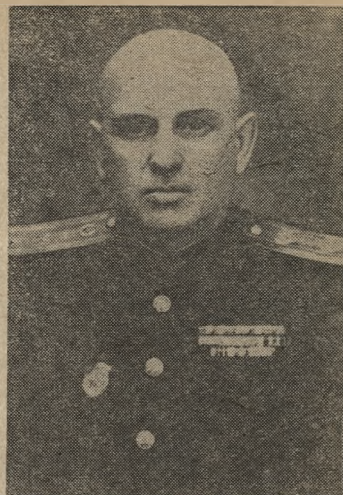
Числа 4—5 февраля после налета звена штурмовиков, массированного артиллерийско-минометного огня враг превосходящими силами прорвал передний край 7-й стрелковой роты старшего лейтенанта А. Т. Ерошкина и устремился в тыл подразделений 153-го гвардейского стрелкового полка.

Командир 3-го батальона капитан Обушенко и комиссар батальона капитан Лосев возглавили бойцов и командиров штаба.

Рота старшего лейтенанта Улькина при поддержке дивизиона артиллерии, артбатареи и минометной роты реши-



И. Т. Обушенко



Г. И. Окунев

тельно контратаковала и в рукопашной схватке уничтожила до двух взводов автоматчиков, два танка и две бронемашины. Фашисты не выдержали удара гвардейцев, бросив на поле боя убитых и раненых, бежали.

Как нам стало известно, 5-я ударная и 2-я танковая армии вышли к Одеру и захватили плацдарм северо-западнее Кюстрина. В то же время шли тяжелые бои в городах Шнайдемюле и Познани. Из этого было ясно, что сейчас особенно ответственна роль 3-й ударной армии и 1-й армии Войска Польского в обеспечении правого крыла ударной группировки фронта.

В тылах дивизии стали появляться группы противника. Так, например, одна группа напала на наши тылы 17-го февраля юго-восточнее города Линде, где 52-я дивизия занимала оборону. И как мы установили, была она из Шнайдемюльского гарнизона и имела задачу прорваться в северо-восточном направлении, чтобы соединиться с Померанской группировкой войск. Но наши тыловики не растерялись и дали достойный отпор гитлеровцам. Решительность и смелость проявили начальник оргпланового отделения тыла капитан Жеребцов, майор интендантской службы Григорий Ильич Окунев, начальник горюче-смазочных материалов Степаненко, портные, сапожники, служба банно-прачечного отряда, хлебопекарни и 562-й медсанбат

под руководством Михаила Николаевича Рудаева. За мужество и отвагу многие из них были удостоены правительственных наград.

Взятый в плен полковник показал: «Шнайдемюльская группировка потеряла связь со штабом своего 10-го армейского корпуса 11-й армии, поэтому решили прорваться в северо-восточном направлении. В ночь с 13 на 14 февраля после короткой артподготовки гарнизон прорвал оборону русских и стал продвигаться на Шенфельд. Пройдя 15 километров, колонны встретили упорное сопротивление русских, в завязавшемся бою понесли большие потери в живой силе и технике. Эту колонну врага разбили части 79-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта С. И. Переверткина 3-й ударной армии. В связи с этим я отдал приказ выходить из окружения мелкими группами. Однако уйти мне не удалось»*. 17 февраля войсками 3-й ударной армии был полностью завершен разгром Шнайдемюльской группировки. Были ликвидированы и мелкие группы. Всего было уничтожено более 7 тысяч солдат и офицеров, более трех тысяч взято в плен, захвачено много боевой техники.

20 февраля и противник, и мы перешли к обороне. Нам необходимо было подтянуть свои тылы. По всем данным, готовилось большое наступление.

В этот период подготовки и проведения широких наступательных операций 1944—1945 годов партия придавала большое значение дальнейшему совершенствованию приемов и методов морально-политической и психологической подготовки. Военный Совет фронта и армии в эти дни неустанно обращали наше внимание на необходимость усиления бдительности как важнейшего морально-боевого качества советского воина.

Я не ставил перед собой цели подробно описывать военное значение Померанской операции. Это дело военных историков. Мне хотелось в какой-то степени рассказать читателю о действиях 52-й гвардейской стрелковой дивизии и героических подвигах солдат, чьи имена остались в благодарной памяти нашего народа.

Всем известно, что на протяжении десятилетий немецкие милитаристы укрепляли свою разбойничью цитадель — Восточную Пруссию, в том числе и Померанию. Строительство оборонительных укреплений продолжалось, и к началу 1945 года была создана труднопреодолимая оборо-

* ЦАМО, ф. 317, оп. 4306, д. 541, л. 29—30.

на в полосе наступления и 52-й дивизии. Мы встретили десятки мощных дотов, бетонированные наблюдательные и командные пункты, минные поля, надолбы. К тому же местность изобиловала озерами, реками и каналами, лесными массивами, города и деревни тоже были приспособлены к обороне, а фашистские солдаты, как всегда, оборонялись упорно и до последней возможности. Здесь, в Померании, они дрались с отчаянием обреченных, сознавая, что пришло время расплаты за все содеянное на нашей советской земле за долгие месяцы войны.

Наступило, наконец, то время, когда враг, развязавший войну, стал испытывать все то, что испытывали войска Советской Армии в начале войны. Но мы переживали свои неудачи, сознавая, что они в значительной степени объяснялись внезапностью вероломного нападения врага, были уверены, что они временные, и ни на минуту не теряли веру в победный исход войны. Врагу же пришлось испытывать поражения после временных побед и без всякой надежды на более или менее благоприятный исход войны...

3-я ударная армия главный удар наносила на левом фланге силами 12-го гвардейского и 79-го стрелкового корпусов с рубежа Каллис—Реетц в направлении Реетц—Гросс—Естин с целью прорыва обороны врага и обеспечения в своей полосе ввода 1-й гвардейской танковой армии.

23 февраля 52-я гвардейская дивизия передислоцировалась на левый фланг армии для наступления на главном ее направлении. Вся подготовительная работа велась только в ночное время. Во второй половине дня 26 февраля с офицерами штаба дивизии, командирами частей и средств усиления я провел рекогносцировку участка прорыва обороны на местности, там же увязали все вопросы взаимодействия как у себя в дивизии, так и с соседями. В ротах и батареях командиры и политработники ставили задачи, которые предстояло решить, призывали действовать смело и решительно, с проявлением инициативы и солдатской сметки. Этому же посвящался и очередной номер газеты «В бой за Родину», редактором которой был Василий Фомич Морозов. Военный Совет армии выпустил листовки с обращением к бойцам, командирам и политработникам. На собраниях и митингах в ответ на обращение гвардейцы твердо заверили, что задачу выполнят. Враг будет разгромлен!

Велась работа и в тылах дивизии, возглавляемая подполковником Б. П. Селезевым.

С утра 28 февраля заместитель го политчасти полков-

ник В. Е. Горюнов с офицерами политотдела, офицеры штаба, штаба тыла и артиллерии отправились в части и подразделения с целью проверки готовности их к наступлению.

Большая работа выпала на долю саперов дивизии и рот 15-го гвардейского инженерно-саперного батальона. Они в условиях начавшейся распутицы восстанавливали дороги, усиливали мосты для прохода танков и артиллерии и в ночь на 1 марта проделали проходы в своих и вражеских минных полях.

Накануне наступления дивизия провела разведку боем. Из имеющихся данных и показаний пленных стало известно, что нам противостоят подразделения одного из полков 5-й легкопехотной дивизии и подразделения 49-го мотополка СС. Установлено до двух дивизионов артиллерии, две минометные батареи среднего калибра и до десяти пулеметных точек.

52-й дивизии с приданными ей средствами усиления, имея двухэшелонный боевой порядок, предстояло прорвать оборону противника на двухкилометровом участке и наступать в направлении станции Реетц. Решением командующего армией с началом атаки пехоты и танков удары по опорным пунктам вражеской обороны наносил 567-й штурмовой авиаполк, а прикрытие боевых порядков в исходном положении и во время наступления возлагалось на 278-ю истребительную авиадивизию.

Войска левого крыла 2-го Белорусского фронта перешли в наступление против восточно-померанской группировки 24 февраля, а затем, первого марта, и войска 1-го Белорусского фронта.

Ночь на 1 марта 1945 года была очень беспокойной. К 5 часам утра все войска находились на исходном положении для атаки. Командиры полков, батальонов и дивизионов были на наблюдательных пунктах, еще раз проверили готовность и работу связи. Перед началом артподготовки командиры артиллерийских и танковых частей находились на наблюдательных пунктах общевойсковых командиров, чтобы наблюдать за полем боя и вовремя влиять на развитие событий. Начальник артиллерии дивизии полковник Чесноков творчески подошел к организации управления артиллерией.

И вот 8 часов 15 минут. Артиллерийские орудия начали обстрел позиций врага. После 45-минутной артподготовки и бомбового удара нашей авиации 153-й и 151-й гвардейские стрелковые полки во взаимодействии с танка-



С. П. Зубов



В. Р. Козарез

ми и при поддержке артиллерийско-минометного огня большой мощности. (на один километр фронта прорыва 250 орудий и минометов) перешли в атаку и быстро овладели 1-й и 2-й траншеями. Противник, неся большие потери в живой силе и технике, не мог оказать организованного сопротивления. Но быстрому продвижению наших войск, особенно артиллерии, танков и автотранспорта мешали разбитые дороги и непрерывно морозящий дождь.

Во второй половине дня противник, оправившись от нашего нажима и введя в действие резервы, стал бросаться в яростные контратаки, стремясь задержать наше наступление. Несколько был снижен его темп у нашего левого соседа, 33-й стрелковой дивизии, которая подвергалась контратаке с фланга. Создалась опасность для левого фланга 52-й дивизии. Тогда я приказал командиру 153-го стрелкового полка С. П. Зубову развернуть батальон 2-го эшелона полка фронтом на юго-запад для отражения вражеского натиска, а командующему артиллерией дивизии частью артиллерии дальнего действия поддержать его и тем самым обеспечить продвижение подразделений 1-го эшелона.

Для развития успеха был введен второй эшелон дивизии — 155-й стрелковый полк В. Р. Козарева, танки и полковая артиллерийская группа 151-го полка. К исходу дня

дивизия с тяжелыми боями продвинулась в глубину вражеской обороны на 12—15 километров. Это означало, что главная оборонительная полоса противника прорвана.

Храбро сражались гвардейцы 155-го стрелкового полка. Напор их был настолько стремительным, что фашисты бросали свои укрепленные позиции и разбегались по ближайшим лесам. Отличилась противотанковая рота лейтенанта Д. Д. Быкова — она уничтожила одно орудие с расчетом и подбила танк и две бронемашин. Командир пулеметного расчета 1-й пулеметной роты младший сержант Иван Антонович Савельев огнем из станкового пулемета уничтожил более взвода вражеской пехоты. 9-я батарея 124-го гвардейского артполка капитана А. П. Коваля подавила две противотанковые пушки, тяжелый пулемет и минометную батарею, чем обеспечила продвижение 1-го батальона капитана А. С. Назаренко 155-го стрелкового полка. Хорошо, решительно действовал 3-й батальон капитана И. Т. Обушенко 153-го стрелкового полка.



А. С. Назаренко

В ночь на 2 марта после мощного артобстрела наступление дивизии продолжалось. Передовыми отрядами мы старались не дать возможности противнику привести себя в порядок. В боях на подступах к городу Якобсхаген 2 марта разгорелись жаркие бои. Здесь успешно сражались с врагом подразделения 155-го и 153-го гвардейских полков дивизии. Особенно успешно действовал 1-й стрелковый батальон капитана А. С. Назаренко и 1-й батальон капитана И. Я. Тоткайло. Сломив сопротивление врага на подступах к городу, батальоны вплотную подошли к его окраинам. Подавив огнем орудий прямой наводки пулеметы противника, Назаренко поднял людей в атаку.

Ворвавшись в город, батальон в уличных боях уничтожил до 70 вражеских солдат и офицеров, захватил два самоходных орудия, две зенитные пушки и 16 автомашин. Будучи не в состоянии удержать город, противник начал отходить. И хотя враг ввел в действие 11-ю моторизован-

ную дивизию СС, это уже не могло существенно повлиять на ход событий.

За решительность, умелое управление боем А. С. Назаренко был вручен орден Александра Невского*. Правительственных наград также удостоились многие командиры и бойцы. Орден Александра Невского получил заместитель командира батальона старший лейтенант Н. В. Киселев, орден Отечественной войны II степени — разведчик, рядовой Н. М. Смирнов, орденом Славы II степени были награждены помощники командиров взводов старшие сержанты Ф. И. Логинов и Н. З. Каклюшкин**.

52-я дивизия, используя успех 1-й гвардейской танковой армии, гнала фашистов на север и северо-восток, истребляя арьергарды прикрытия и отдельные гарнизоны. Чтобы не ослабить темпа наступления, по решению командующего 1-м Белорусским фронтом в полосу действия 12-го гвардейского стрелкового корпуса был введен танковый корпус 2-й гвардейской танковой армии генерал-полковника В. М. Богданова. В результате смелых действий танкистов и войск 3-й ударной армии противник, боясь окружения, ослабил сопротивление и начал отходить. Однако 3 марта события развивались так быстро, что пути отхода противника на запад к Одере были перерезаны частями 1-й гвардейской танковой армии.

Лишившись дорог, командир 10-го армейского корпуса противника генерал Краппе решил выводить остатки своих войск лесами в северо-западном направлении. К утру 4 марта остатки 5-й легкопехотной дивизии этого корпуса вышли в район юго-западнее Драмбурга. Только здесь командиру этой дивизии Зикету стало известно, что остальные части 10-го армейского корпуса окружены и уничтожаются советскими войсками. Зикет, не имея связи с командиром корпуса, решил прорываться к линии фронта самостоятельно. Выполняя его приказ, группа до двух батальонов устремилась лесами на северо-запад. Фашистское командование на помощь окруженным бросило два моторизованных полка, разведотряд 15-й танковой дивизии и другие подразделения. Но они были разгромлены нашими частями во встречном бою.

4 марта 52-я дивизия во взаимодействии с 23-й после взятия города Фрайенвальде развивала наступление, громя разрозненные группы врага. Во второй половине дня

* ЦАМО, ф. 317, оп. 4334, д. 271, л. 182.

** ЦАМО, ф. 317, оп. 4334, д. 270, л. 7; д. 271, л. 62.

она овладела городом Дабер и с боями продолжала наступать на город Наугард. А войска 1-й гвардейской танковой армии вышли на побережье Балтики. Восточно-померанская вражеская группировка была разрезана надвое. Основная цель советских войск на этом этапе была достигнута.

В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 4 марта 1945 года командующему войсками 1-го Белорусского фронта Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову и начальнику штаба фронта генерал-полковнику Малинину говорилось: «Войска 1-го Белорусского фронта, прорвав сильно укрепленную оборону немцев восточнее города Штатгард, продвинулись вперед за четыре дня наступательных боев до 100 километров и вышли на побережье Балтийского моря в районе города Кольберг. В ходе наступления войска фронта овладели городами Бервальд, Темпельбург, Фалькенбург, Драмбург, Вангерин, Лабес, Фрайенвальде, Шифельбайн, Регенвальде и Керлин — важными узлами коммуникации и сильными опорными пунктами обороны немцев в Померании...» В ознаменование этой победы многие отличившиеся части и соединения, в их числе и 155-й полк, получили название «Померанских», а столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 1-го Белорусского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Всем войскам, участвовавшим в прорыве обороны немцев и овладении городами в Померании, в том числе и 52-й дивизии, за отличные боевые действия Верховным Главнокомандующим была объявлена благодарность.

3-я ударная армия не снижала темпов наступления. Два корпуса ее продолжали наступление в северо-западном и западном направлениях с задачей выйти на восточный берег Одера и к Штеттинской бухте. 52-я дивизия, находясь в первом эшелоне корпуса, наступала на город Наугард. И хотя дивизия имела двухэшелонный боевой порядок, она наступала на широком фронте. Это давало возможность свободно маневрировать на поле боя. К исходу дня 5 марта подразделение дивизии во взаимодействии с танковыми войсками овладели городом Наугард.

«Войска 1-го Белорусского фронта, — отмечалось приказом Верховного Главнокомандующего от 5 марта 1945 года, — овладели городами Штатгард, Наугард, Польцин — важными узлами коммуникации и мощными опорными пунктами обороны немцев на Штеттинском направлении...»

Соединения, части и воины, отличившиеся в боях за овладение названными городами, были представлены к награждению орденами, а войскам, в том числе и 52-й дивизии, была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего и в их честь салютовала Москва.

6 марта дивизия совместно с другими частями 12-го гвардейского и 79-го стрелковых корпусов решительным ударом отбросила остатки фашистов к Штеттинской гавани. За эти действия дивизия была отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего от 6 марта.

По приказу командарма 3-й ударной армии 12-й гвардейский корпус должен был развернуться фронтом на юг, нанести удар на Голнов с севера и во взаимодействии с частями 2-й гвардейской танковой армии овладеть городом. Задача по овладению городом возлагалась на 52-ю гвардейскую и 33-ю стрелковые дивизии совместно с подразделениями 2-й танковой армии.

После короткой 15-минутной артподготовки стрелковые подразделения в сопровождении танков, используя обходной маневр, перешли в наступление: 52-я дивизия — с северо-востока, 33-я — с юго-запада. 10-я танковая дивизия СС и дивизия «Бервальде» оказывали упорное сопротивление. Только после повторного артогня, действий орудий прямой наводкой и огня танков с места по вновь выявленным огневым вражеским точкам к исходу дня мы овладели городом. Остатки разгромленного врага были отброшены на юго-запад.

При штурме города смелость и решительность проявили многие подразделения дивизии. 9-я батарея 124-го артиллерийского полка капитан А. П. Ковалев прямой наводкой уничтожила два тяжелых пулемета, два орудия и два взвода солдат. 57-й гвардейский отдельный истребительный противотанковый дивизион Н. В. Позднякова подбил танк, две бронемашины и подавил два тяжелых пулемета. Командир 1-го батальона 153-го полка капитан И. Я. Тоткайло личным примером увлекал бойцов на штурм вражеских укреплений. Решительно действовали танкисты, артиллеристы, минометчики приданных дивизии подразделений.

Первая рота старшего лейтенанта Трубникова попала под ливень пулеметного огня и не могла двигаться ни вправо, ни влево, а тем более вперед. Видя это, командир отделения сержант Карим Султанов решил уничтожить вражеский пулемет. Он попластунски подобрался к огневой точке и дал по ней очередь из автомата, но огонь пулемета не подавил, сам был смертельно ранен. Собрав последние

силы, он сделал несколько шагов вперед и упал на пулемет, заставив его замолчать. (За свой подвиг Султанов навечно зачислен в списки 1-й роты 155-го полка.) Гвардейцы воспользовались этим: рота Трубникова стремительным броском ворвалась на позиции врага и в рукопашной схватке завершила его разгром. Успех роты дал возможность батальону быстро развить наступление.

Когда мы вошли, город во многих местах горел. Жителей было мало. Повсюду были расклеены плакаты и лозунги, призывавшие жителей города вступать в части фольксштурма.

Наступление наших войск отличалось решительностью, высоким темпом. Преследование врага не прекращалось ни днем, ни ночью. Средний темп продвижения танковых соединений составлял 40—45, а общевойсковых — до 30 километров в сутки, а в отдельные дни — и того больше*.

С 7 марта 52-я гвардейская стрелковая дивизия вела бой юго-западнее Голнова, добывая остатки 10-й танковой дивизии, и вплоть до 11 марта продолжала прочесывать всю местность южнее Голнова. Ее правый фланг упирался в пролив Папен Вассер, по которому еще ходили баржи и катера противника. Было приказано все орудия 124-го артиллерийского полка вывести для стрельбы прямой наводкой. Артиллеристы расстреливали суда с близкого расстояния, потопили несколько самоходных барж и катеров и лишили врага возможности пользоваться проливом Папен Вассер.

Итоги боев 52-й дивизии в Померании были значительными. За 8 дней с 1 по 8 марта она прошла по этой провинции с юго-востока на северо-запад около 200 километров, форсировала шесть рек, захватила шесть городов, свыше 80 населенных пунктов. За мужество и отвагу многие бойцы, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями. Дивизия прошла с открытыми флангами, разрезав противника на северную и южную группировки, разгромив части танковой бригады СС «Фюрер», пехотный полк 132-й пехотной дивизии и другие немецкие части. Только в полосе 52-й дивизии враг потерял убитыми и ранеными более 3000 солдат и офицеров, более 1000 взято в плен, уничтожено 35 танков, 45 орудий, более 150 пулеметов, более 200 автомашин.

Переводчица, разведчик старший лейтенант Зинаида

* История Великой Отечественной войны..., т. 5, с. 80.

Петровна Степанова вспоминает: «Пленные 132-й пехотной дивизии и других говорили: «Мы не думали, что нас могут разбить. Даже наши родные были убеждены так, что не верили в возможность нашего поражения. Радио и газеты трубили: «Победа! Победа!», тогда как наши войска уничтожались на всех фронтах, а кому удавалось, бежали, как звери перед лесным пожаром».

В боях нам помогал опыт, приобретенный в оборонительных и наступательных операциях под Москвой, Сталинградом и на Курской огненной дуге. Научились мы быстро маневрировать силами. И должен сказать, что получалось у нас лучше, чем у врага. 52-я дивизия в составе 3-й ударной армии не просто прямолинейно прошла, а не однажды меняла направление боевых действий. В этом маневренном наступлении положительно сказалась роль штабов частей и штаба дивизии.

Для виновников развязывания мировой войны шел грозный 1945 год. Особенно для скрывавшихся от правосудия убийц. В это время уже хорошо известно было всему миру о зверствах фашистов в Краснодаре, Харькове, Хатыни и других городах и селах нашей Родины. Мы были убеждены, верили под Смоленском, Москвой и среди развалин Сталинграда, что завершим войну на земле агрессора и нам, офицерам кадровой службы, придется все же пройти по немецко-фашистской земле, где проходили войска Александра Суворова. И вот это свершилось.

В отличие от гитлеровских захватчиков, сеявших смерть и разрушения на территории республик Советского Союза, воины Советской Армии вели себя в Германии с достоинством, не теряя чести советского солдата, представителя первого в мире социалистического государства.

Со второй половины марта 3-я ударная армия была выведена в резерв фронта. 52-я дивизия, сдав полосу обороны частям 1-й Польской армии, совершила марш на юго-запад в район Кенигсберга—Померанского и заняла оборону по восточному берегу Одера в полосе 15—16 километров.

Однако вскоре 3-я ударная армия начала готовиться к форсированию Одера в районе Берлинхена и захвату плацдарма. Выполнение этой необычной задачи командующий армией возложил на 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Никогда не забыть мне слов командующего 3-й ударной армией Героя Советского Союза генерал-полковника Василия Ивановича Кузнецова.

— Форсировать, захватить, удержать плацдарм. Вы понимаете, что это значит? Надеюсь, вам ясно.

Пауза. И когда генерал заговорил вновь, тон его совершенно переменялся. Он стал необычайно спокоен.

— Я понимаю, как много требую от вас. Понимаю, как личный состав дивизии устал. Я знаю, — никто лучше меня не знает этого, — что 52-я гвардейская дивизия, преодолевая боевые порядки врага в Померании, шла с открытыми флангами, а это не так легко. Дивизии нужен давно заслуженный отдых. И все же Военный Совет армии надеется, что 52-я найдет в себе силы и вытерпит лишения, возможно, еще более тяжкие, чем когда-либо прежде. Иного выхода для выполнения приказа командующего фронтом у Военного Совета армии нет!

Дивизия имела большой опыт в форсировании многих рек. Но сложность форсирования Одера была в том, что дамбы, поднятые над поймой реки на полтора-два метра по обеим сторонам русла Одера, были залиты водой настолько, что местами ни вброд, ни на лодках к реке не подступиться. Форсировать ее было крайне сложно. Однако сознание того, что мы уже близко на пути к Берлину, поднимало дух бойцов.

Для выполнения поставленной задачи проводилась большая подготовительная работа, особенно саперами, артиллеристами и разведчиками. В частях и подразделениях были проведены ротные и батальонные учения, на которых детально отрабатывались элементы преодоления пойм, форсирования Одера и захвата плацдарма и боя на противоположном берегу. Особое внимание обращалось на организацию взаимодействия между артиллерией, пехотой и саперами, на использование стрелкового, автоматного огня на ходу и успешное применение ручных гранат.

Определив на местности наиболее удобные пути подхода к реке и изучив участок предстоящих боевых действий, приняли решение форсировать реку силами 151-го и 155-го гвардейских полков при поддержке 328-го, 357-го и 780-го артиллерийских полков, 79-го стрелкового корпуса, всей артиллерии 33-й стрелковой дивизии. 153-й гвардейский стрелковый полк оставили во втором эшелоне.

Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации всеми способами доводили боевую задачу до всего личного состава.

Особое внимание обращалось на правильную расстановку партийных и комсомольских сил в штурмовых десантных батальонах. В день подготовки к форсированию уси-

лился приток заявлений о приеме в ряды партии. Многие гвардейцы горячо желали идти в бой коммунистами. В своем заявлении старший лейтенант Н. С. Поздеев писал: «Прошу принять меня кандидатом в члены партии, так как при форсировании Одера хочу идти в бой коммунистом и быть в первых рядах сражающихся. Возложенную на меня задачу обязуюсь выполнить с честью»*.

С выходом приказа на форсирование Одера начальник политотдела В. Е. Горюнов посылал инструкторов в полки подразделения с задачей: «В сознании бойцов возбудить чувство боевого порыва, поднять моральный дух, подчеркивать перед бойцами необходимость в боевой обстановке быстро находить, определять точку приложения сил в любой сложившейся ситуации». И, надо сказать, заместители командиров частей по политчасти И. Н. Горшков, Б. В. Силаков, Д. М. Пинчук, В. Н. Семенчев, парторги Е. Л. Кочеровский, К. Г. Ломов, комсорги Л. В. Иванов, М. Е. Алимов, инструкторы дивизии, особенно старший пропагандист политотдела Андрей Константинович Адамов, все политработники, которых я знаю, с честью оправдали это высокое доверие. Их партийное влияние ощущалось постоянно, а где-то в «узком» месте, в какие-то минуты достигало высшего накала.

Жизнь фронтовика, кем бы он ни был — рядовым солдатом или старшим начальником, — часто обрывалась в ту минуту, когда начиналась очередная атака. У коммуниста же, тем более у партийного руководителя; как известно, есть одно преимущество — он имеет право пойти в бой, в атаку первым.

Командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов, член Военного Совета генерал-майор А. И. Литвинов, начальники политотдела армии полковник Ф. Я. Лисицын и корпуса П. И. Зальнов часто бывали в полках и подразделениях дивизии, проверяли вопросы подготовки к выполнению сложной задачи. Они вникали во все мелочи и оказывали необходимую помощь на месте. В политдонесении фронту начальник политотдела армии полковник Ф. Я. Лисицын писал: «Можно без преувеличения сказать, что наступательный порыв был весьма высок, бойцы прямо рвались в бой. Это осознанный порыв»**.

Каждый боец знал, что за Одером — Берлин, а за Берлином — долгожданная победа. Каждый солдат был про-

* ЦАМО, ф. 317, оп. 4320, д. 57, л. 76.

** Там же.

никнут гордостью, что именно ему среди первых в армии поручено форсировать Одер*.

Накануне, за несколько часов до начала форсирования реки, командир 155-го полка подполковник В. Р. Козарез решил уточнить, нет ли каких-либо изменений на дамбе в боевом охранении врага. Выполнить эту задачу добровольно взялись командир отделения младший сержант И. А. Савельев и рядовой П. В. Осипов. Их лодку во время преодоления поймы прикрывал дивизион артиллерии. С большим трудом и риском им удалось добраться до противоположного берега поймы и укрыться за дамбой.

Их продвижению вперед мешал пулемет. Бойцы решили уничтожить его. Прижимаясь к дамбе, им удалось пробраться и забросать пулемет гранатами. Но подкреплению фашистов удалось окружить храбрецов, завязался огневой бой, перешедший в рукопашную. В неравной схватке Савельев и Осипов пали смертью храбрых, выполнив свой священный долг перед Родиной. Так, за несколько часов до наступления дивизии два гвардейца совершили свой подвиг, вскрыв новые огневые точки в боевом охранении противника. За мужество и храбрость в бою с врагом, за самопожертвование во имя победы младшему сержанту И. А. Савельеву присвоено посмертно звание Героя Советского Союза, а рядовой Осипов награжден орденом Отечественной войны I степени**.

27 марта дивизионная газета «За Родину!» поместила материал о героях под заголовком: «Слава гвардейцам Савельеву и Осипову! Они первыми преодолели широкий водный рубеж».

26 марта к исходу дня наша артиллерия по сигналу — залпу гвардейских минометов — обрушила мощный удар по боевому охранению и переднему краю обороны врага. Враг открыл ответный артиллерийско-минометный огонь.

Лодки десантных стрелковых рот лейтенанта А. Н. Трубникова и старшего лейтенанта М. Н. Колобова 1-го батальона 155-го полка под прикрытием дымовой завесы быстро преодолели пойму и Одер, уничтожили подавленные огневые точки боевого охранения.

Первыми достигли западного берега гвардейцы взвода лейтенанта Н. И. Буракова. Они с ходу вступили в бой и обеспечили высадку роты Колобова, которая смело атаковала гитлеровцев, уничтожив до 70 фашистов, заняла

* ЦАМО, ф. 33, оп. 793756, д. 42, л. 23.

** ЦАМО, ф. 317, оп. 4306, д. 521, лл. 227—228.



С. П. Чумаков

первую траншею. Парторг батальона К. Г. Ломов с двумя бойцами перерезали отход отступающим гитлеровцам, в схватке уничтожили семерых и двух немцев взяли в плен. Всякий подход резерва врага отсекался артиллерийско-пулеметно-минометным огнем. Неся потери, противник отходил.

1-й батальон капитана А. В. Шалыгина 155-го полка по сути дела был десантно-штурмовым: он прокладывал дорогу на западный берег для всего полка. Особенно отличилось отделение Сергея Петровича Чумакова. Командир роты связи старший лейтенант М. А. Василишин обеспечил устойчивой связью командира полка с командиром батальона.

Десантно-штурмовым по характеру боевых действий был и 1-й батальон майора В. М. Малютина 151-го полка. Бросок его проходил в более сложной обстановке. Противник держал заградительный огонь дальней артиллерии, которую наша артиллерия не в состоянии была подавить, так как не знала расположения огневых позиций батарей врага.

Переправа медленно, но все-таки шла. Первой высадилась на западный берег 1-я рота лейтенанта В. С. Тришина и с ходу вступила в бой. Тришин двумя взводами гранатами и штыками отбивался от врага с фронта, а взводу лейтенанта К. Д. Драницы приказал, прикрываясь темнотой, обойти врага и атаковать с фланга. От неожиданности противник растерялся, стал с потерями отходить.

Рота Тришина, преследуя противника, уничтожила до 50 солдат и офицеров, обеспечила выход 2-й роты 1-го батальона.

Большую помощь дивизии в форсировании оказали 357-й, 780-й, 328-й артиллерийские полки 79-го стрелкового корпуса, 124-й гвардейский артполк и артиллерия 33-й стрелковой дивизии.

Храбро действовали батальонная и батарен полковой артиллерии. Так, например, образец мужества и отваги

проявил командир полковой батареи 151-го полка капитан Николай Иванович Евтухов. Он одним из первых артиллеристов переправился на левый берег Одера и, укрывшись, под сильным огнем врага умело управлял огнем своей батареи. Он подавил три орудия прямой наводки и четыре пулеметных точки, а когда гвардейцы ворвались на дамбу и завязали рукопашный бой, он принял в нем активное участие и уничтожил из личного оружия несколько фашистов*.

Успех боя за плацдарм зависел от хорошо организованной связи. Работала она безотказно. Под огнем врага связисты в поте лица обеспечивали командование устойчивой связью. Командир взвода 155-го полка старшина М. Сердюк больше двух десятков раз восстанавливал нарушенную связь, и она продолжала работать**.

Отражая одну атаку за другой, к 4 часам 27 марта 52-я гвардейская стрелковая дивизия выполнила поставленную задачу.

Боясь развития наступательных действий наших войск на этом направлении, в 10 часов 27 марта враг силою двух батальонов пехоты, с ротой танков с фронта, батальоном пехоты, пятью танками во фланг при поддержке артиллерии решил сбросить нас в Одер.

Это был умело организованный, большой силы удар, рассчитанный на подавление боевого духа наших солдат, на их уничтожение. Но враг жестоко просчитался — его встретили огневой щит и невиданная стойкость и мужество гвардейцев.

После десятиминутного массированного артиллерийско-минометного налета командиру 151-го полка полковнику И. Ф. Юдичу было приказано при поддержке 357-го и 780-го артполков уничтожить наступающего врага с фронта, а командиру 155-го полка полковнику В. Р. Козарезу при поддержке 328-го и 124-го артполков уничтожить врага, наступающего на фланг.

После артналета, когда назрел момент контратаки, по сигналу гвардейцы поднялись и пошли в контратаку. Подал голос замполит 151-го полка майор Иван Николаевич Горшков:

— В штыки их!

Команду подхватил командир роты старший лейтенант Петр Дмитриевич Алексешников.

* ЦАМО, ф. 317, оп. 4306, д. 521, лл. 227—228.

** Там же, л. 227.

На левом фланге, увлеченные порывом командира 5-й роты 155-го полка капитана Крошкина, бойцы поднялись как один.

— За мной! — во всю мощь кричал командир отделения сержант А. П. Федюкин.

В прорыве наши орудовали штыками, забрасывали фашистов гранатами, били прикладами, из автомата уничтожал одного за другим вражеских солдат и офицеров С. П. Корчан. Младший сержант А. В. Титов ударом приклада убил офицера и двух солдат. Мастерски действовал прикладом П. Д. Алексешиков. Вода в пойме Одера кипела от разрывов снарядов и мин, ручных гранат. В смертельной схватке храбро сражались наши воины роты капитана А. Д. Мостового, минометчики минометного дивизиона майора А. Н. Усенко и полковой батареи Н. И. Евтухова. Снайперы В. Н. Степанова, М. Я. Десятова, Т. К. Алферова, Тамара Иванова и Валентина Попова уничтожили более тридцати фашистов. Снайперов, которые на своем счету имели от 20 до 25 фашистов, уничтоженных на западном берегу Одера, в дивизии было более двадцати.

Особенно отличилась 5-я рота 155-го полка капитана Крошкина. Был критический момент, когда казалось, вот-вот инициатива боя перейдет в руки врага. Успех уничтожения зарвавшегося врага зависел от решения командира роты, его тактической грамотности и решительности. Капитан Крошкин умело использовал наметившийся успех соседа, ротой совершил обходной маневр и атаковал врага во фланг. Немногим фашистам удалось выйти из этого боя.

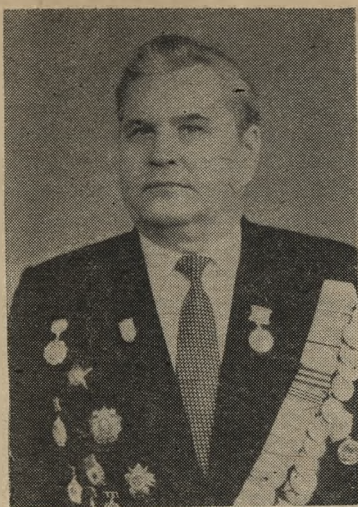
За успешное форсирование Одера, захват и удержание плацдарма более 400 солдат, сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями Советского Союза*.

Несмотря на эту нашу победу, враг оставался сильным и опасным. Надо было с удвоенным вниманием быть готовым к бою: враг мог в критический момент, а он имел такую возможность, бросить против нас резервы.

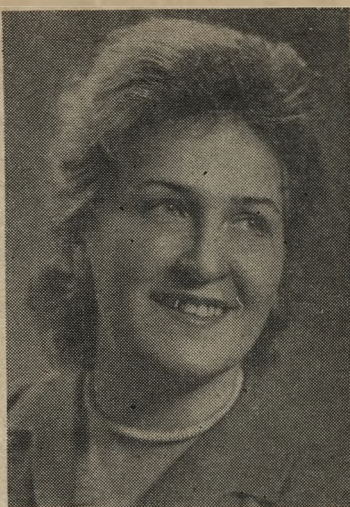
Чтобы исключить всяческую возможность внезапного нападения, непрерывно велась усиленная разведка за поведением врага.

Можно ли умолчать о доблести прославленной 56-й отдельной гвардейской разведроты капитана Николая Александровича Короля. Всем известно: чтобы иметь дополни-

* ЦАМО, ф. 317, оп. 4320, д. 57, л. 78.



Н. А. Король



Н. С. Король (Кравченко).
Бывший санитаруктор

тельные данные и знать о намерениях врага, необходимы вылазки на передний край его обороны, имея одну-единственную цель — украсть живого и только живого вражеского солдата.

Мы знаем и то, что редкая такая вылазка обходится без жертв. Потому-то в поисковые группы берут только добровольцев. Уж на что есть, казалось бы, бесстрашные в бою, а и те сторонятся этой группы.

На войне солдаты сражаются в массовых боях и в одиночных схватках, воюют на земле, на воде, в воздухе, снабженные автоматическим оружием, оружием ближнего и дальнего боя, оружием неслыханной разрушительной силы — и везде от человека требуется мужество, воля, ясный рассудок. Но никакой бой, никакая схватка не идет в сравнение с пехотным поиском! Особенно трудно достать языка из обороны. Группа разведчиков должна скрытно одолеть нейтральную полосу, начиненную минами, опутанную колючей и малозаметной проволочной изгородью с шумовыми и световыми сигналами. Добраться к передней траншее, из которой глядят десятки глаз наблюдателей и дозоров полевых караулов, стволы автоматов и пулеметов, взявших под огонь каждый клочок земли. Если разведчики одним неосторожным движением выдадут себя, хотя бы

в пяти метрах от траншеи, они пропали: противник изрешетит их...

В таких условиях, в такой обстановке приходится доставать языка разведчикам. Вспоминаю, как 28 марта 1945 года капитан Н. А. Король, получив задачу, посмотрел на своих разведчиков: много верст прошагал с ними, на счету не одна сотня языков. Но жизнь подчиненных не давала ему ни на одну минуту оставаться равнодушным к ней. Ему казалось, что если и убьет его, то он, мертвый, будет за что-то болеть и терзаться.

Разведчик В. М. Антонов вспоминает: «Командир разведроты, получив задачу, тут же пошел в облюбованный им район для тактических занятий с разведчиками. Выбранное место занятий до некоторой степени воспроизводило передний край действий. На подготовленном месте Н. А. Король день и ночь учил нас, разведчиков, со свойственным ему упорством, заставляя разрезать проволоку, щупать саперными щупами проходы, прыгать через траншею. Садил несколько человек для подслушивания в траншею, а остальные должны были подползать. Сам тоже прислушивался к их движению. К тому же установил непрерывное наблюдение за врагом на переднем крае, изучая его режим и поведение».

Так шла подготовка разведчиков к выполнению боевой задачи. Задача была выполнена. От пленного мы узнали о намерениях противника и вовремя подготовили свои контрдействия.

Только с истечением времени стали полнее раскрываться все обстоятельства, при которых совершался подвиг разведчиков, восстанавливаются имена и фамилии героев. Это обязывает всех, кто знает и помнит, кто видел, в том числе и меня, дополнить скупые и неполные подчас данные архивных документов, немало которых сами уничтожили в конспиративных целях, особенно в 1941 году.

Командующий артиллерией полковник Чистяков, начальник штаба дивизии Пантюхов с командирами артполков в течение ночи проделали большую работу. На карте с исчерпывающей полнотой были учтены все вероятные подступы немцев. Расчетами артиллеристов я был доволен, тем более, что артиллерийские офицеры имели свои наблюдательные пункты в боевых порядках полков. Думаю, что в этой обстановке большего мы не могли сделать, не в состоянии были изменить что-либо.

Все знали — позади труднопреодолимый Одер. Мы верили в мощь артиллерийских полков и решительность сол-

дат. Поставив передо мной задачу, командующий 3-й ударной армией Герой Советского Союза генерал-полковник Василий Иванович Кузнецов посмотрел на меня пытливо, как бы спрашивая: «Ну как, комдив, сумеешь организовать, не подведешь?»»

Как и в Риге, при форсировании Западной Двины (Даугавы), так и здесь плацдармом дивизия не воспользовалась. Позднее мы узнали, что форсирование и захват плацдарма носили демонстративный характер: командующий фронтом хотел ввести противника в заблуждение, отвлекая его от главной группировки, сосредотачиваемой гораздо южнее.

Эта демонстрация сыграла свою роль. Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта вместе с войсками 2-го Белорусского в течение марта разгромили группу армий «Висла» и очистили от врага Восточную Померанию от Вислы до Одера.

С 8 по 9 апреля дивизия сдавала захваченный на западном берегу Одера плацдарм частям 75-й гвардейской и 311-й стрелковой дивизий 2-го Белорусского фронта, после чего совершила марш в район сосредоточения — в лес северо-восточнее Ноймюля.

В ночь на 13 апреля 52-я гвардейская дивизия приняла оборону от 270-го полка 89-й гвардейской дивизии 5-й ударной армии. Не успели принять участки обороны, как дивизии приказали провести разведку боем в направлении Рефельд.

Укреплению оборонительных позиций на западном берегу Одера немцы придавали исключительное значение. Не случайно в апреле Гитлер лично посетил некоторые штабы соединений, обороняющихся на западном берегу Одера*. После своей поездки он приказал на участок в районе города Кюстрин выдвинуть 11-й танковый корпус СС и 309-ю пехотную дивизию «Берлин». Эта дивизия была укомплектована из солдат, особо отличившихся в боях с советскими войсками в 1941—1944 годах и получивших большой боевой опыт. Против этой дивизии и пришлось нашим гвардейцам вести бой на Оudere. О том, как происходили эти бои, командир 309-й пехотной дивизии «Берлин» полковник фон Хайнике в донесении от 15 апреля 1945 года писал: «...Войска дивизии предприняли решительные меры для отбрасывания русских за реку Одер. Но, встретив удивительно упорное сопротивление и актив-

* ЦАМО, ф. 1165, оп. 1, д. 86, лл. 21—26.

ность противника, не достигли цели, потеряли свыше трех тысяч убитыми, приостановили атаки и перешли к обороне... Особенно пострадали полки дивизий: «Великая Германия», 652-й и 653-й... В бою пропали без вести командир полка майор Пуфф, командиры батальонов майор Бомайер и капитан Вайс и 89 командиров рот и взводов. Образец преданности фюреру и верховному командующему показали в бою капитан Хилемарк, Шнель и Распар. Будучи раненными, они управляли боем батальонов и не отступали, пока солдаты не вынесли их с поля боя, не оставив в плену... Дивизия получила две тысячи унтер-офицеров из берлинской школы и три тысячи солдат из Дании, но они не имеют опыта боев на Восточном фронте, так как все время воевали в Европе и атак русских не выдерживают...»

И все же полковник в своем донесении явно скромничал: «не достигли цели и перешли к обороне», дескать, потому, что унтер-офицеры берлинской школы и солдаты Дании «не имеют опыта боев на Восточном фронте и... атак русских не выдерживают». Но на следующий день «атак русских» на Одере не выдержали и остальные одиннадцать тысяч солдат личного состава его дивизии, особо отличившихся в боях против Советской Армии в 1941—1944 годах.

После крупных поражений основных сил немецко-фашистских армий в междуречье Вислы и Одера, в Восточной Померании, Силезии, Венгрии и Австрии последовал также выход войск союзников за Рейн.

Гитлеровское командование ясно себе представило, чем грозит захват советскими войсками плацдарма на западном берегу Одера. Поэтому еще в конце января 1945 года при выходе наших войск на Одер они спешно стали готовиться к решительной схватке на Берлинском направлении.

Для противодействия нашим войскам враг имел один миллион человек, 10400 орудий и минометов, 1500 танков, самоходных орудий, более трех миллионов фаустпатронов, 3300 боевых самолетов*.

Вся эта гигантская масса людей и боевой техники находилась в инженерных сооружениях оборонительного рубежа восточнее Берлина. Он включал три кольцевых оборонительных обвода.

Гитлеровцы считали, что им удастся заставить нас последовательно прогрызть рубеж за рубежом, затянуть

* История второй мировой войны..., т. 10, с. 315.

сражение до предела, тем самым обессилить наши войска и остановить их на ближних подступах.

Однако к этому времени наше превосходство над противником в живой силе и технике было значительным. Пожалуй, ни в одной операции мы не имели столько боевой техники, боеприпасов, в том числе подкалиберных и кумулятивных снарядов, горюче-смазочных материалов, как теперь, перед штурмом вражеской столицы.

Мы не можем умолчать и о том, что в рядах нашей армии действовали чехословацкие, румынские, болгарские войска. Кроме того, на советском фронте сражались французский авиационный полк «Нормандия-Неман» и воины югославской бригады.

В подготовительный период особенно большая работа была проведена артиллеристами по организации системы огня и инженерно-саперными войсками, которые готовили мосты и пути прохода в заградительно-минных полях.

С целью тактической внезапности, по решению командующего 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жукова, наступление должно было начаться ночью.

Приближался долгожданный час расплаты. Об этом наш солдат мечтал, а с ним и весь советский народ мечтал и готовился почти четыре года.

— Долго мы ждали часа, когда пойдем на штурм Берлина, — сказала на митинге разведчица-переводчица штаба дивизии лейтенант Зинаида Петровна Степанова. — И дождались. Задушим озверевшего врага, расквитаемся сполна. Бейте, бойцы, врага смелее! Мы с подругой Ниной Король будем рядом с вами и, если будет надо, придем к вам на помощь.

— Правильно сказала Степанова: смерть фашистам! — поддержали командир 5-й роты старший лейтенант Крошкин и начальник штаба 3-го батальона капитан Иван Ильич Батлук.

— Клянемся, что боевую задачу выполним с честью, все снаряды, созданные руками подростков, наших матерей, выпущу только в цель, буду точно разить врага, — заверил старший сержант 124-го гвардейского артиллерийского полка А. В. Романов.

— Я одобряю заявление Романова! — заявил истребитель вражеских танков старший сержант Магды Султанович Султанов.

Вслушиваясь в их слова мы, командиры, ощущали в себе силу и желание отдать всю энергию последнему штурму. Так не раз с нами бывало в минуты душевного напря-

жения. Вот и сейчас мы внутренне были готовы к любому испытанию, любым трудностям. Нет, неистребим дух русского народа, неиссякаема его энергия, неукротима воля к победе.

Смотрели мы на своих фронтовых товарищей и думали: как все-таки выросли люди, одни за два, другие за три года войны. Вспомнил свой визит к командирам батальонов И. Т. Обушенко, И. Я. Тоткайло, В. Малютину, А. С. Назаренко, командиру дивизиона А. Л. Дубицкому. Они стали мастерами ближнего боя. Кто дошел сюда от Сталинграда, кто от Курска, а как они закалились. А командиры полков, начальник штаба Г. Г. Пантюхов воюют с первого дня войны. Думалось мне: «Нет сейчас в мире армии, которая по силе, упорству и военной мудрости могла бы равняться с нашей».

Далеко шагнула Советская Армия, от Москвы до Одера, и еще предстоит ей пройти до Берлина.



И настал победный час

Над поработенными народами Западной Европы занялась заря освобождения.

С каждым днем советские полки приближались к гитлеровской столице — Берлину. С его падением связывалось завершение войны в Европе.

Теперь уже многие немцы не верили, что можно отстоять Берлин и привести гитлеровскую авантюру к благоприятному исходу. Но фашистское командование вопреки здравому смыслу считало, что еще не все потеряно, надеясь на сепаратный мир с нашими союзниками.

30 января 1945 года Гитлер в одной из самых истерических своих речей вопил о том, что над селами, деревнями и городами на Востоке навис «страшный рок», и грозил самыми ужасными карами тем из своих подданных, кто прекратит сопротивление войскам Советской Армии.

В этой же речи он пугал советской угрозой и западные державы, подталкивая их к разрыву с Советским Союзом:

— Я повторяю свое пророчество: Англия не сможет укротить большевизм и сама станет жертвой этой разлагающей болезни.

Стремясь оттянуть страшный конец, гитлеровцы стягивали к Берлину отборные части и соединения. Лихорадочно возводились оборонительные сооружения. На непосредственных подступах к городу гитлеровцы создали три рубежа обороны: внешнюю заградительную зону, внешний и внутренний оборонительные обводы.

Перед решающим наступлением в частях и подразделениях обсуждалось обращение Военного Совета 1-го Белорусского фронта. В нем говорилось: «Пришло время нанести врагу последний удар и навсегда избавить нашу Родину от угрозы войны со стороны немецко-фашистских войск. За нашу советскую Родину — вперед на Берлин!»

На обращение Военного Совета фронта в частях и подразделениях 52-й дивизии прошли митинги, на которых бойцы горячо, искренне говорили: «Добьем врага в его собственном логове и водрузим знамя победы над Берлином!»

Командир 5-й роты 155-го гвардейского стрелкового полка капитан М. С. Крошкин заявил: «Коммунисты и

беспартийные моей роты в обращении Военного Совета фронта видят конкретную реализацию программы Коммунистической партии. Выполним наказ с честью и оправдаем высокое звание советской гвардии»*.

Митинги, проведенные перед боем, со всей убедительностью показали исключительно высокий наступательный порыв, охвативший волной дивизию, готовность бойцов с честью выполнить долг перед Родиной.

С таким настроением и мыслями шла на штурм Берлина 52-я дивизия. Вместе с другими и нам, сибирякам, пришлось быть участниками завершающего разгрома немецко-фашистской Германии. Нас, воинов, четвертая весна войны встречала в тяжелом и опасном труде.

Перед нами — линии обороны, набитые дотами, дзотами, все покрыто минно-взрывными полями, танками и орудиями, выставленными для стрельбы прямой наводкой.

От Кюстрина до Берлина нам оставалось пройти еще 70—80 километров, а везде и всюду говорили о нем и только о нем. Нам предстояло прорвать зону мощных оборонительных рубежей, чтобы достичь Берлина, одного из крупных городов мира, растянувшегося с запада на восток на 45, а с севера на юг — более чем на 38 километров.

Характерной чертой рельефа Берлина является пересеченность города большим количеством каналов. Поэтому в городе так много мостов. Городские наземные дороги проходят по стальным эстакадам высотой до десяти метров.

После крупных поражений основных сил немецко-фашистской армии в междуречье Вислы и Одера, в Восточной Померании, Силезии, Венгрии над фашистской Германией нависла неотвратимая катастрофа. 3 апреля руководство националистической партии дало войскам такую директиву: «В скором будущем нужно ожидать большого наступления большевиков на р. Одер. Для укрепления духа и возбуждения фанатизма необходимо в период с 5 по 8 апреля провести беседы в частях. Основой для этих бесед даны следующие указания.

Война решается не на Западе, а на Востоке, и именно на участке нашей (9-й) армии.

Предстоящее большое наступление противника должно быть отбито при всех обстоятельствах.

Наш взор должен быть обращен только на Восток, независимо от того, что будет происходить на Западе.

* ЦАМО, ф. 233, оп. 53727, д. 1, л. 87.

Удержание Восточного фронта является предпосылкой исхода войны»*.

Все это говорило о том, что битва за фашистскую столицу будет тяжелой, кровопролитной.

Изучая план Берлина, мы рассчитывали свои возможности выполнения приказа. Как с наименьшими потерями в числе первых войти и приступить к штурму логова фашистской Германии.

Два слова — «штурм Берлина», а как много тайлось в них. Все ожидали конца войны, все надеялись на скорую встречу дома с дорогими сердцу людьми!

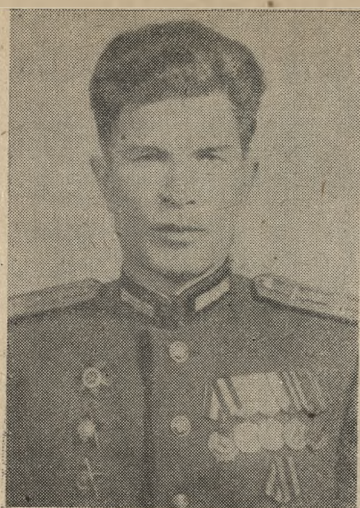
Когда гитлеровская армия, отшлифованная в двухгодичных боях на полях побежденной Европы, подходила к Москве, к Волге, к Кавказу, именно тогда у нас зародилась мечта о штурме гитлеровской столицы. И вот заветная мечта стала близкой. Широко развернулась партийно-политическая работа под лозунгами «Вперед на Берлин!», «Взятие Берлина — это конец войне!»

За два дня до начала наступления войск 1-го Белорусского фронта, 14—15 апреля, на направлении главного удара была проведена разведка боем: предстояло уничтожить отдельные группировки врага, определить уязвимые места его обороны.

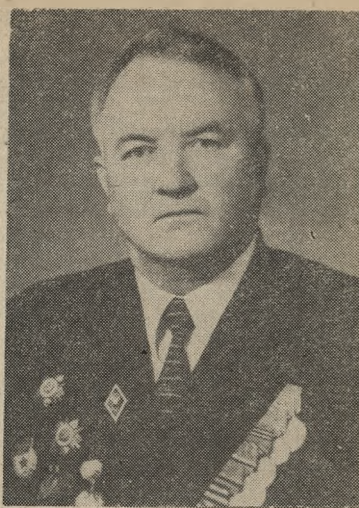
52-я дивизия вела разведку в полосе наступления ее в направлении Рефельд. В разведку выделялась рота батальона Шалыгина 155-го полка, усиленная минометной батареей, батареей противотанкового дивизиона при поддержке двух артиллерийских дивизионов. Справа вел разведку батальон 33-й дивизии, а слева — батальон 94-й дивизии. Местность, на которой предстояло наступать стрелковой роте старшего лейтенанта М. П. Колобова, была пересеченной, это давало возможность врагу скрытно осуществлять маневр огневыми средствами и накапливать силы для контратак. Первая позиция состояла из трех траншей с ходами сообщений и убежищ.

Начальник штаба дивизии подполковник Я. Д. Емельянов разработал план подготовки и проведения разведки боем. 13 апреля с личным составом участников разведки были проведены занятия на тему «Прорыв обороны противника и бой в глубине его обороны». Особое внимание уделялось преодолению инженерных заграждений, четкому взаимодействию пехоты с артиллерией, саперами и управлением боя.

* ЦАМО, ф. 317, оп. 4320, д. 77, л. 147.



Я. Д. Емельянов



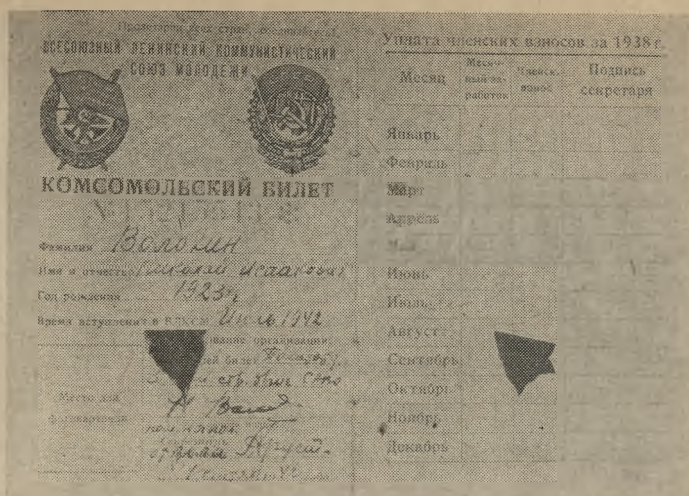
Н. И. Волохин

С рассветом 14 апреля была проведена рекогносцировка с командирами полков, офицерами штаба дивизии и командирами. На рекогносцировке уточнили исходный рубеж атаки, артиллерийского обеспечения.

В ночь на 14 апреля саперы в минных полях проделали проходы. А в 16 часов после огневого артналета 1-я стрелковая рота М. П. Колобова успешно атаковала. Солдаты ворвались в траншею и овладели ею. Введение в бой 2-й и 3-й рот для развития успеха не принесло желаемого результата. Тогда было приказано командиру 155-го полка подполковнику В. Р. Козарезу повторить артналет по вновь выявленным огневым точкам врага. Только после него 2-я и 3-я роты, развивая успех первой, овладели 2-й траншеей, а к 4 часам 1-й батальон при содействии взвода лейтенанта А. В. Балабанова с тыла овладел пунктом Зофиенталь.

Используя успех первого батальона и соседа слева, 2-й батальон капитана Н. И. Лискунова совершил обходной маневр в направлении станции с юго-востока и в 10 часов 15 апреля ударом с тыла сбил противника с железной дороги и соединился с 1-м батальоном.

Таким образом, поставленная перед 52-й дивизией задача по захвату опорных пунктов Зофиенталь—Рефельд, ликвидации выступа обороны противника была выполнена.



Пробитый осколком комсомольский билет Н. И. Волохина

Нельзя умолчать о мужестве и героизме солдат, офицеров в этом бою. 14 апреля при разминировании вражеского минального поля саперный взвод младшего лейтенанта Н. И. Волохина попал под артоналет врага. Волохин был ранен, но продолжал руководить людьми. При повторном артоналете осколками мины его ранило в обе руки, пробило комсомольский билет и удостоверение личности офицера. Только благодаря документам осколок фашистской мины не достиг сердца.

Бесстрашен и самоотвержен наш солдат. Ранен, искалечен, но из последних сил ползет и выполняет поставленную задачу. И как всегда, пример показывают коммунисты и комсомольцы. Таким был и офицер комсомолец Волохин. За мужество его наградили орденом Отечественной войны. Билет и удостоверение личности офицера находятся в краеведческом музее г. Гомеля.

Взвод лейтенанта А. В. Балабанова проник в тыл врага, выбил его из третьей траншеи и решительными действиями оказал содействие батальону в овладении опорным пунктом врага Рефельд. За умное управление взводом и личное мужество старший лейтенант А. В. Балабанов был награжден орденом Богдана Хмельницкого III степени*.

* ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 2197, л. 276.

Командир орудия противотанковой батареи старший сержант А. Ф. Иванов уничтожил танк и пушку. Снайпер младший сержант Иван Данилов уничтожил офицера, пять фашистов. Снайпер сержант Фаина Александрова уничтожила двух офицеров и четырех гитлеровцев. Отличился наводчик полковой батареи К. П. Тюхтеев, старший сержант И. В. Пашков. Мужество и смелость проявил рядовой таджик Гани Вахидов. Он уничтожил около 10 фашистов, был ранен, но не покинул поле боя. Вахидов удостоен ордена Красного Знамени. Это была его вторая награда: орден Славы III степени он получил в сентябре 1944 года.

С разрешения командира корпуса я решил: используя успех 155-го гвардейского стрелкового полка, к активным действиям ввести и 2-й батальон майора В. Н. Малютина 151-го гвардейского стрелкового полка. Батальон Малютина, двигаясь за батальоном 155-го полка, в районе Фрейгута обогнал его боевые порядки и, тесня противника, к 14 часам 30 минутам достиг изгиба шоссе в одном километре восточнее города Лечин, но был остановлен огнем артиллерии и зенитных установок.

Однако батальон добился значительных успехов. Решительно действовала рота старшего лейтенанта Анатолия Михайловича Дашковского. Рядовой С. П. Корчан уничтожил семь гитлеровцев, бойцы батареи старшего лейтенанта Носова уничтожили два противотанковых орудия, пулеметчики роты старшего лейтенанта А. Е. Косьяненко—до двух взводов контратакующей пехоты. Отличились бойцы и сержанты взвода лейтенанта Виктора Степановича Гришина.

2-й эшелон 151-го полка вышел на рубеж севернее сахарного завода и обеспечивал левый фланг дивизии. 153-й полк вышел на ранее занимаемый участок обороны 151-го полка Зофиенталь—Зидовсвизе. 61-й гвардейский саперный батальон майора Лушина частью сил нес службу на переправах Одера, а частью готовил проходы в минных полях противника.

Из показаний пленных было установлено, что в полосе наступления дивизии оборонялся двухбатальонного состава полк «Великая Германия» дивизии «Берлин». Батальоны в свою очередь были пятиротного состава, из них одна тяжелого оружия. Моральное состояние немецких солдат было невысоким. Они знали о нашей подготовке к большому наступлению и очень боялись артиллерии, ударов танков и авиации.

Вот и наступила темная, тревожная ночь.

Противник, как всегда, вел редкий ружейно-пулеметный, артиллерийский огонь, авиация до двух часов ночи бомбила переправы на Одере и боевые порядки наших войск на плацдарме.

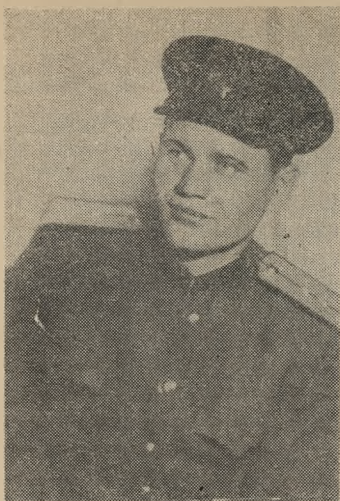
16 апреля 1945 года. Рано, в 5 часов по московскому времени началась великая Берлинская операция, которую осуществляли войска 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. За две минуты до окончания артподготовки в полосе нашей 3-й ударной армии были включены 20 прожекторов большой мощности, при ярком свете которых пехота и танки перешли в атаку. Впечатляющее это было зрелище! Слепя врага и выхватывая из темноты объекты атаки, прожекторы способствовали точным и решительным действиям наших танков и пехоты. Земля содрогалась от залпов нескольких тысяч орудий и минометов. С рассветом над полем появились наши штурмовики и бомбардировщики.

Как потом стало известно, артиллеристы фронта 16 апреля произвели 1 миллион 236 тысяч выстрелов. Это 2450 вагонов снарядов, или почти 98 тысяч тонн металла.

Ничто не могло остановить нашего наступательного порыва. 52-я гвардейская дивизия 15 апреля, успешно выполнив задачу, должна была двигаться за 33-й стрелковой дивизией. К 6 часам 16 апреля 33-я дивизия потеснила противника и вышла северо-восточнее города Лечин, но, встретив сильное огневое сопротивление врага, дальнейшего успеха не имела. Почти на прежних рубежах, ведя тяжелый бой, осталась и 94-я гвардейская стрелковая дивизия. Это еще более усугубило положение 33-й дивизии, так как ее левый фланг оказался открытым. В то же время 23-я гвардейская стрелковая дивизия, действуя в западном направлении севернее Лечина, вырвалась вперед.

В силу сложившейся обстановки командир корпуса генерал А. Ф. Казанкин ввел в бой 52-ю дивизию. Используя успех 23-й дивизии, решено было командиру 151-го полка полковнику И. Ф. Юдичу во взаимодействии с 33-й дивизией ударом с юго-запада и северо-востока овладеть городом. 151-й полк вместе с дивизионом 124-го полка, батареей 76-миллиметровых самоходных установок и ротой 61-го саперного батальона после 20-минутной артподготовки к 8 часам с боем достиг восточной окраины города.

3-й батальон при поддержке артиллерийско-минометного огня овладел домами северо-восточной окраины. В это время 2-й батальон майора Малютина, прикрывшись с юга огнем 4-й стрелковой роты капитана И. М. Щербинина и



И. М. Щербинин

взводом полковой батареи 124-го арtpолка, атаковал противостоящего противника с севера.

В результате целеустремленных действий 52-я гвардейская и 33-я дивизии, разбив ослабленные части 309-й пехотной дивизии «Берлин», к 15 часам овладели городом Лечин.

В этом бою хорошо действовали солдаты 33-й дивизии, 2-й и 3-й батальоны 151-го гвардейского полка 52-й дивизии. Особенно отличились 4-я стрелковая рота И. М. Щербинина, артиллеристы 124-го гвардейского полка подполковника Н. И. Бигоненко.

В боях за город Лечин 52-я дивизия уничтожила более 200 солдат и офицеров, 10 взяла в плен, захватила большие трофеи: 12 орудий, 18 минометов, 47 пулеметов, 2 бронетранспортера, 250 автоматов и винтовок, 12 автомашин и 4 склада с продовольствием и медикаментами.

К 21 часу 16 апреля части дивизии вышли западнее г. Лечин. Для развития успеха и наращивания темпов наступления вводятся танковые части. В полосе наступления нашей дивизии действовала 108-я гвардейская танковая бригада 2-й гвардейской танковой армии. Танкисты начали наступление в 16 часов 30 минут 16 апреля. Их задачей было: обогнать пехоту и нанести удар в общем направлении в обход Берлина с севера. Однако к вечеру танкисты встретили сильное сопротивление противника и вынуждены были остановиться.

17 апреля на рассвете началось совместное наступление наших передовых частей пехоты и танков. К 10 часам утра 23-я и 33-я дивизии 12-го гвардейского стрелкового корпуса сбили противника с занимаемой позиции и в упорных боях овладели крупными населенными пунктами Груббе, Нейфридланд, Нейфельд, вышли на восточный берег канала Фридландерштрот, преодолеть который удалось лишь к 19 часам. А ко второй половине ночи был взят и опорный пункт Готтесгабен.

52-я дивизия с утра 18 апреля выслала усиленный пе-

редовой отряд в составе 3-го батальона капитана И. Т. Обушенко с полковой батареей, минометной ротой, дивизионом 124-го артиллерийского полка и саперной ротой. Отряд, возглавляемый командиром 153-го полка подполковником С. П. Зубовым, должен был захватить переправы в районе Кепеля и восточнее и не дать фашистам возможности взорвать их. Отряд выступил в направлении Каппендорфер, но вскоре наткнулся на усиленную оборону вражеской роты, которую сбил с ходу. Овладеть же населенным пунктом он все-таки не смог. Зубову было приказано действовать обходом с северо-востока, в результате чего передовой отряд к 13 часам достиг переправы. Но она была взорвана! Необходимо было захватить переправу восточнее. Командир 1-го батальона капитан И. Я. Тоткайло переправил 3-ю стрелковую роту старшего лейтенанта И. К. Левыкина вплавь, а под ее прикрытием переправились остальные и стремительным рывком им удалось захватить две переправы восточнее Нейфельда.

С подходом 3-го батальона капитана И. Т. Обушенко и остальных подразделений полк Зубова занял оборону по рубежу Готтесгабен—Кепель справа и Нейфридланд справа. Тем самым он обеспечивал проход главных сил и составил второй эшелон дивизии.

В течение трех дней войска 3-й ударной армии в упорных боях овладели городами Грум, Предиков, Блюмберг, Нойн-Линденберг и рядом других населенных пунктов, представляющих мощные опорные пункты вражеской обороны, и подошли левым флангом к Боцлаву.

Рубеж обороны проходил по высотам. Местность в глубине обороны имела много лощин и оврагов и позволяла врагу осуществлять маскировку и скрытый маневр сил, что делало оборону более устойчивой. На окраинах Боцлава были вырыты противотанковые рвы, надолбы, размещены минные поля и другие заграждения.

Днем овладеть Боцлавом 23-й гвардейской и 33-й стрелковым дивизиям не удалось. Не дал положительных результатов и повторный артналет и залп 23-й минометной бригады реактивной артиллерии. Овладеть Боцлавом и высотами севернее его командир корпуса решил вводом в бой 52-й гвардейской дивизии. Дивизии была поставлена задача наступать из-за правого фланга корпуса севернее Боцлава.

Но после рекогносцировки с командирами частей, когда подразделения заканчивали подготовку к наступлению, я получил приказ наносить удар не из-за правого, а из-за ле-

вого фланга, то есть в стык 23-й и 33-й стрелковых дивизий. Для этого дивизии надо было сделать рокировку и произвести всю работу по подготовке для наступления сначала. К тому же этот маневр, считал я, займет много времени — не менее 6—8 часов — и, возможно, будет стоить потерь и физических сил солдата. А экономия времени и умелое, бережливое расходование сил солдатского запаса энергии — это тоже своего рода оружие.

Я предложил генералу А. Ф. Казанкину оставить в силе первое решение, однако предложение на сей раз принято не было.

Выполнив маневр, 52-я дивизия после 30-минутной артподготовки во взаимодействии с другими в 23 часа перешла в атаку.

Бой носил ожесточенный характер и продолжался до 4 часов утра 19 апреля. Только утром частям 52-й, 23-й и 33-й стрелковых дивизий удалось окончательно сломить врага. В 5 часов утра город Боцлав был взят.

Продолжая теснить врага, 151-й полк со средствами усиления во взаимодействии с 23-й дивизией к 7 часам овладели населенным пунктом Рейхенов, а к 13 часам вышли на рубеж 1—2 километра северо-восточнее Предикова, где огнем противника были остановлены.

155-й полк с батареей самоходных установок, 2-м дивизионом 124-го полка, 124-м минометным полком, ломая сопротивление арьергардов врага, к 13 часам вышел на рубеж юго-восточнее Предикова, где, наткнувшись на противотанковые и противопехотные минные поля, прикрываемые артиллерийским и пулеметным огнем, был задержан.

До 18 часов в полках велась подготовительная работа, доразведка вражеских позиций, саперы готовили проходы в минных полях.

После этого 155-й полк возобновил атаку Предикова с юга, а 151-й — с северо-востока. После часового натиска населенный пункт был очищен от врага.

К 8 часам 20 апреля 151-й полк вышел на западную опушку леса Вилькендорфер, а 155-й — на южную опушку этого же леса, где были встречены артиллерийско-минометным, ружейно-пулеметным и огнем штурмовых орудий и танков с места. Они не смогли продвинуться дальше. Не увенчались успехом и следующие две попытки. В это время 5-я стрелковая рота капитана Крошкина, нащупав слабое место у противника на правом фланге 155-го полка, уверенно продвинулась вперед. Используя этот успех, 155-й полк сделал обходной маневр и, сбивая вражеские группы

прикрытия, к 10 часам 20 апреля вышел в район севернее Вилькендорфа — на озеро Херрен.

153-й полк преследовал противника в направлении населенного пункта Вилькендорф.

Стремясь преодолеть физическую и моральную подавленность войск, развивающуюся по мере роста неудач на фронте, Гитлер подписывает бредовые воззвания, отдает приказы, строит планы, явно не соответствующие реальности. В одном из обращений к солдатам фюрер вещал: «Если каждый из вас выполнит свой долг на Восточном фронте, последний штурм азиатов будет сорван... В эти часы на вас смотрит весь мир... Только благодаря вашему мужеству, смелости, упорству и фанатизму большевистское нашествие мы можем затопить в крови!»

На Восточный фронт были переброшены все стратегические резервы гитлеровской ставки. Словом, на защиту своего логова Гитлер бросил все и вся. Но не помогло и это.

Советский солдат рвался к Берлину, он жил мечтой войти в него и там закончить победное сражение. Теперь каждый день, каждый час приносил нам успех. И как бы ни было трудно, какой бы жестокий бой с врагом мы ни вели, но шаг за шагом продвигались к заветной цели.

Чтобы еще более ускорить успешное продвижение войск 3-й ударной армии, командующий фронтом в полосе наступления 12-го стрелкового корпуса 19 апреля ввел новый 9-й гвардейский танковый корпус, который эффективно помог в наступлении и 52-й дивизии.

Значительное продвижение 52-й дивизии было обеспечено смелыми и решительными действиями 108-й танковой бригады подполковника В. Н. Баранюка и передового отряда 153-го полка С. П. Зубова, 124-го артполка. Особенно отличились батарея лейтенанта Сенько, которая своим метким огнем подавила минометную батарею и подбила штурмовое орудие, а также батарея капитана Н. И. Евтухова 151-го стрелкового полка, отразившая две контратаки и уничтожившая танк и противотанковое орудие.

Немало образцов отваги и мужества показали воины стрелковых подразделений. Вот один из примеров. Расчет станкового пулемета 1-й пулеметной роты младшего сержанта Павла Иосифовича Кулькова при совершении 155-м стрелковым полком обходного маневра прикрывал его левый фланг. Отражая атаки противника, расчет уничтожил более взвода вражеской пехоты. А снайпер младший сержант А. П. Федюхин выбил из строя трех фашистских офицеров.

Чтобы удержать последнюю полосу обороны перед Берлином, гитлеровское командование бросало в бой все, что только могло. Пленные, которых было взято более двухсот человек, принадлежали 11-й моторизованной дивизии СС и бригаде истребителей танков. Гитлеровские части были усилены бригадой штурмовых орудий, тяжелой артиллерией, зенитными подразделениями, используемыми для стрельбы по наземным целям.

Что из себя представляла бригада истребителей танков? Она состояла из четырех батальонов, сформированных из 16—17-летних юношей, призванных по тотальной мобилизации. Вооружены они были фаустпатронами — ручными противотанковыми гранатами. Этот вид оружия ближнего боя фашисты особенно активно применяли в Вилькендорфском лесу и в населенных пунктах.

— Таких сосунков в пекло суют, — вздохнул полковник В. Е. Горюнов.

— Ты погляди, что у него, — В. Т. Широкоумов кивнул на тупую головку фаустпатрона, которая была видна из-под руки фолькштурмиста. — Не сосунок, раз такую штуку взял...

— Не своим умом взял, — вздохнул начальник политотдела Горюнов. — В руки сунули... задурили голову — вот и взял.

С начала берлинского наступления условия боевых действий непрерывно менялись, приходилось перестраиваться на ходу, менять тактику. Если в первые два дня — 16—17 апреля — наши усилия были направлены на преодоление укрепленной обороны в условиях труднопроходимой приодерской поймы, а затем бои развернулись на проселочной местности за овладение опорными пунктами и господствующими высотами, то теперь перед частями дивизии на подступах к Берлину с северо-востока сплошной стеной стоял лес Вилькендорф. Все просеки и дороги, идущие через лес, имели завалы, заминированные участки, которые прикрывались противотанковыми и зенитными орудиями для стрельбы прямой наводкой и многочисленными группами «фаустников». Бои в лесу принимали самый ожесточенный характер, продвижение наших войск вперед было чрезвычайно затруднительно.

Обстановка заставляла нас быть особенно бдительными, непрерывно вести наблюдения, активную разведку. Лучшим проявлением бдительности и боевой готовности мы считали активные действия. Группами добровольцев и снайперами мы не давали врагу покоя.

Гитлеровцы вынуждены были принимать срочные меры, чтобы обезопасить свои тылы и связь, на ходу организовываясь в сводные отряды. С вводом в действие свежего полка «Данемарк», до трех батальонов фольксштурма, подержанных артиллерийско-минометным огнем и танками, врагу удалось задержать наступление 23-й и 52-й гвардейских стрелковых дивизий.

Однако, уточнив обстановку, подтянув тылы, наладив взаимодействие с танками и подразделениями 23-й стрелковой дивизии, 52-я после массированного 10-минутного артиллерийско-минометного налета, поддерживаемая танками и огнем артиллерии, перешла в решительное наступление. Прорвав оборону противника и преследуя его, гвардейцы 52-й дивизии с частями 108-й гвардейской танковой бригады с боями прошли 27 километров и к 23 часам 20 апреля достигли рубежа: 151-й полк — Вильгельминенхов, 155-й — берегов озера Хаусзее, 153-й полк вышел во второй эшелон дивизии.

Необходимо сказать, что на левом фланге корпуса из-за отставания 94-й гвардейской стрелковой дивизии — нашего левого соседа — создалась напряженная обстановка. Опираясь на укрепленные районы Штраусберг, противник мог нанести удар в северо-восточном направлении и выйти в тыл 12-го гвардейского корпуса. Поэтому 33-я дивизия, находившаяся во втором эшелоне корпуса, держалась ближе к левому флангу. Мне тоже пришлось 153-й полк Зубова, свой резерв и подвижной отряд заграждения держать ближе к левому флангу.

На следующий день, 21 апреля 1945 года 12-й корпус получил задачу: к четырем часам захватить Ленберг, Кларахе и выслать в Берлин сильные передовые отряды*.

Берлинский вопрос не сходил со страниц газет и журналов, в том числе и в частях 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Берлинский вопрос «жгуч». И если думать о нем сегодня, память невольно воскрешает тревожно-веселые, отчаянно-буйные весенние дни сорок пятого года.

А когда в сознании воскрешаешь картины штурма Берлина, прокопченные черным дымом лица солдат, то переживаешь те события с силой, будто все это снова происходит сейчас.

Вспоминаю, на подходе к Берлину дивизия приближалась к одной из просек. На этой просеке, на открытом ме-

* ЦАМО, ф. 317, оп. 29869, д. 4, л. 71.

сте, мы смотрели вправо и влево от автострады и на всем протяжении этой лесной дороги, насколько хватает глаз, видели одно и то же — кашу, в которой перемешаны грузовики, танки, штурмовые орудия, бронетранспортеры и скрюченные в невероятных позах трупы вражеских солдат и офицеров.

В час ночи командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов лично поставил перед 52-й дивизией задачу прорвать оборону противника, наступать в направлении Линденберг, пригорода Берлина Вейсензее и к 4 часам 21 апреля захватить узел дорог автострады Блумберг—Берлин.

Обстановка к этому времени была такая: правый сосед — 23-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора П. М. Шафаренко, находясь на уровне 52-й дивизии, вела бой с сильным противником; левый сосед — 94-я стрелковая дивизия — по-прежнему отставала. Взвесив все плюсы и минусы, я принял решение поставленную задачу выполнить силами 151-го и 153-го полков, имея во втором эшелоне 155-й полк. Чтобы сократить время на доведение задачи, я выехал в 153-й полк, а начальник штаба полковник Я. Д. Емельянов в 151-й. Надо сказать, что в то трудное время, особенно при штурме Берлина, мы с Емельяновым хорошо узнали друг друга, и какой бы сложной ни была обстановка, у нас почти никогда не было расхождений во мнениях относительно планов действий. Яков Денисович умел быстро подхватить решение командира и четко провести его в жизнь.

Главный опорный пункт немцев Блумберг решено было брать обходным путем: 151-й полк частью сил активными действиями сковывает противника с северо-востока, а остальными силами наносит удар с севера, 153-й полк частью сил прикрывается с юго-востока, а главный удар наносит с юга, 155-й полк следует за левым флангом 153-го полка.

В два часа ночи после артиллерийско-минометной подготовки дивизия начала наступление. 151-й полк прорвал оборону восточнее города, но, как сообщил начальник штаба Емельянов, сильным огнем противника был остановлен. Тогда было принято решение: частью сил 151-й полк прикрывается от Блумберга-северного, а главными силами сковывает Блумберг-южный с востока и юго-востока и тем самым способствует выполнению задачи 153-м полком, который, не ввязываясь в бой за город, захватывает автостраду Блумберг—Берлин, прочно удерживает узел дорог до

подхода 155-го полка. С приходом полка Козареца последний одним батальоном содействует полку Юдича овладеть Блумбергом-южным.

К 6 часам Зубов свою задачу по захвату узла дорог успешно выполнил. Это был крупный успех. Вот что пишет в книге «Наступает ударная» бывший начальник оперативного отдела 3-й ударной армии, ныне генерал-лейтенант Георгий Гаврилович Семенов: «На рассвете 21 апреля гвардейцы 52-й дивизии генерал-майора Н. Д. Козина и бойцы 171-й стрелковой дивизии полковника А. И. Негоды первыми пересекли берлинскую кольцевую автостраду и устремились в пригород Большого Берлина. Эта радостная весть быстро разнеслась по частям армии. 3-я ударная переступила порог фашистского логова»*.

Командующий армией генерал-полковник В. И. Кузнецов сказал 52-й гвардейской стрелковой дивизии: «Я верил. И если материальные и людские потери врага не так велики, то моральный удар безусловно большой. Но отмечать успех нам пока рановато. Самое главное — впереди».

— И самое трудное, — добавил я.

Выход 153-го полка на автостраду Блумберг—Берлин при содействии 2-го батальона 155-го полка атакой с юго-запада позволил 151-му полку овладеть Блумбергом-южным.

Наступательный порыв гвардейцев был настолько велик, что самоотверженность и решительность проявлял каждый сражающийся с врагом. На подступах к городу с юго-востока противник оказал упорное сопротивление, создалась очень тяжелая обстановка. Командир стрелковой роты первого батальона 151-го полка старший лейтенант В. С. Трошин, зная, что от действий его роты зависит успех батальона, первым бросается на врага и увлекает за собой бойцов роты. Стремительность и дерзость солдат дезорганизовали гитлеровцев, и они, стараясь избежать рукопашной схватки, начали отходить. Вместе с ротой Трошина ворвался батальон майора В. М. Малютина и завязались уличные бои.

За умное управление ротой и проявленную личную храбрость старший лейтенант В. С. Трошин, ранее награжденный орденами Красного Знамени, Красной Звезды и Александра Невского, был удостоен звания капитана и ордена Кутузова III степени**.

* Семенов Г. Г. Наступает ударная. М.: Воениздат, 1970, с. 267.

** ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 7015, л. 36.

К семи часам в наших руках был Блумберг-северный, а вскоре и Блумберг-южный. Эти успехи еще более воодушевили гвардейцев дивизии.

Город Блумберг — узел дорог на подступах к самой немецкой столице. И овладение им имело большое оперативное значение: город занимал ключевое положение, потеряв его, противник вынужден был отходить на внутренний городской обвод. Из показаний пленных было известно, что, стремясь удержать опорный пункт Блумберга, гитлеровцы стянули сюда основные силы и тем самым ослабили свои фланги. Тогда я принял решение ввести в бой второй эшелон дивизии — 155-й стрелковый полк Козарева, задачей которого было: развивая успех 153-го полка в направлении Вейсензее, овладеть пригородами Бланкенбург и Мальхов.

Уничтожая отдельные очаги сопротивления на высотах и опушках леса, полк имел успех, но когда из-за укрытия враг силою батальона пехоты и роты танков с юго-западной окраины Ной-Ланденберг контратаковал, продвижение полка было задержано. Только вводом второго эшелона полка с дивизионом противотанковой артиллерии капитана Н. В. Познякава и огня артиллерии контратака противника была отбита.



Штурм Берлина

21 апреля в 12 часов 2-й дивизион майора А. Л. Дубицкого 124-го артполка с северо-восточной окраины Кларахе произвел первый залп по центру Берлина. 153-й и 155-й полки решительной атакой прорвали вражескую оборону и, преследуя отходящего врага, к 14 часам захватил Вартенберг.

Пехотный батальон противника, рота танков при поддержке сильного огня артиллерии из района пригорода Мальхов предприняли контратаку. 153-й полк Зубова, прикрывшись с востока 7-й стрелковой ротой капитана А. П. Ерошкина и взводом 3-й пулеметной роты лейтенанта Костина, главными силами с северо-востока и во взаимодействии со 155-м полком, 108-й танковой бригадой с юго-запада при поддержке артгрупп разбили контратакующего врага.

В этом бою врагу был нанесен значительный урон: было убито и ранено более 250 солдат и офицеров, 188 взято в плен, захвачены трофеи: 7 штурмовых орудий, 31 зенитное орудие, 9 пушек, 3 танка, 6 тракторов, 50 автомашин и другое военное имущество.

Хорошо действовали танкисты 108-й танковой бригады, 124-й артполк и гвардейцы 153-го полка. Особенно отличилось отделение противотанковых ружей сержанта Скобличова, которое уничтожило танк и бронемашину; саперный взвод лейтенанта Кирзунова обеспечил движение танков через минное поле; блестяще выполнил свою задачу штурмовой взвод секретаря партийной организации сержанта Степанова. Этот взвод уничтожил в каменном здании два пулемета, орудие и гранатомет, которые не смогла подавить артиллерия.

Противник вновь пытался контратаковать, но воины стрелковой роты старшего лейтенанта А. М. Шингалова при поддержке батареи старшего лейтенанта В. В. Жилинского успешно отразили натиск.

Враг потерял более роты пехоты, четыре танка. Этот успех был закреплен воинами 151-го полка и 23-й дивизии, которые в 11 часов овладели Ной-Лондербергом.

Поблагодарить гвардейцев за успешные боевые действия приезжал командир 12-го корпуса генерал-лейтенант



Знамя 52-й гвардейской дивизии в Берлине

А. Ф. Казанкин. К сожалению, на обратном пути он был тяжело ранен. 30 апреля его заменил генерал-майор А. А. Филатов.

Во второй половине дня 21 апреля 151-й и 155-й полки со 108-й танковой бригадой, прорвав сильно укрепленный рубеж обороны, проходивший по северной и северо-западной окраинам Вейсензее, в 20 часов ворвались в Берлин и завязали уличные бои. Входя в Берлин, я подумал: «Аукнулось под Москвой, а откликнулось в Берлине». Орудие, которое стреляло по Смоленску, по Сталинграду, Минску и многим другим городам Советского Союза, откатившись, ударило по логову фашизма — Берлину.

Вести бои в городе всегда трудно, а тем более в таком, как Берлин, в котором все прочные дома были превращены в крепости с многоэтажными подземными бункерами.

Противник в большом количестве применял фаустпатроны — грозный вид оружия ближнего боя. Из этого оружия можно было стрелять из подвала, с чердака, из блиндажа и любой щели.

22 апреля из тюрем были выпущены уголовники, которых привлекали к обороне города. Общая численность гарнизона к этому времени превышала 300 тысяч человек, но фашистов ничто уже не могло спасти от неминуемого раз-

грома. Мощная лавина советских войск неудержимо двигалась к центру города, к рейхстагу — имперской канцелярии.

В Берлине мы действовали штурмовыми отрядами (взвод, рота), усиленными орудиями, танками, самоходно-артиллерийскими установками, химиками, огнеметами «фоги» и саперами.

В результате решительных действий отрядов в 11 часов 800 солдат и офицеров врага сдались в плен.

Командир 153-го полка С. П. Зубов использовал образовавшуюся брешь в обороне. Преодолевая сопротивление разрозненных групп противника, отряды полка устремились вперед. Только второй батальон 151-го полка майора Сутягина во взаимодействии с полковой батареей капитана Н. В. Евтухова при поддержке 2-го дивизиона 124-го гвардейского артполка майора А. Л. Дубицкого 22 апреля отразили пять яростных атак. Особенно отважно дралась 1-я стрелковая рота старшего лейтенанта П. Д. Алексешикова. Эта рота в каждом бою отличалась храбростью. Например, в Померании в первых числах марта 1945 года рота П. Д. Алексешикова за один день уничтожила более 400 вражеских солдат и офицеров, *260 взяла в плен, захватила крупные трофеи: 6 минометов, 2 пушки, 4 зенитных орудия, 20 автомашин, 2 танка и много имущества.

Смело, решительно эта рота действовала и при форсировании Одера. И вот теперь в боях на улицах фашистского логова бойцы во главе со своим командиром продвигались в числе первых. Бойцы равнялись на своего командира, гвардии старшего лейтенанта П. Д. Алексешикова — человека храброго, мужественного. Недаром он закончил войну, имея на груди десять правительственных наград.

Или вот другой командир. В момент отражения жестокой атаки врага командир 5-й батареи старший лейтенант коммунист Владимир Васильевич Жилинский заметил, что машина начальника политотдела полковника В. Е. Горюнова вот-вот попадет в распоряжение немцев. Жилинский, не разбирая дороги, с группой в 12 человек помчались наперерез. Офицер считал своим долгом спасти полковника, а раздумывать о том, опасен или неопасен поступок, на который он с бойцами своей батареи шел, было некогда. Не думал он о смертельной опасности и тогда, когда вступил в рукопашную схватку. В схватке 6 фашистов были уничтожены и 3 взяты в плен. Начальник политотдела дивизии был спасен.

Артиллеристы 124-го артполка, находясь непосредственно в боевых порядках пехоты, прямой наводкой уничтожали огневые средства и живую силу противника. Расчет младшего сержанта А. Н. Гусейнова только 22 апреля подавил минометную батарею, уничтожил 14 ручных и тяжелых пулеметов, 2 пушки и до 40 фашистов... На следующий день в жарком бою погиб весь расчет, в живых остался лишь один командир, который продолжал вести огонь, обеспечивая продвижение пехоты. Он лично уничтожил три укрепленных точки и около 20 фашистов. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, младший сержант Али Наджимович Гусейнов был награжден третьим орденом Славы, став полным кавалером самого почетного солдатского ордена.

22 апреля фашисты в боях с гвардейцами 52-й дивизии потеряли убитыми и ранеными 450 солдат и офицеров. Нами были захвачены трофеи: 560 автомашин, 6 тракторов, 11 бронетранспортеров, 4 самоходных установки, 16 зениток, 13 пушек, 3 прожектора, 22 железнодорожных вагона, 2 паровоза.

23 и 24 апреля дивизия во взаимодействии с 79-м тяжелым танковым полком вела ожесточенные бои на берлинских улицах — Шеффлиссерштрассе, Холмелштрассе, Хрубинштрассе, Пекарнен Сильва, Шефельбенштрассе и других. Особенно упорно фашисты сопротивлялись в парках, церквях и угловых домах, приспособленных к круговой обороне с подвижной системой огня. Пришлось огневые точки выжигать огнеметами «фоги».

Гитлеровцы в бой бросали все, что только могли: учебные полки, роты фольксштурма, жандармские батальоны, зенитные дивизионы. Но гвардейцы, тесня врага, шаг за шагом продвигались к центру Берлина. Яростные контратаки пехоты, танков и штурмовых орудий противника успешно отражались.

Командиры орудий первого дивизиона старший сержант Магды Султанович Султанов и старший сержант Василий Иванович Баранов, несмотря на ливень вражеского огня, выкатили свои орудия на прямую наводку и в упор расстреливали фашистов. Расчет Султанова подавил самоходно-штурмовое орудие, три укрепленных точки панцерфауст, разрушил первый этаж каменного здания и уничтожил в нем пулеметные точки и 15 солдат и офицеров. Старший сержант был тяжело ранен, но продолжал вести огонь из пулемета и уничтожил еще 20 фашистов. Такой же героизм проявил и старший сержант Баранов. Оба

командира, а также бойцы их расчетов были награждены орденами и медалями.

Смело действовали танкисты 108-й танковой бригады подполковника Василия Никифоровича Баранюка, минометчики первой минометной бригады, саперы 15-го саперно-инженерного батальона.

В боях 23—24 апреля, отражая атаки и контратаки врага, 52-я дивизия с приданными ей средствами усиления вывела из строя 1150 фашистов, 144 взяла в плен. Захватила трофеи: зениток разного калибра — 48, пушек — 23, минометов — 13, самоходно-штурмовых орудий — 5, танков — 6, железнодорожных вагонов — 23, складов с продовольствием и горючим — 26.

Потери нашей дивизии за 21—23 апреля составили 69 убитых (в том числе пал смертью храбрых заместитель командира по политчасти 153-го полка майор Педанов), 352 раненых, в их числе командир 151-го полка полковник Иван Федорович Юдич. Полк принял мой заместитель полковник Сергей Федорович Лясковский.

Командир взвода 2-й стрелковой роты лейтенант Д. Е. Кармаца вспоминает: «24 апреля тяжелый бой вел первый батальон 153-го полка полковника Зубова. В этом смертельном бою, отражая атаки и контратаки, пали смертью храбрых в рукопашных схватках мои боевые друзья — командир 2-й роты лейтенант А. М. Федоров, командир взвода лейтенант Н. М. Казаков. Командир взвода М. А. Данилин был тяжело ранен».

Все они — двое посмертно — были удостоены правительственных наград.

С каждым днем нарастал наш натиск к центру фашистского логова. Лица мирных жителей выражали растерянность и недоумение. Один пожилой немец не выдержал, пошел к нам.

— Откуда у вас такая сила? — спросил он. — Ведь нас уверяли, что русские разбиты, держатся уже из последних сил.



М. С. Султанов

Что можно было ответить этому немцу? Он сам теперь все видел своими глазами: мы не только выдержали, но пришли в Берлин и завершаем свое правое дело.

Двигаться по улицам Берлина было опасно, и опасность часто подстерегала там, где ее вроде бы не должно быть. В эти дни затишья не было, да и не могло быть, так как наши позиции впереди, справа и слева находились от немецких на расстоянии броска гранаты, а то и через стену.

Особенно в этом смысле досаждали нам снайперы и террористы. Не складывала свое оружие и геббельсовская пропаганда: гитлеровцы разбрасывали разного рода листовки, и на стенах домов, заборах, прямо на асфальте белой краской или мелом писали лозунги, призывавшие свои войска и берлинцев бороться до конца. Но все попытки поднять дух армии и населения успеха не имели. Берлин горел, его гарнизон сдавал позиции.

25 апреля в центре Германии на Эльбе произошла историческая встреча двух союзных армий — советской и американской. Гитлеровские войска оказались разорванными на две части — северную и южную. Но это не облегчило положение наших войск.

В следующие дни дивизия вела тяжелые бои с противником в районе парка Гумбольт-Хайн. Фашисты превосходящими силами предпринимали одну контратаку за другой. Вот уже отбито две. Выдвинув вперед штурмовые орудия и зенитную артиллерию для стрельбы прямой наводкой, гитлеровцы пошли в третью. Перед 155-м стрелковым полком в районе Глеймштрассе — Свюнемюндештрассе создавалось серьезное положение, особенно на участках 5-й стрелковой роты капитана Крошкина и 9-й батарее капитана Ковалья. Гитлеровцы отдельными группами пытались в обход прорваться на позиции артбатарей. Но Коваль, развернув одно орудие, начал в упор расстреливать просочившихся фашистов, 5-я стрелковая рота одним взводом также открыла огонь по пехоте, наступающей во фланг и тыл. Ранено наводчика и заряжающего. Их место занял сам командир батареи. Но вскоре и он был смертельно ранен, однако продолжал вести огонь. Уже окончательно истекая кровью, он успел навести орудие и прямым попаданием уничтожить штурмовое орудие врага. Атака фашистов была отбита, рубеж удержан.

За храбрость и мужество А. П. Коваль был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, многие бойцы награждены орденами и медалями.

В этот же день, 26 апреля, противник группой 25 человек предпринял с улицы Папель-Аллее атаки и на орудие в районе перекрестка улиц Вносерштрассе и Штайхельдерштрассе. В завязавшемся бою расчет был выведен из строя, остался один командир сержант Чарнита. Телефонист управления дивизиона и связные заняли круговую оборону. Гитлеровцы забрасывали орудия фаустпатронами. Сержант Чарнита был ранен, но не оставил поле боя, продолжал отражать атаки врага. Были ранены связист Бурлаков, санинструктор Шавали, повозочный Дудко. Они также не прекращали вести огонь, 10 фашистов уничтожили, 8 взяли в плен. За мужество все были награждены правительственными наградами.

Атаки фашистов не прекращались ни днем, ни ночью. Тяжело было смотреть, когда твои товарищи проливают кровь.

Вспоминает лейтенант Е. П. Корнеев: «Вскоре центр огненного удара и яростных атак переместился к нам. Только в первый час две атаки мы отбили огнем, третью гранатами, а четвертая началась массовым нажимом фольксштурмовцев и берлинской жандармерии с фронта, с севера и юго-востока. Пришлось вступить в рукопашную нам, а затем ротам 3-го батальона капитана И. Т. Обушенку. От артиллерийского, минометного, пулеметного и огня орудий прямой наводки враг истекал кровью, но бросался в атаки».

Заместитель командира по политчасти майор С. И. Множин (заменивший павшего в бою майора Педанова) докладывал: «Мне пришлось разъяснить людям, что положение у соседей не лучше. Для нас сейчас большая опасность со стороны парка Гумбольт-Хайн, завода № 47 и насыпей железных дорог с севера и востока».

С рассветом враг повторил артналет, появились четыре танка и штурмовое орудие, за ними шла пехота. Тут же два вражеских танка подбили артиллеристы лейтенанта Н. Александрова, а сержант Я. А. Грознов из трофейного гранатомета «фаустпатрон» уничтожил штурмовое орудие.

Да, все попытки врага прорваться и разобщить 153-й со 151-м полком не достигли успеха. И сейчас отрядно вспомнить мастерство штурмовых групп в использовании незаменимого вида оружия в городском бою — гранат Ф-1 и РГД, противотанковых ружей и гранат «фаустпатрон».

А наши снайперы, такие, как комсомолка Муза Яковлевна Десятова и коммунист Тамара Константиновна Алферова и другие, приучили гитлеровцев ползать гадюками

по берлинской земле. О снайперах дивизии говорили с гордостью. Их мы ставили в пример не только за отвагу и боевой счет, но и за чувство коллективизма, за стремление передать свои знания и опыт другим стрелкам.

Со второй половины 27 апреля бои переместились в самое сердце Берлина — центральный сектор, где размещались все руководящие и правительственные органы Германии, штаб обороны города и сам Гитлер. Кольцо вокруг окруженной группировки немцев сжималось. Вражеская группировка растянулась узкой, не более 3—5 километров, полосой с востока и на 16 километров на запад.

Все попытки гитлеровского командования оказать помощь Берлину извне провалились. Политико-моральное состояние фашистских войск резко упало, участились случаи массового дезертирства.

52-я гвардейская стрелковая дивизия, отвоевывая метр за метром, продвигалась вперед. Штурмовые отряды действовали мелкими группами, проникая через проломы в стенах зданий, проходные дворы, вели бои в подвалах, на лестничных площадках, на чердаках.

26 апреля подразделения дивизии уничтожили 365 фашистских солдат и офицеров, 27 взяли в плен, в том числе одного полковника. Крупными оказались и трофеи: 25 паровозов, 2500 вагонов, 200 автомашин и другое военное имущество.

Из допроса пленных и показаний местного населения было установлено, что в полосе наступления дивизии насчитывается 2700—3000 обороняющихся фашистств, вооруженных в основном пулеметами, автоматами и фаустпатронами.

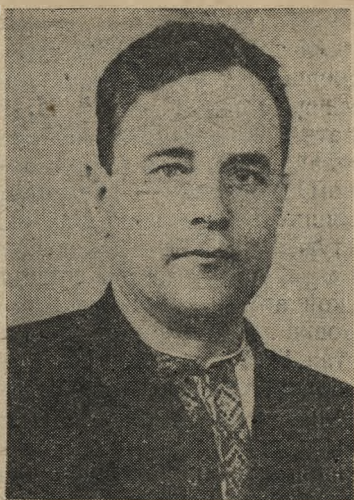
Подступы к центру столицы и рейхстагу враг оборонял тяжелой артиллерией, кочующими и врытыми в землю на перекрестках улиц танками, штурмовыми орудиями.

27 апреля после артналета наступление штурмовых групп 153-го и 155-го стрелковых полков возобновилось. Все делалось под прикрытием дымовой завесы, которая под огнем врага ставилась воинами 58-й роты химзащиты.

Большое мужество проявили химики, выполняя свою задачу. Один из многих примеров. 27 апреля ездовой роты химзащиты Таран, доставляя химсредства на передний край, попал под сильный пулеметный огонь. Шашки загорелись, но Таран не растерялся: поставив впереди себя дымовую завесу, он вынес шашки, которые потом доставил по назначению, тем самым обеспечив действие штурмовых групп. За свой подвиг он был награжден орденом.



П. Т. Симоненко



Я. Г. Позенко

Смело и решительно действовали и огнеметчики, помогая штурмовым группам продвигаться вперед. 1-я и 2-я роты минометного батальона сожгли пять зданий — опорных пунктов большой мощности — и несколько орудий, находившихся в подвалах каменных домов.

Умело руководили действиями в бою командир полковой батареи старший лейтенант П. Т. Симоненко, командир 51-го истребительно-противотанкового дивизиона капитан Н. В. Позняков, начальник штаба 3-го батальона 153-го стрелкового полка старший лейтенант Иван Ильич Батлук.

Нельзя не сказать добрых слов о водителях 400-й роты автоподвоза капитана Михаила Афанасьевича Ковзуна, начальника артиллерийского снабжения и начальника автослужбы старшего лейтенанта Я. Г. Позенко. В очень сложной обстановке они обеспечили бесперебойное снабжение полков и подразделений боеприпасами и всем необходимым в тяжелых боях.

Благодаря слаженным действиям всех подразделений 153-го и 155-го стрелковых полков во взаимодействии со средствами усиления к 15 часам 27 апреля дивизия овладела несколькими кварталами восточнее завода № 47.

В это время 2-я гвардейская танковая армия нанесла сильный удар в южном и юго-восточном направлениях.

Продвинувшись на два с половиной километра, она овладела значительной частью Шарлоттенбурга. Учитывая сложившуюся обстановку, командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов решил перегруппировать основные силы 12-го стрелкового корпуса к правому флангу армии, в район Ведлинга, оставив на всем остальном участке — Гезундбруннен—Пренцалдерштрассе — лишь 52-ю дивизию. Главными силами армии развернуть наступление из Ведлинга на юго-восток в общем направлении на рейхстаг с целью соединения в этом районе с 8-й гвардейской армией и расчленения окруженной вражеской группировки на две части. Не очень-то был доволен личный состав 52-й дивизии, узнав о приказе перехода дивизии к обороне, хотя и активной: гвардейцам хотелось наступательных действий и штурма рейхстага. Желание бойцов было вполне понятным. Но в сложившейся обстановке решение командующего армией было обоснованным: не тащить же 52-ю дивизию через боевые порядки 33-й стрелковой дивизии. Это потребовало бы много времени и могло привести к значительным потерям. Водрузить Знамя Победы над рейхстагом, как планировал штаб армии, должен был 79-й корпус. К 10 часам 28 апреля дивизия заняла оборону с целью не допустить прорыва врага в северном направлении и уничтожить диверсионные группы в полосе Гаупштрассе—Принцекалле—Визенштрассе — Бодштрассе.

Резерв командира дивизии — учебный батальон майора И. Тимошина и подвижной противотанковый-заградотряд — состоял из двух стрелковых рот, батареи истребительно-противотанкового дивизиона, саперного взвода на автомашинах ГАЗ-АА.

Но что значило занять оборону в Берлине — логове фашизма? В данном случае оборона — понятие относительное. Мы ежечасно вовлекались в активные боевые действия.

К 28 апреля положение окруженной в Берлине вражеской группировки еще более ухудшилось. Территория, которую она занимала, значительно сократилась. Шансы на деблокаду уменьшились. В результате ударов советских войск с севера и юга расчленение на три части становилось все ближе. Удар по рейхстагу наносился 79-м стрелковым корпусом с северо-запада, откуда его менее всего ожидали гитлеровцы. «Горловина» между группировками врага, зажимаемого в кольцо северо-восточной части Берлина и южной части Шарлоттенбурга и Халензее (парк Тиргартен), сузилась до 1200 метров, между южной и

группировкой в районе Вестенда и Рулебена — до 500 метров. Однако сети подземных путей сообщения позволяли фашистскому командованию маневрировать резервами, перебрасывать их с одного участка на другой и даже появляться в тылу наших подразделений. И чем больше положение фашистов ухудшалось, тем больше они стервенели. И все-таки положение вражеской группировки стало уже настолько тяжелым, что командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг 28 апреля в 22 часа счел необходимым предложить Гитлеру план прорыва войск из Берлина. В своем докладе он указывал, что войска могут воевать еще не более двух дней, так как останутся без боеприпасов. Прорыв предполагалось осуществить тремя эшелонами. Первый эшелон предлагалось усилить основной массой танков, штурмовых орудий и артиллерии. Гитлеровская ставка для большей безопасности должна была выходить со вторым эшелоном. Это мне стало известно от пленных: генерала СС фон Хаймберга и генерала СС Герума. «Если прорыв даже и в самом деле будет иметь успех, то мы просто попадем из одного котла в другой. Он, фюрер, тогда должен будет ютиться под открытым небом, или же в крестьянском доме, или в чем-либо подобном и ожидать конца. Лучше уж он останется в Имперской капцелярии»*. Таким образом, фюрер отклонил мысль о прорыве.

Вечером 29 апреля генерал Вейдлинг вновь предложил прорываться на запад. Гитлер и на этот раз не принял определенного решения. Попытки 12-й немецкой армии прорваться к Берлину и помочь группировке, а равно и попытки самой группировки вырваться кончались безрезультатно. Катастрофа стала неотвратимой.

Советские воины видели, что полный, окончательный разгром гитлеровцев — это вопрос дней. Но все чувства, которые волновали и которыми жили наши солдаты и командиры в преддверии победы, не лишали их высокого гуманизма. Именно гуманизм, человеколюбие руководили ими, когда они, рискуя собственной жизнью, спасали немецких детей, выносили из огня пожаров, прятали от пуль и снарядов.

...Горит четырехэтажный дом, из которого доносится детский плач. Не раздумывая, в горящее здание бросается наша русская девушка-связистка Настя Олехова. И вот

* Совершенно секретно. Только для командования: документы и материалы. М.: Наука, 1967, с. 619.

она уже осторожно спускает ребенка, снова скрывается в огне, спешит вынести второго малыша.

И таких примеров можно было бы привести множество. С утра 30 апреля, когда положение окруженной группировки стало совсем безнадежным, гитлеровское командование во главе с генералом Вейдлингом начало разрабатывать план прорыва из Берлина, который намечался на 22 часа того же дня. Но этому плану не суждено было осуществиться. К исходу дня группировка врага оказалась расчлененной на четыре изолированные части. В стане врага началась паника. Не действовали никакие призывы к армии гросс-адмирала Деница, по завещанию Гитлера ставшего главой правительства, «драться до последнего патрона, до последнего солдата».

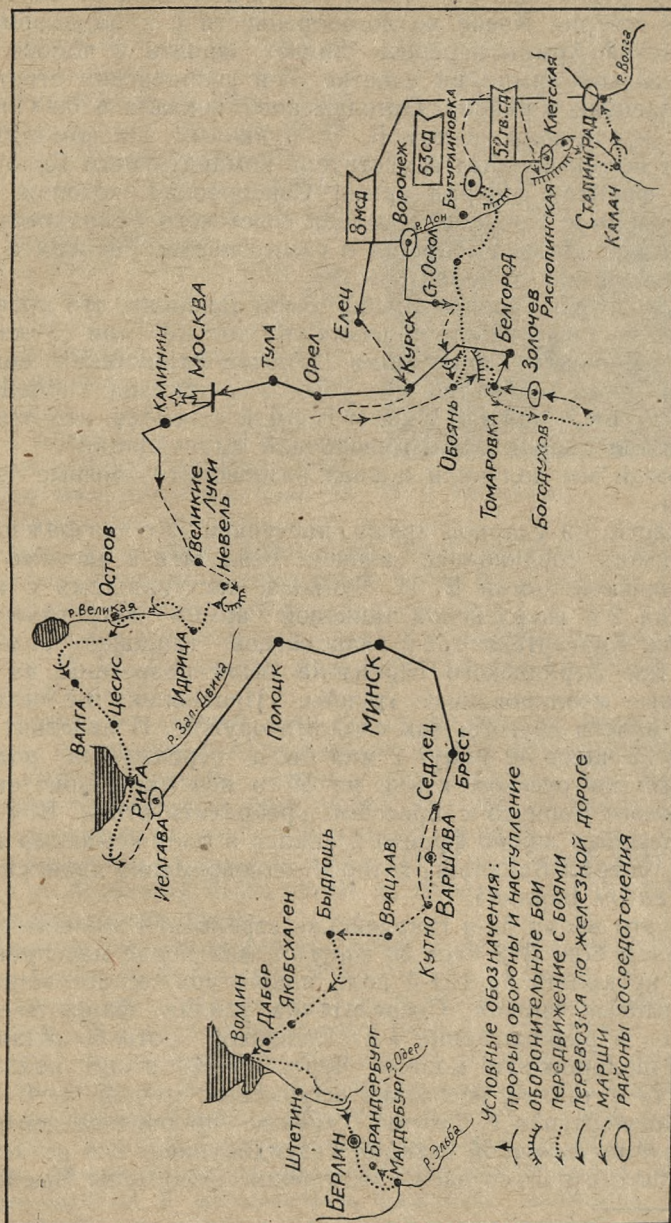
30 апреля 52-я дивизия вела бои в районе парка Гумбольт-Хайн и спортплощадки, которые находились в 300—400 метрах северо-восточнее рейхстага. В парке имелись две крепости, особенно прочной была северная. Парк и крепость были хорошо подготовлены к обороне в противотанковом, противопехотном и противополковой артиллерийском и противопехотном отношении: траншеи с пулеметными площадками и зенитной артиллерией прямой наводки по наземным целям соединялись ходами сообщения с многоэтажными подвалами северной крепости.

Бои носили самый ожесточенный характер, доходили до рукопашных схваток. В одну из очередных атак основной удар пришелся по второму батальону, и тогда командир 4-й роты капитан Илларион Михайлович Щербинин поднадеялся, крикнул:

— Бойцы! За мной! Вперед!

Увлеченные личным примером своего командира, гвардейцы при поддержке артогня решительно контратаковали врага. Только взвод лейтенанта И. И. Батыля в рукопашной схватке уничтожил до взвода фашистов. Сержант Берестнев один уничтожил пятерых.

В тот же день враг силою до батальона при поддержке танков и огня всех видов только с 7 до 10 часов предпринял пять атак на боевые порядки 153-го стрелкового полка полковника Зубова. Но и здесь он успеха не имел. В боях за фашистскую столицу сказалась богатырская сила советского народа и его солдата. Чем больше сатанел враг, тем упорнее и отважнее дрались наши гвардейцы. С 22 часов 50 минут 30 апреля над рейхстагом развевалось советское знамя. Это было последнее знамя войны и первое знамя мира.



Боевой путь 52-й гвардейской Рижско-Берлинской, орденов Ленина, Суворова, Кутузова стрелковой дивизии

1 мая в 3 часа начальник штаба немецких сухопутных войск генерал Кребс по договоренности с командованием Советской Армии перешел линию фронта в полосе 8-й гвардейской армии на участке 35-й гвардейской стрелковой дивизии в районе Потсдамского вокзала и был принят генерал-полковником В. И. Чуйковым. На командный пункт вскоре прибыл заместитель командующего Белорусским фронтом генерал армии Соколовский, который вел переговоры с Кребсом от имени советского командования. Кребс официально сообщил о самоубийстве Гитлера и образовании нового правительства.

В ходе переговоров Кребсу было заявлено, что прекращение военных действий возможно только при условии безоговорочной капитуляции немецко-фашистских войск. После этого генерал Кребс убыл для доклада Геббельсу. В 18 часов 1 мая Геббельс и Борман ответили, что отклоняют требование о безоговорочной капитуляции*.

Тогда мы получили приказ возобновить боевые действия.

Части 3-й ударной армии, наступавшие с севера к центру, вскоре соединились южнее рейхстага с частями 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова, наступавшими с юга. Войска 2-й гвардейской танковой армии встретились в районе Тиргартена с 1-й гвардейской танковой армией. Остатки Берлинского гарнизона были разрезаны на отдельные изолированные группы. Противнику не оставалось ничего другого, как сложить оружие. И действительно, в 00 часов 40 минут 2 мая была перехвачена радиogramма на русском языке из 56-го немецко-фашистского танкового корпуса с просьбой прекратить огонь. В 6 часов перешел линию фронта и сдался в плен командир корпуса генерал Вейдлинг, который одновременно являлся комендантом Берлина.

В это время 52-я гвардейская стрелковая дивизия вела тяжелые бои. В 2 часа 30 минут 2 мая после массированного артналета на 151-й полк пошли вражеские танки и штурмовые орудия. Сосредоточив усилия, фашисты ворвались в расположение 4-й стрелковой роты и овладели железнодорожным мостом. Через 15—20 минут подошли еще 7—8 танков, несколько штурмовых орудий, 5—6 бронетранспортеров с пехотой, стремясь прорваться севернее у железнодорожной станции Гезундбруннен. Все их действия были строго согласованы, хорошо продуманы. Именно в

* Военно-исторический журнал, 1959, № 5, с. 87.

это время противник активно сковал огнем и мелкими атаками 153-й полк. К тому же он был изолирован от 155-го и 151-го полков и не имел связи с командиром и штабом дивизии. Все это не позволяло помочь 151-му полку в ликвидации вклинившегося на его участке противника.

К 6 часам гитлеровцам удалось частью прорваться и выйти в район огневых позиций 1-го дивизиона 124-го арtpолка. К счастью, там находился командир полка полковник Н. И. Бигоненко, который лично возглавил управление боем.

В этом ожесточенном бою он был ранен, но продолжал руководить действиями дивизиона. Враг, потеряв 8 танков, несколько бронетранспортеров и более роты пехоты, дальше продвинуться не смог.

За умелое руководство в бою и мужество гвардии полковник Н. И. Бигоненко был удостоен звания Героя Советского Союза.

Противник, хорошо зная город, подземные ходы сообщения, появлялся там, где мы не всегда его могли встретить подготовленным огнем и контратакой. Положение дивизии осложнялось еще и тем, что она не имела сильного противотанкового подвижного резерва — все средства усиления, за исключением 125-й отдельной танковой роты, с 29 апреля были взяты из дивизии на главное направление удара армии.

Только благодаря решительным действиям личного состава учебного батальона, 82-го батальона связи, 56-й разведывательной роты, роты 61-го отдельного саперного батальона, 58-й роты химзащиты, резерва командира дивизии враг получил отпор. Из допроса пленных мы узнали, что они принадлежали к подразделениям, не подчинившимся приказу сложить оружие и сдаться в плен. В этой ударной группировке насчитывалось 2000 солдат и офицеров. Посаженные на танки, бронетранспортеры, штурмовые орудия и автомашины фашисты пытались прорваться на соединение с северной группировкой. Однако



Н. И. Бигоненко

успеха не имели и были разбиты. Нашим гвардейцам, стоявшим насмерть, этот разгром врага достался немалой кровью. Трудный был для дивизии бой. А тут еще вскоре произошла досадная неприятность. В штабе 1-го Белорусского фронта стало известно, что якобы через боевые порядки 3-й ударной армии из Берлина прорвались немцы. Маршал Г. К. Жуков приказал командующему 3-й ударной армией В. И. Кузнецову разобраться и доложить. Вскоре в дивизию прибыли два офицера из штаба армии и один из штаба фронта. Подозрение, что противник прорвался в полосе 52-й дивизии, отпало. Оказалось, что фашисты численностью до 17 тысяч с 80 танками и штурмовыми орудиями прорвались на участке 125-го стрелкового корпуса 47-й армии и устремились к Эльбе. Вскоре они были уничтожены в лесах северо-западнее Берлина*.

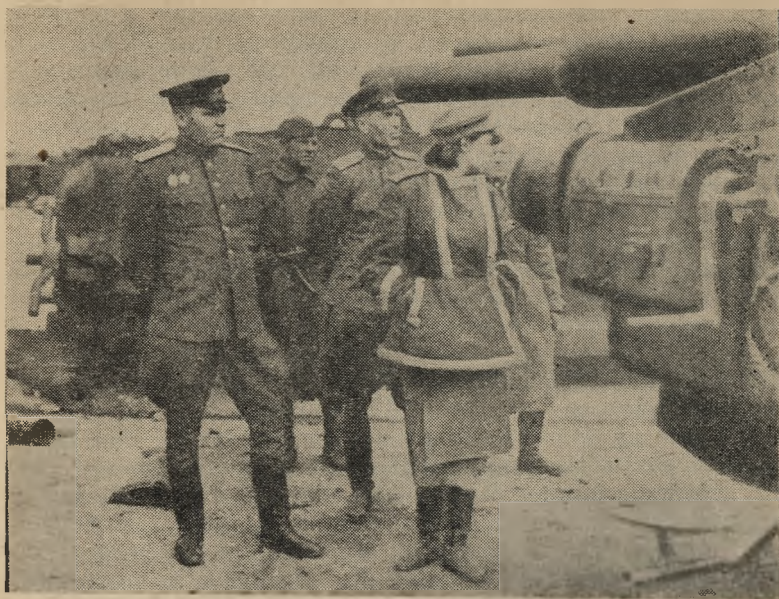
Не сдавались и фашисты, засевшие в северной крепости парка Гумбольт-Хайн. Они всячески пытались вырваться из «котла». Надо было найти вражеское командование и предложить ему прекратить бессмысленное сопротивление. На эту миссию добровольно вызвалась старший лейтенант Зинаида Петровна Степанова, работавшая в штабе дивизии разведчицей-переводчицей.

И вот на штабном вездеходе оперативная группа, в которую, кроме Степановой, входили подполковник П. И. Попов и радист Семен Федорович Калмыков, направилась к крепости парка Гумбольт-Хайн, где располагался командный пункт врагов. К парламентарам вышли два генерала. Вначале они категорически отказались капитулировать. Но после убедительных аргументов, одним из которых был рев моторов наших самолетов над Берлином, генералы приняли наш ультиматум.

В штабе мне представились: начальник полиции Берлина генерал-майор СС фон Хайнберг; президент полиции Берлина генерал СС Герум; командир десантной дивизии, кавалер железного креста с бриллиантами полковник Гарри Герман; командующий артиллерией этой дивизии, командующий запасными войсками Германии... Передо мной сидели с грубыми, будто вырубленными из твердого дерева лицами, типичные представители прусской военной касты, думающие медленно, но, я бы сказал, обстоятельно, пытающиеся представить себя невиновными — просто они «выполняли волю других».

...Адьютант, старший лейтенант А. М. Трехалов докла-

* Семенов Г. Г., с. 295—296.



3 мая 1945 года на крыше бункера в парке Гумбольдт-Хайн.
На переднем плане слева направо: Н. Д. Козин, Я. Д. Емельянов,
З. П. Степанова

дывал: «Товарищ генерал, шестая тысяча складывает оружие». Так закончилась для 52-й гвардейской дивизии война. К 15 часам 2 мая 1945 года сопротивление Берлинского гарнизона прекратилось, к исходу дня город был занят советскими войсками.

Вереницы пленных во главе с когда-то чванливыми офицерами и генералами брели по улицам столицы. За 2 мая советскими войсками в Берлине было взято в плен 135000 человек. А всего с 16 апреля по 7 мая, то есть в Берлинской операции, советскими войсками взято в плен 480 тысяч солдат и офицеров противника, захвачено 1500 танков, 8600 орудий, 4500 самолетов*.

Замечательный вклад в разгром врага внесла и 52-я гвардейская дивизия. В боях за город в период с 22 апреля по 2 мая 1945 года, преодолевая сильное сопротивление врага, дивизия прошла по Берлину свыше 20 километров, заняла более 120 кварталов и 3 мая вышла на правый берег реки Шпрее.

* История второй мировой войны..., т. 10, с. 343.

В результате наступательных боев дивизии с приданными средствами усиления с 16 апреля по 3 мая 1945 года было убито и ранено 3186 и пленено 7260 фашистских солдат и офицеров, в том числе 2 генерала и 4 полковника. Уничтожено и захвачено большое количество боевой техники и военного снаряжения. За это же время дивизия потеряла убитыми 439, ранеными 1761 солдата и офицера.

Верховный Главнокомандующий в приказе от 2 мая 1945 года войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, завершившим разгром Берлинской группы войск, объявил благодарность. Частям и соединениям, наиболее отличившимся в боях за овладение Берлином, в их числе и 52-й гвардейской дивизии, было присвоено наименование «Берлинской». Дивизия была награждена третьим орденом — Кутузова II степени.

Ради торжества Победы люди шли в огонь, бросались в атаку и храбро умирали, завещая радость Победы тем, кто остался в живых. Алое знамя над рейхстагом было окрашено кровью героев, всех, кто пал, защищая Москву и Сталинград, кто сражался на Курской и Белгородской земле, кто штурмовал Берлин, кто остался в братских могилах на всем пути войны.

Как ни страшно на войне, но все же временами человек озабочен не опасностью смерти. Он смиряется с ней. Но, живя, он ищет бессмертные дела, которому служит. Нельзя, чтобы люди забыли, какой ценой достигалась наша Победа.

Победа! Как ждали этого момента солдаты и командиры, весь советский народ! И они пришли к этому победному часу, отстояв свободу и счастье своей Родины, освободив народы Европы от коричневой чумы фашизма.

...Закончена война. Берлинская тишина нас как-то оглушила — настолько непривычной она показалась! Трудно передать то душевное состояние, в каком находился советский воин-победитель. Гордость, торжество и ликование переполняли сердце каждого. То тут, то там раздавались оружейные залпы — каждый полк, каждое подразделение салютовали в честь одержанной Победы.

Узкими улицами, маневрируя среди развалин, битого кирпича, начальник политотдела В. Е. Горюнов, начальник штаба дивизии полковник Я. Д. Емельянов и я на автомашинах едем к центру города, в район бывших правительственных учреждений фашистской Германии. И вот мы у здания Имперской канцелярии. Здесь уже полно наших солдат и офицеров.

Через проем двери входим в здание, занимавшее целый квартал. Ходим час, другой — ни одной уцелевшей комнаты. Толстые стены пробиты снарядами тяжелых пушек, в железобетонных перекрытиях зияют огромные дыры.

— Где же последнее время жил Гитлер? — спрашивают солдаты друг друга.

Знающие отвечают:

— Здесь же, но под землей.

Выходим на площадь и попадаем в Имперскую канцелярию с боковой стороны. Еще раз огибаем здание и попадаем в другой отсек подземелья из нескольких этажей. Нам говорят, что последние несколько дней здесь жили Гитлер, Геббельс, Риббентроп.

В тот же день мы побывали в рейхстаге, разрушенном не меньше, чем рейхсканцелярия. Все уцелевшие части стен уже были испещрены надписями наших воинов.

...Как-то звонит мне командир 12-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор А. А. Филатов:

— Товарищ Козин! Торжество Победы старший офицерский состав корпуса решил отметить в вашей дивизии как в первой, вошедшей в Берлин.

— Возражений нет, товарищ генерал-майор.

На это торжество прибыли командир 23-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор П. М. Шафоренко, командир 33-й стрелковой дивизии генерал-майор В. И. Смирнов, их заместители и другие старшие офицеры.

После второго тоста адъютант старший лейтенант А. М. Трехалов вручает генерал-майору А. А. Филатову телеграмму. Тот прочитал, встал:

— Товарищи офицеры! Эта телеграмма от командующего нашей 3-й ударной армии генерал-полковника В. И. Кузнецова. В ней говорится: «Командир 52-й гвардейской стрелковой дивизии Нестор Дмитриевич Козин с группой своих гвардейцев направляется в Москву на Парад Победы».

Читатель легко поймет мое состояние, мои чувства, которые я испытывал после сообщения, — быть участником Парада Победы в Москве на Красной площади!

От каждого фронта и флота на Парад посылались по одному сводному полку, в который включались герои из героев.

По одному полку от фронта! Это совсем немного. Ведь героев, бесстрашных и смелых воинов, были тысячи, десятки тысяч. И тем выше была честь стать участником этого исторического торжества.



Группа советских генералов — участников Парада Победы. В первом ряду крайний слева Н. Д. Козин

И вот 24 июня 1945 года. Столица нашей Родины Москва встречала и чествовала своих воинов-победителей, воинов-освободителей.

Утро выдалось по-осеннему хмурым, небо заволокло низкими свинцовыми тучами, накрапывал мелкий дождь. Но даже такая погода не могла испортить нам парадного настроения.

К 8 часам утра улицы Москвы были запружены ликующим народом. Квадратами на гранитной брусчатке Красной площади в строгом порядке разместились сводные полки фронтов и Военно-Морского Флота. Они выстроились в той последовательности, как располагались фронты в ходе войны с севера на юг. Над головами воинов алым морем плескались боевые знамена.

9 часов 59 минут. Взоры каждого участника Парада устремлены на ворота Спасской башни. Кремлевские куранты бьют девять, а на десятом ударе из Кремлевских ворот на белом коне верхом выезжает принимающий Парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, его встречает командующий Парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Аплодисменты москвичей и гостей переходят в долго не смолкающие овации. Особенно они возросли, когда Г. К. Жуков произнес:

— Поздравляю вас с победой советского народа и его Вооруженных Сил над немецко-фашистской Германией!!!

По всей Красной площади прокатывается многократное победоносное солдатское «Ура!».

Память о Параде Победы, о встрече с боевыми друзьями, руководителями ленинской партии и правительства никогда не умрет!

Почти сорок лет прошло со времени победоносного завершения Великой Отечественной войны. 40 лет — срок немалый. Люди, родившиеся уже после того, видевшие войну лишь в кино и читавшие о ней в книгах, сейчас передовики производства, большие специалисты, отцы и матери семейств.

Для нас, ветеранов, четыре года войны — это не глава в учебнике истории, это годы наивысшего напряжения и большого подъема всех сил — физических и душевных.

В сражениях 1941—1945 годов решалась судьба не только нашей социалистической Родины. Нет, на полях сражений решалось, по существу, будущее всей планеты.

Каких прекрасных людей, защитников Родины воспитала Коммунистическая партия, каких командиров она подготовила для Советской Армии.

— Удивителен ваш русский народ, — говорили офицеры союзных войск. — С каким энтузиазмом советские военные власти взялись за восстановление порядка на немецкой земле!

— Почему вы, — удивлялись они, — торопитесь отплатить добром за все то, что причинили вашей стране немцы?

Этим иностранцам, которые смотрят на все явления жизни с точки зрения законов капитализма, многое было непонятно из того, что делалось вокруг. Не понимали этого и многие немцы.

Настал долгожданный день отправки солдат на Родину, этот незабываемый день расставания с людьми, прошедшими от Москвы до Сталинграда, от Сталинграда до Берлина в жесточайших боях.

Как сейчас помню стоявших в последний раз в строю гвардейцев. На груди каждого сияли награды Родины. Внимательно всматриваясь, на их лицах можно было прочесть все: и гордость за великую Победу, и радость, что остался в живых, и печаль о тех, кто остался лежать вечно на Смоленском, Московском, Сталинградском, Висло-Одерском, Берлинском рубежах.

Разгром фашистской Германии, а затем и милитарист-

ской Японии продемонстрировал всему миру несокрушимую мощь Вооруженных Сил страны социализма.

Великим вождем и полководцем советского народа в войне была Коммунистическая партия. Весь свой организаторский гений и духовные силы социализма партия направила к единой цели — разгрому фашизма. Не только во имя Советского Союза, но и народов Европы.

Война заставила меня понять то, чего не понимал я до 1941 года. Никогда ни во что я так не верил, как стал верить в человека. Я понял, что нет на свете никого, сильнее советского человека — носителя, защитника бессмертных великих идей В. И. Ленина.

Считаю себя счастливым тем, что с высоты прожитых лет понял, ради чего стоит жить человеку. Я начал уже девятый десяток лет, но мне никогда не хотелось так жить, как хочется теперь.

Как и все советские люди, хочу видеть торжество правды над ложью, добра над насилием, торжество Красного знамени, водруженного в 1945-м над рейхстагом как символ вечного мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Лишинский	
Воин и гражданин. Об авторе этой книги	3
<i>Глава первая.</i> Детство и юность	5
<i>Глава вторая.</i> Начало службы	10
<i>Глава третья.</i> Боевое крещение	20
<i>Глава четвертая.</i> От Ельни до Северского Донца	54
<i>Глава пятая.</i> Декабрь 1941-го	86
<i>Глава шестая.</i> Новое назначение	104
<i>Глава седьмая.</i> Главное — выиграть время	122
<i>Глава восьмая.</i> Станица Распопинская — Сталинград	144
<i>Глава девятая.</i> На Курской дуге	174
<i>Глава десятая.</i> В Прибалтике, Польше, Померании	191
<i>Глава одиннадцатая.</i> На Одере	207
<i>Глава двенадцатая.</i> И настал победный час	233
<i>Глава тринадцатая.</i> Штурм Берлина	249

*Нестор Дмитриевич
Козин*

ГВАРДЕЙЦЫ В БОЯХ

Издание второе,
переработанное и дополненное



Редактор
А. Хорошилов
Художник
В. Еврасов
Художественный редактор
В. Еранкин
Технический редактор
М. Сафонова
Корректоры
Г. Ульченко,
Н. Тырышкина

ИБ № 1750

АГ 00033. Сдано в набор 28. 12. 1984 г.
Подписано к печати 29. 03. 1985 г. Фор-
мат 84х108/32. Бумага тип. № 3. Гарни-
тура литературная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 14,28. Усл. кр.-отг. 14,28. Уч.-изд.
л. 15,549. Тираж 10000 экз. Заказ № 1601.
Цена 90-коп.

Алтайское книжное издательство Государ-
ственного комитета РСФСР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торгов-
ли — 656015, Барнаул, пр. Ленина, 76.

Производственное объединение «Полигра-
фист» управления издательств, полиграфии
и книжной торговли крайисполкома —
656023, Барнаул, ул. Титова, 3.



Нестор Дмитриевич Козин родился 19 декабря 1902 года в деревне Бурково Татарского района Новосибирской области в семье крестьянина-бедняка. С 12-ти лет батрачил, работал на железной дороге.

С 5 мая 1924 года в Советской Армии. В 1929 году закончил Омское пехотное училище им. М. В. Фрунзе. Служил в Белоруссии, Сибири, на Алтае.

16 июля 1941 года под Ельней принял боевое крещение в должности командира батальона, 24 августа принял полк. В 1941 году вступил в ряды Коммунистической партии. С апреля 1942 года командовал стрелковыми, воздушно-десантной дивизиями. В 1943—1944 годах после лечения в госпитале учился в Академии Генерального Штаба. 21 апреля 1945 года 52-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием Н. Д. Козина первой ворвалась в Берлин.

В 1954 году в звании генерал-майора по состоянию здоровья уволился в запас.

Герой Советского Союза. Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Суворова, семнадцатью медалями.

Ведет большую общественную, военно-патриотическую работу с молодежью. Почетный гражданин города Барнаула.

